

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
Государственное учреждение «ЮЖНОУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени К. Д. УШИНСКОГО»

На правах рукописи

Антонов Олег Владимирович

УДК 316.3+316.4+323.2+342.5

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

09.00.03 – социальная философия и философия истории

Диссертация на соискание научной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:

Мысык Ирина Георгиевна,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
социологии и менеджмента
социокультурной деятельности

Одесса – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ.....	10
Выводы к разделу 1.....	50
Раздел 2. РЕФОРМЫ КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И УПРАВЛЯЕМЫМ ЕЮ ОБЩЕСТВОМ.....	55
Выводы к разделу 2.....	80
Раздел 3. ОПТИМАЛЬНОСТЬ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ КАК СУБЪЕКТАМИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СВОБОДЫ	84
Выводы к разделу 3.....	108
Раздел 4. ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА.....	110
Выводы к разделу 4.....	148
Раздел 5. ОПТИМАЛЬНОСТЬ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕГО ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ.....	152
Выводы к разделу 5.....	175
Раздел 6. ОБЩИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕФОРМАТИВНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В УКРАИНЕ.....	178
Выводы к разделу 6.....	209
ВЫВОДЫ.....	212
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	217

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что проблема отношений государственной власти и общества перманентна по сути. Она появилась одновременно с возникновением государства и сопровождала государственную власть и общество на протяжении всей истории их взаимоотношений. Постоянным признаком последних является напряженность. Мировая история богата примерами, когда это качество отношений между государственной властью и обществом приводила их к разрушительному противостоянию, которое влекло регресс для них обоих и невосстановимый ущерб (материальный, физический, духовный) для отдельных человеческих экзистенций. Настоящее преисполнено такими событиями и их негативными для социальной системы последствиями. Исправление и недопущение последствий предполагает устранение их причины, которой оказывается чрезмерно напряженный режим отношений между государственной властью и обществом. Этим обосновывается фактическая актуальность проблемы выбора оптимального режима таких отношений.

Определение какого-либо режима как оптимального требует концептуального обоснования. Это должна быть своеобразная метаконцепция, создать которую можно только посредством синтеза разных отраслей социальной науки и практики. Но, поскольку реализация выбранного режима влечет за собой комплекс масштабных многоаспектных социальных преобразований, а значит, может кардинальным образом повлиять на человеческие жизни, то и само соединение теоретических и прикладных достижений, в свою очередь, должно зиждиться на глубоком этическом, аксиологическом, онтологическом, диалектическом осмыслении. Учитывая то, что проблема касается социальных отношений, наибольший мировоззренческий вклад в ее решение способна сделать социальная философия. Отсутствие такой единой всесторонне и всеуровнево систематизированной концепции указывает на необходимость дальнейших изысканий, нацеленных на ее формирование, в том числе исследований, которые

способны раскрыть социально-философские основания оптимальности какого-либо режима.

Существенный вклад в изучение отношений государственной власти и общества внесли мыслители разных эпох, которые проблематизировали определенные участки знания в зависимости от нравственно-этического, гносеологического, политологического, правового, социологического, экономического, ракурса своих научных интересов (Аристотель, А. Августин, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, А. Тойнби, Фукуяма, Е. Тофлер и др.). Проблема имеет междисциплинарный статус. Ее осмысление предполагает выход из узких рамок научно-теоретических исследований в пространство философского обобщения. Это в целом определило научное задание данного исследования: социально-философский анализ отношений государственной власти и управляемого ею общества в контексте оптимизации.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Работа выполнена в рамках научной тематики кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» «Методология и технология современного философского познания» (№011U010462) (тема исследования утверждена на заседании ученого совета университета, протокол № 9 от 26 апреля 2012 г.) и является одним из аспектов социально-философского осмысления общественных отношений.

Цель работы заключается в выявлении и обосновании оптимального режима отношений между государственной властью и обществом.

Достижение цели обуславливается решением следующих задач:

- рассмотреть методологические основания исследования и уточнить содержание использованных понятий;
- выявить и структурировать параметры легитимности как идеального режима общественных отношений между государственной властью и собственно обществом;

- обозначить реально возможные режимы общественных отношений между государственной властью и собственно обществом, выделить среди них наиболее оптимальный;

- обосновать оптимальность реформативного режима отношений между государственной властью и управляемым ею обществом с точки зрения его соответствия условиям среды, в которых формировалась социальная система;

- проанализировать детерминацию реформативного режима общественных отношений между государственной властью и обществом с целью доказывания его оптимальности;

- проследить структуру причинных связей реформативного режима и ее влияние на оптимальность данного порядка общественных отношений между государственной властью и собственно обществом;

- разработать общие концептуальные положения реформативной оптимизации отношений между государственной властью и обществом в современной Украине.

Объект исследования: организация общественных отношений.

Предмет исследования: государственная власть в контексте общественных отношений.

Методы исследования. Логика выбора методов обусловлена содержанием исследования, нацеленного на изучение взаимосвязей и взаимозависимостей в сложных нелинейных системах, рассмотренных в рамках обозначенной цели и предметного ограничения понятий государственной власти и общества.

Ведущую роль в построении научной работы и определении ее концептуальных оснований сыграла исходная методологическая плюралистическая установка исследования, применение системного (школа системных исследований А. Уёмова) и синергетического общенаучных подходов, а также таких научных методов теоретического исследования, как анализ и синтез, сравнение, аналогия, абстрагирование, идеализация, обобщение, формализация, конкретизация и других, соответствующих условиям познавательных умственных процедур. На формирование результатов исследования повлияла процедура экстраполяции принципов диалектической философской традиции с учетом современных научных

дискурсных интерпретаций и состояния исследуемых объектов. Исследование ключевых понятий диссертации осуществлялось в координатах «абстрагирование-конкретизация» в единстве процессов восхождения от конкретного к абстрактному и затем восхождения от абстрактного к новому конкретному.

Доказывание выведенных в результате исследования положений производилось в соответствии с аксиоматико-дедуктивным методом. Наиболее важные для процедуры доказывания посылки использовались в исследовании на основании применения логического метода, осуществляемого согласно принципу совпадения исторического и логического.

Выявлению значимых для достижения исследовательской цели отношений между элементами анализируемых систем способствовал структурный подход. Такие методы, как моделирование и мысленный эксперимент, позволили оперировать идеализированными аналогами системных объектов, непосредственное исследование которых является невозможным в связи с их протяженностью во времени и пространстве. Прогностическая экстраполяция способствовала формированию представлений о будущем состоянии изучаемых объектов.

Научная новизна полученных результатов заключается в том, что впервые посредством социально-философского анализа реформативный режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом обоснован в качестве оптимального с точки зрения его соотношения с легитимностью и в контексте его внешней и внутренней детерминированности.

Решение конкретных задач способствовало достижению цели, обусловило и подтвердило научную новизну полученных результатов, которые сформулированы в следующих положениях.

впервые:

- легитимность формализована как идеальный режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом, который задается управляющими параметрами социальной системы, «действие ↔ поддержка», детерминируется и структурируется в соответствии с предикатами государственной

власти, удовлетворяющими указанным координатам и достигшими своего максимального параметрического значения.

- в результате сравнения трех режимов, проводившегося в рамках социально-философского анализа: идеального (легитимного) и двух реальных (революционного и реформативного), – последний был определен в качестве оптимального;

- доказана оптимальность реформативного режима с точки зрения его детерминированности, во-первых, внешней причинностью социальной системы (в частности свободой как условием среды, в которой социальная система была сформирована), во-вторых, внутренней (вероятностной и целевой) причинностью социальной системы, в-третьих, неотвратимостью как фундаментальным качеством, обусловленным его каузальной структурной организацией;

уточнено:

- методология и понятийный аппарат работы, которые могут применяться в социально-философских исследованиях государственной власти в контексте общественных отношений.

- значения атрибутивных (бинарных и линейных) системных параметров государственной власти, которые детерминируют ее легитимность (в частности открытость, прогрессивность, эффективное управление, чувство меры и т.д.);

- вектор влияния, оказываемого на режим отношений между государственной властью и обществом свободой как условием внешней среды и управляющим параметром, обуславливающим внутреннюю динамику социальной системы, детерминирующим ее самоорганизацию и взаимодействие ее подсистем;

- причинно-следственная специфика реформативной ответственности государственной власти, которая заключается в неотвратимости этой разновидности воздействия;

получило дальнейшее развитие:

- представление о развитии гражданского общества как о приоритетном направлении реформ в современной Украине;

- интерпретация кантовской теории общественного договора как основания для выводов о необходимости установления компромиссного (реформативного) режима отношений между государственной властью и обществом;

- концепция свободы как фактора, оказывающего воздействие на государственную власть в контексте общественных отношений.

Теоретическое и практическое значение полученных результатов состоит в выявлении системных взаимосвязей, обеспечивающих реформативную оптимизацию отношений между государственной властью и обществом.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в междисциплинарных и философских исследованиях сферы отношений между государственной властью и обществом, а также при разработке и чтении курсов социальной философии, философии права, политологии, специальных курсов, посвященных философии государства и права.

Предложенные выводы представляют интерес для исследовательской практики в области социальной философии. Выдвинутые и обоснованные в диссертационном исследовании идеи и положения могут быть использованы не только в философском знании, но и в широкой системе современного научно-теоретического познания – в сфере правоведения, конфликтологии, психологии.

Личный вклад соискателя. Диссертация написана автором самостоятельно.

Тексты опубликованных статей, тезисов и материалов конференций подготовлены и опубликованы автором без соавторов.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертации были представлены на международных, всеукраинских, региональных и научно-практических конференциях. Среди них: Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Современная семья: взгляд молодежи» (Одесса, 2011), Всеукраинская студенческая научно-практическая «Социологические чтения» (Одесса, 2014), Региональная межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Философские чтения» (Одесса, 2014), II Международная научная конференция «Методология и технология современного философского познания»

(Одесса, 2014), Всеукраинская курсантско-студенческая конференция «Национальная безопасность Украины: проблемы и пути решения» (Одесса, 2014), Четвертая всеукраинская научная конференция «Современные социально-гуманитарные дискурсы» (Днепропетровск, 2014), Международная научно-практическая конференция «Украина и мир в третьем тысячелетии: политическое, экономическое, правовое и культурное измерения» (Одесса, 2015), Международная научная конференция «Концепты социокультурной трансформации современного общества» (Одесса, 2015).

Публикации. Результаты исследования были отображены в 13-и публикациях, среди которых 5 статей в профессиональных изданиях по философским наукам, 1 статья в международном журнале, 7 – тезисы и материалы конференций (все публикации без соавторов).

Раздел 1.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

Анализ отношений государственной власти и общества, концепции их оптимизации изложены в произведениях философской классики в контексте определенной исторической эпохи. Прежде всего, в трудах Аристотеля, А. Августина, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера, М. Олсона, П. Сорокина, А. Тойнби, М. Фуко, Ф. Фукуямы, Э. Тоффлера, представителей Франкфуртской школы и др. Немалый вклад в разработку проблем отношений государственной власти и общества сделали представители современной украинской социально-философской мысли последних десятилетий. Это, в частности, труды В. Ильина, В. Дементьева, А. Краснокутского, В. Решетило, И. Солонько. К важному для диссертации вопросу легитимности государственной власти обращались такие украинские ученые, как Т. Алексеева, В. Андрущенко, Е. Белый, Е. Быстрицкий, А. Гребиневич, В. Горбатенко, О. Дашакивская, А. Ермоленко, Ф. Кирилюк, А. Кокорская, А. Колодий, В. Корниенко, Н. Костенко, И. Кресина, Л. Кривенко, А. Лой, Ю. Макеев, А. Медушевский, М. Мирошниченко, В. Набруско, В. Нечипоренко, М. Николко, Н. Осипова, Е. Прегуда, С. Пролеев, В. Ребкало, Ю. Розенфельд, Ю. Романенко, Ф. Рудич, С. Рябов, А. Серета, К. Сигов, И. Сикора, А. Скрипнюк, В. Фадеев, И. Хаврук и др.

Исследования социальных процессов и явлений (власть, государство, общество, свобода и т.д.), которые тесно связаны с изучаемой проблемой, содержатся в научных изысканиях А. Кавалерова, М. Дмитриевой, А. Чунаевой, Е. Боринштейна, Э. Гансовой, Н. Гедиковой, О. Долженкова, Е. Лисиенко, И. Мысык, В. Плавича, А. Пунченко, О. Халапсиса, М. Цибри и др.

Научным заданием настоящего исследования является социально-философский анализ отношений между государственной властью и обществом в контексте оптимизации. Цель, которую предполагается достигнуть в процессе его

решения, состоит в выявлении и обосновании оптимального режима отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Для этого методологически важно, во-первых, указать границы, которые цель накладывает на содержание понятия «режим отношений», во-вторых, отделить оптимальный режим от неоптимального.

Чтобы раскрыть содержание понятия «режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом», целесообразно вставить его в логическую систему координат, проведя сравнительный анализ понятий «государственный режим» → «политический режим» → «режим отношений между государственной властью и обществом». Государственный режим – это система способов методов и средств, при помощи которых реализуется государственная власть [87, с. 67]. Понятие политического режима несколько шире – это «...система приемов, методов, форм, способов осуществления политической (включая государственную) власти в обществе» [160]. Очевидно, что государственная власть оказывается лишь одним из нескольких возможных субъектов, «...реальное распределение политической власти...» [14, с. 318] между которыми являет собою политический режим. Следовательно, государственный режим является частью политического. Исходя уже из формулировки дефиниендума становится очевидным, что режим отношений между государственной властью и обществом включает в себя не только способы осуществления государственной власти, то есть манипуляции, совершаемые ею применительно к обществу, но и встречные действия, которые социум направляет в сторону государственной власти. Значит, данный режим так же, как и политический, объёмней государственного и вмещает его в качестве своего компонента. Однако толкования и государственного, и политического режимов игнорируют субъектную роль общества. Общество в них представляется как объект власти, существующий в политических обстоятельствах, созданных субъектами власти.

Роль институтов гражданского общества как политического субъекта сводится к использованию возможностей, предоставленных ему государственной властью. Варианты самостоятельного расширения таких возможностей при этом не

рассматриваются. В данном пункте дефинируемый режим не совпадает с политическим, поскольку предполагает, что во взаимоотношения вступают два субъекта, и если одним из них является государственная власть, то другим оказывается общество. Более того, реакция социума на действия государственной власти – основание для дифференциации режима отношений между ними на соответствующие подвиды.

На основании реакции, которой общество отвечает на действия государственной власти, можно выделить два реально осуществимых режима отношений между данными субъектами: революционный и реформативный. Здесь кроется еще один признак, по которому исследуемый режим отличается от политического – положение государственной власти. Для любой концепции политического режима (тем более государственного) государственная власть неизменно находится в статусе управляющего субъекта. И не важно, самостоятельна она или зависима от некоего носителя наивысшей политической власти (личности, партии, клана и т.д.) – толкования политического режима исходят из того, что общество обречено жить по предписаниям, установленным государственной властью.

Именно эти правила как реальные, так и сугубо формальные, составляют суть государственного режима и одно из главных свойств политического режима. В отличие от него определяемый режим в немалой степени обусловлен поведением социума. Последний оказывается не пассивным материалом, из которого субъект власти выстраивает необходимый ему политический уклад, но активным действующим началом, способным преобразовать (в ходе реформ) или даже устранить (в результате революции) действующую государственную власть (неотъемлемую часть конкретного политического режима) и любого контролирующего ее субъекта.

Таким образом, режим отношений между государственной властью и обществом не совпадает с политическим режимом в следующих пунктах: общество для него является субъектом, а не объектом, деятелем, а не материалом; государственная власть же, напротив, теряет свою субъектную безусловность и

приобретает статус объекта, претерпевающего социальное воздействие. Точнее, в рамках дефинируемого режима государственная власть и общество сочетают в себе роли субъекта и объекта, играемые ими друг для друга. Воздействуя на своего оппонента, каждый из этих социальных акторов проявляет себя как субъект, но, воспринимая взаимное воздействие, он оказывается объектом. Резюмируя вышеизложенное, исследуемый режим можно определить как порядок связей между государственной властью и обществом, основанный на их взаимном субъектно-объектном действии.

Концепциям политического режима чужд подобный двусторонний подход. Следовательно, они высвечивают отношения между государственной властью и социумом односторонне, без учёта субъектности общества и объектности государственной власти. Значит, политический режим поглощается выведенным понятием, предметная область которого открывает более общую перспективу для обозрения отношений между государственной властью и социумом.

Подобная широта позволяет абстрагироваться от знаний о политическом режиме, основным содержанием которых является конкретизация места, занимаемого отношениями государственной власти и общества на шкале между тоталитаризмом (авторитаризмом) и демократией, и направить исследование на фундаментальные начала данных отношений, обуславливающие в том числе политический и государственный режимы. Отношения между государственной властью и обществом устанавливаются и развиваются в соответствии этими глубинными принципами, в то время как разновидности государственного и политического режимов оказываются лишь их частными проявлениями. Поскольку режим отношений между государственной властью и социумом охватывает все уровни таких отношений, включая наиболее общий, то поиски его оптимального варианта должны исходить из универсальных законов, детерминирующих взаимодействие данных субъектов.

Фундаментальные начала отношений между государственной властью и обществом, а именно субъектность последнего, выражающаяся в его способности изменять или даже устранять первую в зависимости от ее действий,

предустанавливают, что в социальной действительности режим подобных отношений может быть либо реформативным, либо революционным. Здесь методологически целесообразно оговорить принимаемое в качестве аксиомы видение соотношения между реформами, революцией и эволюцией. В социальных науках достаточно распространен подход, в рамках которого «различают постепенный и скачкообразный виды социального прогресса. Первый называется реформистским (эволюционным), второй – революционным» [183]. В соответствии с подобной парадигматической структурой, во-первых, реформы, по сути, отождествляются с социальной эволюцией, революция же им противопоставляется, выделяется как самостоятельное направление общественного развития, во-вторых, эволюционные изменения трактуются как количественные, а революционные – как качественные, в-третьих, эволюция рассматривается как составляющая (одна из форм) социального прогресса. Предложенная данным подходом классификация представляется необъективной, так как учитывает лишь позитивные, но игнорирует негативные последствия естественного отбора, который есть «...основной движущий фактор эволюции...» [150]. В результате его действия эволюция проявляется как в прогрессе отбираемых, так и в регрессе устранимых. Поэтому более соответствующим социальной действительности кажется другой подход к пониманию и классификации общественных преобразований. «Очевидно, что социальная эволюция не имеет заданного направления. Многие из эволюционных каналов не ведут к росту сложности, барьеры на пути возрастания сложности просто огромны, наконец, стагнация, упадок и даже гибель являются практически столь же обычными явлениями для эволюционного процесса, что и поступательный рост сложности и развитие функциональной дифференциации. Можно согласиться с... определением социальной эволюции как качественной реорганизации общества из одного структурного состояния в другое» [109].

Таким образом, социальный прогресс (наравне с застоём и регрессом) – составляющая эволюции, а не наоборот. Сама же социальная эволюция заключается не только в количественных, но и, прежде всего, в качественных изменениях [88; 109; 240]. «При этом, возможен как революционный способ изменений, так и...

реформистский...» [133]. То есть эволюция не отождествляется с реформами и не противопоставляется революции, но объемлет их в качестве своих элементов. И поступательные (реформативные), и дискретные (революционные) трансформации в равной степени свойственны эволюции. Синергетический подход дополняет данную классификацию, объясняя ее с позиций социальной динамики: «социальные революции синергетиками справедливо истолковываются как бифуркации, являющиеся составными звеньями эволюции...» [18].

Итак, социальная эволюция осуществляется либо в революционном, либо в реформативном режиме, в основе которых лежит специфика отношений между государственной властью и обществом. Революционный режим предполагает нигилистичную реакцию общества, вызванную соответствующими актами государственной власти. Этот режим допускает свержение действующей государственной власти как результат направленной против нее социальной революции. Реформативный режим, наоборот, предусматривает сохранение действующей государственной власти в качестве своего обязательного условия. Отношения в рамках данного режима развиваются по следующему алгоритму: государственная власть совершает поступки, которые по каким-то причинам не устраивают общество; народ в ответ на это не устраивает радикальные социальные сдвиги, а умеренно и поступательно подталкивает государственную власть к желательным для себя реформам (вернее, вырабатывает реформативную концепцию и шаг за шагом подводит государственную власть к реализации данной концепции).

Очевидно, что государственный и политический режимы со свойственным им незыблемым положением государственной власти не сопоставимы с революционным режимом. Реформативный режим, напротив, не имеет смысла без объекта реформ. Но в отличие от политического режима реформативный (как и революционный) определяется не только и не столько государственной властью, сколько общественной реакцией на ее действия. Составляющее суть политического режима фактическое распределение власти между политическими субъектами представляет собой объект реформирования, то есть является лишь частью реформативного режима. Иначе говоря, политический режим – элемент

реформативного. И это естественно, так как стремление улучшить свою жизнь – неотъемлемая черта социума. В силу того, что государственная власть оказывается необходимым звеном подобного улучшения, она превращается в объект постоянного совершенствования, осуществляемого посредством реформ. Единственная реальная причина, по которой реформирование рискует прекратиться, – сопротивление со стороны государственной власти как центрального механизма действующего политического режима. Не повышать качество своего бытия общество не способно, и, если этого не получается добиться с помощью реформ, народ прибегнет к более радикальным мерам – к устранению препятствия на пути своего прогресса, к революции. Таким образом, политический режим в любой своей разновидности не может существовать вне реформативного – отказ от реформ равнозначен его свержению.

Для того чтобы обосновать оптимальность одного из реально возможных режимов (революционного либо реформативного), нужно определить критерии, по которым режимы будут оцениваться как оптимальный или неоптимальный. В качестве такого критерия удобно использовать модели идеальных объектов. Это модели, в которых свойства изучаемого объекта берутся в чистом виде – без недостатков и отклонений, присущих ему в реальности. Оптимальным окажется тот реально возможный режим, который больше других будет соответствовать идеальному режиму. «Одним из оптимальных политических режимов мировая практика признаёт режим демократического правового государства, определяющим фактором которого выступает господство права во всех взаимоотношениях между личностью и государственной властью» [174]. Эту мысль можно назвать парадигмальной для современного понимания политического режима. С некоторыми оговорками ее позволительно экстраполировать и на режим отношений между государственной властью и обществом в целом. Демократическое правовое государство – действительно наилучший вариант социума, существующего в условиях государственности. Однако историко-логический анализ показывает, что верховенство права – это в лучшем случае декларируемый государственной властью принцип, который регулярно нарушается в социальной реальности. Таким же

образом дело обстоит и с демократией. Вне зависимости от ее вида (прямая или представительская) суверенитет народа как источника наивысшей политической власти фактически не защищен. Воля большинства, как правило, подменяется интересами других несопоставимо более малочисленных политических субъектов. Значит, демократическое правовое государство представляет собой не «мировую практику», а, скорее, социальный идеал, недостижимую на практике высокую цель. В качестве идеальной модели политического режима оно вполне применимо. Но в силу неосуществимости данной модели ее нельзя принять как оптимальную для реально возможных отношений между государственной властью и обществом. Кроме того, она имеет те же недостатки, что и концепция политического режима в целом: в ней игнорируется двусторонний субъектно-объектный характер отношений; общество представляется как объект, живущий в условиях (пусть и рафинированных), которые создаются субъектом – государственной властью. Отсюда следует, что режим демократического правового государства не может быть критерием, используемым для обоснования оптимальности революционного или реформативного режима.

Для того чтобы выявить подобный критерий, нужно обратиться к основаниям политического режима, лежащим в отношениях между государственной властью и обществом. Политический режим «...зависит от того, какой ему соответствует тип легитимации власти» [14, с. 318]. Обозначенному выше идеальному политическому режиму корреспондирует рационально-правовой (демократический) тип легитимности. Однако он также является идеальным. Зачастую общество признаёт государственную власть, руководствуясь иррациональными мотивами, а вовсе не осознанным пониманием правильности ее действий. Не менее идеальными оказываются и другие типы легитимности (традиционный и харизматический), но уже по другим признакам, которые равным образом свойственны и демократическому типу: в силу того что совершенство недостижимо, социум всегда остается в той или иной степени недовольным государственной властью. Значит, народное признание завоевывается лишь в какой-то мере, абсолютная же легитимность недостижима.

Вместе с тем легитимность как обстоятельство, от которого «политический режим зависит», то есть его внешнее условие, действующее на более общем уровне взаимосвязей, дополняет его односторонность вторым субъектом – общество вкладывает в отношения с государственной властью свою реакцию в виде признания. Отношения, протекающие в режиме легитимности (когда государственная власть осуществляет акты, поддерживаемые обществом), вне зависимости от ее типа являются идеальными, поскольку гармонируют с формой культуры, в которой существуют их субъекты. Поэтому легитимность можно принять в качестве идеального режима и, соответственно, критерия оптимальности для реально возможных режимов.

В политологических источниках [см., например, 6, 62, 81, 93, 188 и др.] легитимность определяется как признание государственной власти обществом. Но объектом диссертации является не государственная власть и не управляемое ею общество – а отношения между ними. Поэтому следует уточнить, в чем именно легитимность проявляет себя как отношение.

Неотъемлемым свойством социальных отношений является то, что они устанавливаются между субъектами. В данном случае субъекты – это государственная власть и управляемое ею общество. Кроме того, социальные отношения характеризуются каким-то содержанием – теми действиями, которые реализуются субъектами применительно друг к другу, эквивалентностью и самостоятельностью этих действий. То, что государственная власть совершает применительно к обществу, и есть содержанием, которое она как субъект вкладывает в отношения с ним.

Общество со своей стороны предпринимает ответное действие – признаёт или не признаёт государственную власть за осуществленные ею действия. Естественно, действия субъектов неэквивалентны – для того чтобы общество отреагировало поддержкой или неподдержкой, государственная власть должна инициировать какое-нибудь действие. То есть отношение изначально устанавливается государственной властью. И от нее зависит, каким будет это действие: вызывающим у общества одобрение или порицание. Значит, реакция общества в большей степени

зависит от государственной власти. Отсюда следует, что в отношениях с обществом государственная власть имеет преимущество, а ее действия – более самостоятельны. Таким образом, легитимность можно определить как отношения, в ходе которых первый субъект (государственная власть) производит действия, на которые второй субъект (общество) реагирует признанием. Но, как было отмечено выше, если сравнить этот режим отношений с социальной действительностью, то становится очевидным, что даже в самых развитых странах он регулярно нарушается – общество постоянно в той или иной форме выражает свое недовольство действующей государственной властью.

Другими словами, легитимность достижима в отдельных актах взаимодействия между государственной властью и обществом. Но как режим отношений между ними легитимность желаемая, однако в полной мере нереализуема. Следовательно, ее можно оправданно считать идеальной моделью отношений между государственной властью и обществом – идеальным режимом – а значит, и критерием оптимальности реально возможных режимов.

Итак, режим отношений зависит в большей степени от государственной власти, то есть от того, какие действия она будет осуществлять по отношению к обществу. Поскольку цель исследования – выявить оптимальный режим среди реально возможных, то и государственную власть вместе с ее свойствами тоже нужно рассматривать с той точки зрения, что ее идеальная модель отличается от ее реального воплощения.

В правовых источниках [например, 57, 103, 105, 113, 116, 173, 189 и др.] приводятся определения идеальной государственной власти. В реально существующих государствах власть в той или иной степени не соответствует идеалу. Политологические источники [например, 63, 73, 149, 163, 175, 215, 223 и др.] приводят различные концепции государственной власти, в которых под разными углами осуществляется реалистичный анализ ее содержания. Но рассмотрение этих концепций было бы лишним. С точки зрения достижения цели диссертации, достаточно указать лишь на некоторые свойства государственной власти. Они должны быть общими для всех реально возможных моделей

государственной власти и должны быть важны для ее отношений с обществом. Такими свойствами являются самостоятельность, элитарность и системность.

Для того чтобы быть субъектом отношений, государственная власть должна обладать самостоятельностью, независимостью. Более того, она должна над кем-то властвовать. Аксиоматическое представление о том, что в отношениях между государственной властью и обществом властью наделен именно первый участник данного взаимодействия, является методологической установкой настоящего исследования. Подобное положение вещей вполне естественно, поскольку стало закономерным результатом в развитии человечества.

Социум на протяжении цивилизационной истории неизменно институционализируется. «Институционализация – процесс формализации социальных отношений, переход от неформальных отношений (объединений, согласий, переговоров) и неорганизованной деятельности к созданию организационных структур с иерархией власти, регламентируемой, соответствующей деятельностью, теми или иными отношениями, их юридизацией, если это возможно и необходимо. Организация и формализация общения, отношений и деятельности превращает их в институт семьи, школы, учреждений и т.д. Институционализация представляет собой синергетический процесс перехода самоуправления и самоорганизации явлений к организационным и управленческим» [108]. Таким образом осуществляется «...процесс формирования различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов» [96].

В свою очередь, социальный институт «...это специфическое социальное образование, призванное обеспечить воспроизводство общественных отношений, надежность и регулярность удовлетворения основных потребностей общества и человека. Благодаря социальным институтам в обществе достигается стабильность, предсказуемость поведения людей, устойчивость их социальных связей» [61, с. 34]. Процесс перехода к организационности, управленчеству достигает своего апофеоза в становлении института государственной власти. Именно институт государственной власти обеспечивает стабильность и устойчивость социальных отношений в целом, задает и реализует стратегию, согласно которой функционирует

система данных отношений. Тактические задачи решаются в рамках этой стратегии и припадают на долю других социальных институтов.

Организация общественной жизни, управление социальными отношениями требуют, чтобы субъект, занимающийся подобными видами деятельности, обладал полнотой и верховенством власти. Иначе он сам был бы организовываемым и управляемым. Следовательно, институту государственной власти аргіогу принадлежит право властвовать в его связях с обществом, поскольку именно он является тем самым организовывающим и управляющим субъектом. И хотя управление общественными отношениями и их организация зависят не только от государственной власти, но и от других социальных институтов [161, с.444], главная роль здесь отводится именно государственной власти. Роль эта раскрывается в следующих функциях, которые исполняет государственная власть по отношению к обществу: это «средство осуществления политического господства; способ организационного, регулирующего и контрольно-надзорного обеспечения политической жизни, общественной и индивидуальной деятельности людей, личной жизни человека. Власть государственная характеризуется суверенностью (независимостью), верховенством (имеет приоритет над всеми другими государственными институтами), всеобщностью (функционирует во всех сферах жизни), интегративностью (объединяет людей, общественные силы, а также многочисленные органы в систему), функциональностью (осуществляет определенные виды деятельности посредством реализации конкретных полномочий), наличием механизмов принудительного исполнения властно-государственных решений (постановлений, законов, решений, вердиктов и т.п.)» [144, с.61].

Перечисленные функции и характеристики государственной власти указывают на краеугольное, экзистенциальное значение, которое она имеет для социальной жизни. Подобное значение и подчеркивает, и оправдывает, но, прежде всего, порождает факт субъектности государственной власти в ее взаимоотношениях с обществом, ее приоритетное, неоспоримое право собственности на власть.

Поскольку вторым участником отношений является общество, то властвовать государственная власть должна именно над обществом. В реальной жизни так и получается – государственная власть издает законы, контролирует их выполнение, и зачастую ее носители злоупотребляют своей властью, используя социум в своекорыстных интересах. Именно в связи с тем, что государственная власть фактически руководит обществом, последнее и определяется как управляемое. Раз государственная власть состоит из лиц, которые могут либо злоупотреблять, либо не злоупотреблять своей властью, то они этой властью наделены, в отличие от тех, по отношению к кому они ее осуществляют.

Концепции политического режима подробно рассматривают взаимосвязи между такими лицами, характер распределения власти между ними и другими политическими субъектами. Причем государственная власть рассматривается лишь как один из носителей политической власти. Остальными властью держащими субъектами могут быть партии, корпорации, олигархи и т.д.

Для настоящей работы подобный анализ методологически нецелесообразен. Так как в фокусе исследования находятся отношения, а не их участники, то интерес представляют не столько сами государственная власть и общество, сколько те их свойства, которые являются значимыми для изучаемых отношений. Последние раскрываются в обоюдном воздействии. Для того чтобы осуществлять воздействие, каждый из субъектов должен обладать необходимыми для этого свойствами. Но свойство «свойственно вещи...» [213, с. 30], а «вещь – это система...» [212, с. 38], то есть целое [187].

Таким образом, отношения в форме взаимного воздействия требуют, чтобы и государственная власть, и общество были целостными субъектами. И изучать их в контексте отношений следует, принимая их целостность в качестве методологической установки. С точки зрения отношения как воздействия анализ влияния, оказываемого некими политическими субъектами на государственную власть, не нужен. Важен сам факт, что есть определенные люди, которые, объединяясь внутри какого-то целого, оказывают систематическое воздействие на общество. В данном пункте важно и содержание осуществляемого ими воздействия.

Оно обязательно должно основываться на управлении обществом как целым. И не имеет значения, занимает ли такой человек высокую государственную должность, или наделён властью над обществом в силу своего фактического социального положения (лидер партии, олигарх и т.д.).

Теневая власть возможна только вследствие сращивания с официальной (государственной) властью. Если желающий управлять обществом деятель нашел возможность добиться своей цели через представителей официальной государственной власти (а иначе это просто невозможно), то данная связь позволяет рассматривать всех ее участников в качестве частей чего-то целого, функцией которого является властвование над обществом. В итоге, руководящее социумом целое состоит из индивидов, которые способны определять его функционально-целевую деятельность: наиболее влиятельных государственных чиновников и самых крупных политических или финансово-экономических (в зависимости от конкретной ситуации в конкретной стране) фигур.

Социально-философский подход позволяет выйти за пределы дисциплинарной (юридической и политологической) методологии и дефинировать государственную власть как целое, состоящее не только из официальных должностных лиц, но и неформальных лидеров. Такие персоны консолидированы внутри политико-экономической элиты. А основанием их объединения служит наличие у них власти над обществом (и как цели, и как осуществленного факта). По этой причине государственная власть носит элитарный характер.

Кроме того, если государственная власть является совокупностью взаимодействующих элементов, то она однозначно является системой [213, с. 59] (и на режим ее отношений с другими системами влияют именно ее эмерджентные свойства). Ее элементы – это, как было указано выше, наделенные властью лица (физические и юридические). Таким образом, с точки зрения цели диссертации государственную власть можно определить как имеющую власть над обществом систему лиц, которые могут использовать эту власть и в интересах составляемого ими целого (всей государственной власти как системы), и в своих личных интересах. Данное определение соответствует любой реально существующей

разновидности государственной власти, то есть любому отклонению от ее идеальной модели.

Безусловно, государственная власть состоит из членов общества. Однако методология исследования отношений требует разграничить государственную власть и общество как отдельных друг от друга субъектов. Поэтому в диссертации общество рассматривается как система, имеющая определенные свойства (свойства целого). Такой подход позволяет выявить то свойство, которое детерминирует вступление общества в отношения с государственной властью как отдельного от нее субъекта. Это управляемость. Поскольку социум как целое управляется государственной властью как целым, он не может быть с ней совмещен. Они должны изучаться в качестве иерархически равных друг другу и отделенных друг от друга систем. Таким образом, для достижения стоящей перед исследованием цели методологически необходимо применять понятие общества, подчеркивая в его предметной области свойство управляемости, которую целесообразно считать аксиомой.

Не менее важной методологической установкой является следующая: общество, несмотря на то, что является управляемым, также как и государственная власть обладает самостоятельностью, в результате чего тоже влияет на режим отношений с государственной властью. Если государственная власть совершает действия, не вызывающие общественного признания, то оно реагирует непризнанием. Последнее должно иметь какое-то конкретное выражение. Выражается непризнание либо в революции, когда общество стремится свергнуть действующую государственную власть, либо в реформах, когда общество более мягкими средствами склоняет государственную власть постепенно измениться в лучшую для него сторону.

Общество, как и государственная власть, неоднородно. С юридической, политологической, социологической точек зрения оно состоит из разных институтов, групп, классов и т.д., которые находятся друг с другом во всевозможных и зачастую конфликтных отношениях. Однако, так же как и в случае с государственной властью, социально-философский подход позволяет

абстрагироваться от общественного разнообразия и, обозрев его панорамно, выявить его системную целостность. Обнаруживается она в свойствах, которые присущи обществу исключительно как целому: его управляемости (государственной властью) и субъектности (способности воздействовать на государственную власть). Эти два, на первый взгляд, противоположных свойства органично сочетаются в отношениях с государственной властью – последняя властвует над социумом, который находится в управляемом состоянии, но при этом испытывает его воздействие (революционное либо реформативное), когда не удовлетворяет его потребности. Отношения же, как было отмечено выше, возможны только между целостными субъектами (системами). Управление распространяется на весь народ, а не на его отдельные составляющие, в противном случае субъект управления не достиг масштабов государства, а значит, не является государственной властью. Революция, как и реформы, совершаются от лица всего общества. Так или иначе вовлекают весь социум и несут последствия для народа в целом. Поэтому в качестве воздействующего субъекта необходимо рассматривать все общество, вне зависимости от того что какая-то его часть более активна, какая-то пассивна, а какая-то даже противодействует. Здесь действует социально-психологический принцип: «победителей не судят», – фактор успешности воздействия (и завершенного, и еще продолжающегося) предопределяет его оценку как осуществляемого системно, то есть обществом как целым. Не участвующие или проигравшие группы воспринимаются как маргинальные, не отменяющие всеобщую субъектность триумфаторов. По изложенным основаниям аксиоматическое представление об обществе как о целостном субъекте, системе, которая, будучи управляемой государственной властью, способна на неё воздействовать, – служит обязательной методологической установкой для настоящего исследования.

Итак, для того чтобы исследовать отношения, их субъекты (государственная власть и общество) должны быть осмыслены в качестве систем. Отсюда следует, что методологическую основу работы составляет системный подход. Принципы и методы последнего, необходимые для достижения цели диссертации, конкретизированы в разработанной А.И. Уёмовым интерпретации общей теории

систем. Применение системных категорий (свойство, отношение) и фундаментальных понятий (например, система, целостность) осуществлялось в соответствии с положениями данной концепции.

С методологической точки зрения важным аспектом рассматриваемой проблемы является системное изображение отношений государственной власти и управляемого ею общества. «Представление объекта как системы означает выделение у этого объекта системных дескрипторов» [там же, с. 66]. Сами отношения не входят в структуру объектов, между которыми они устанавливаются. Для государственной власти и общества протекающие между ними отношения являются чем-то внешним. Это значит, что государственная власть и управляемое ею общество – элементы (подсистемы) некоей более масштабной системы, реляционный концепт которой их взаимоотношения и определяют. Учитывая атрибутивную структуру данной системы (свойства ее подсистем: распространение общества по всей этой системе и экспансия государственной власти на всё общество в целом) а также изосубстратность ее подсистем, то есть совпадение материала, из которого они состоят (людей), рассматриваемая система должна быть достаточно объемной. Систему, которая велика настолько, чтобы вместить в себе и азональное общество и тотально управляющую им государственную власть, можно дефинировать как социальную систему.

Таким образом, основанное на общей теории систем видение отношений между государственной властью и управляемым обществом представляет данных субъектов как подсистемы социальной системы, а сами отношения – как ее реляционный концепт, которому удовлетворяют соответствующие свойства подсистем (атрибутивная структура социальной системы). У них выделяются следующие атрибутивные концепты: управление и управляемость, – соответственно, поэтому государственная власть определяется как управляющая, а общество – как управляемое. Режим отношений между ними раскрывается как бинарный атрибутивный системный параметр, на основании которого реальные социальные системы классифицируются как существующие либо в реформативном, либо революционном режиме. Эти модусы представляют собой параметрические

значения. В контексте общей теории систем цель диссертации состоит в выявлении и обосновании оптимального параметрического значения. Кроме того, применение соответствующего атрибутивного системного параметра позволяет классифицировать социальную систему как допускающую исключение элементов [там же, с. 67], что методологически необходимо для обоснования возможности революционного режима, который подразумевает устранение государственной власти.

Не менее важными с методологической точки зрения оказываются такие философские категории системного подхода, как произвольное, неопределенное и определенное. Представленные в качестве систем объекты: социальная система, государственная власть, управляемое ею общество, – произвольны. То есть выделенные системные дескрипторы и приписываемые им значения системных параметров могут быть свойственны любой из когда-либо существовавших или потенциально возможных перечисленных систем. Мысленный переход от произвольных систем к их реальным воплощениям имеет некоторые особенности. Понятия социальной системы, государственной власти и управляемого ею общества в условиях такого перехода неразрывно связаны с представлением о какой-нибудь определенной стране, точнее с социально-географическим толкованием страны как единства территории, населения и политической организации [199]. Довольно вразумительно содержание этой ассоциативной связи передается при помощи словосочетания «социальная система страны». Страна как система крупнее социальной системы, помимо последней она включает в себя и другие элементы (территорию). Население и политическую организацию можно отождествить с государственной властью, управляемым ею обществом и отношениями между ними, – с социальной системой. Однако такой элемент страны, как территория, не входит в социальную систему. Будучи взятой произвольно, социальная система не нуждается в территории, поскольку структурируется действующими в ней наиболее общими законами, сила которых сказывается и в каждом ее конкретном проявлении. Территория же (например, физические и политические границы, полезные ископаемые, плодородные почвы и т.д.) приобретает значение для социальной

системы лишь на уровне ее опредмечивания в рамках конкретной страны. Более того, при восхождении от абстрактного к конкретному социальная система не мыслится вне географической (и физической, и политической, и экономической, и исторической) локализации, например Украина 2016-го года. Таким образом, переход от произвольного толкования социальной системы к совершенно определенному, так же как и аналогичная операция с ее подсистемами (государственной властью и управляемым обществом), возможен только при условии ее мысленного соотнесения с конкретной страной.

Определенное и неопределенное как философские категории общей теории систем представляют методологическое значение для настоящего исследования уже на стадии формулирования его предмета, цели и задач. Выявление и обоснование оптимального режима отношений между государственной властью и управляемым ею обществом (оптимального значения системного параметра) предполагает, что в начале анализа данный режим не определен (относится к категории неопределенного), но в результате проделанной работы должен быть доказательно дефинирован (переведен в категорию определенного). Таким образом, признать реформативный либо революционный режим (реляционный концепт) оптимальным равносильно тому, чтобы охарактеризовать его определенным свойством – оптимальностью.

Методологически процесс определения связан с выявлением атрибутивной структуры, которая должна удовлетворять оптимальному реляционному концепту социальной системы (режиму отношений между ее подсистемами). С этой целью принципы и методы системного подхода были применены для выделения свойств и функций государственной власти, удовлетворяющих легитимности, то есть реляционному концепту, которому присвоено атрибутивное параметрическое значение идеального В контексте настоящего исследования методологическое значение этих атрибутов состоит в том, что они необходимы для применения реляционного системного параметра – специфически системного отношения, которое сравнивает реально возможные режимы (значения бинарного атрибутивного параметра) с идеальным. Чем ближе значение реляционного

системного параметра к изоморфизму, то есть чем больше совпадают атрибутивные структуры социальных систем, существующих в реальном и идеальном режимах, тем реальный режим оптимальней.

Уже формулировка цели и задач исследования говорит о том, что отношения между государственной властью и обществом динамичны. Возможность выбрать оптимальный режим, оптимизация сама по себе, означают, что отношения не существуют в застывших формах. Они перетекают из одного состояния в другое – из неоптимального режима в оптимальный и наоборот. Более того, только вследствие внутренних динамических изменений внешний наблюдатель может выявить оптимальность, а непосредственный участник – ее достигнуть (либо утратить). Общая теория систем позволяет изучать лишь статическое положение отношений. Однако решение о том, что какой-то режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом лучше, а какой-то – хуже, – должно быть основано на понимании закономерностей, в соответствии с которыми эти отношения развиваются, на осознании сути происходящих преобразований, детерминирующей их причинности. Таким образом, статическую картину необходимо дополнить анализом динамики, сопровождающей отношения между государственной властью и управляемым ею обществом.

Эта задача успешно решается благодаря применению синергетического подхода. Присвоение атрибутивным параметрам социальной системы таких значений, как открытая, нелинейная, диссипативная, позволяет проследить динамику ее саморазвития. В результате появляется возможность выявить аттрактор (режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом), который упорядочивает социальную систему наиболее оптимальным для нее образом, то есть направляет ее по наиболее удачному эволюционному пути. Идеальное параметрическое значение, присвоенное реляционному концепту социальной системы, – режим легитимности – с точки зрения синергетики раскрывается как ее (системы) управляющий параметр, к которому она стремится. Возникающее при этом (не гносеологическое, а онтологическое) отношение сопоставления (реляционный системный параметр) имеет следующую динамику:

пытаясь выйти из состояния динамического хаоса, социальная система отбрасывает все случайные аттракторы и выбирает лишь тот, который больше всех остальных совместим с ее управляющим аттрактором (легитимностью).

Подобная детерминированность методологически весома для настоящей работы. Оптимальный аттрактор (режим) должен быть детерминирован соответствующей каузальностью, иначе его оптимальность не имела бы под собой никаких причинных оснований. Поэтому детерминистический подход методологически незаменим для достижения поставленной в диссертации цели. Но применяется он, будучи преломлённым через призму синергетической парадигмы. Здесь внешняя каузальная обусловленность (суть детерминистского подхода) представляется как воздействие окружающей среды, которое теряет свою строгость из-за независимой от нее внутрисистемной динамики. Для государственной власти и управляемого ею общества внешней средой является социальная система, вследствие чего они испытывают влияние ее управляющего параметра (легитимности). В результате когерентности на них действуют также и условия среды, в которой сформировалась сама социальная система. Системам приходится адаптироваться к воздействию среды, вырабатывая для этого необходимые диссипативные структуры [18].

Синергетический подход обнаруживает, что оптимальный аттрактор (режим) должен соответствовать такому фактору внешней среды, как свобода. Последняя обуславливает взаимодействие всех живых организмов, не только социальных, ее ограничение-расширение играет решающую мотивационную роль для совершаемых любым бионтом поступков. Поскольку социальная система образовалась в среде живых организмов, свобода, для нее является неотъемлемым наружным условием, воздействие которого когерентно распространяется на ее внутрисистемные отношения. С методологической точки зрения важно обосновать оптимальность того или иного режима, исследовав его приспособленность к внешнему влиянию свободы. Оптимальный режим должен быть детерминированным свободой.

Однако эта детерминированность обусловлена не только внешней причинностью, но и внутренней динамикой социальной системы. Поэтому наряду с

детерминистическим подходом следует использовать статистический и телеологический подходы. Оптимальный аттрактор должен быть детерминирован и вероятностной, и целевой причинностями. Это касается как реакции на действие свободы, так и внутренней динамики в общем. Его оптимальность должна быть подтверждена и целеустремленностью социальной системы, и созданием ею внутренних адаптационных диссипативных структур, отвечающих на внешние вызовы (в частности со стороны свободы), и статистическими законами, действующими на уровне подсистем (государственной власти и управляемого ею общества). Анализ подобной, трехуровневой, детерминации представляет собой важный методологический этап на пути к достижению цели настоящей работы.

Еще одним методологически значимым аспектом детерминации оптимального режима является определение того фундаментального свойства, которое обуславливается структурой его причинно-следственных связей. Если это свойство противоречит детерминированности, то оптимальность режима ставится под сомнение. Для обнаружения данного свойства методологически закономерно прибегнуть к структурному подходу как к разработанному специально для изучения структур. Однако прежде чем анализировать структуру, необходимо выделить концепт, которому она удовлетворяет. Наиболее отчетливо структура режима видна в фокусе такого концепта, как ответственность государственной власти – это методологическая установка исследования. Применяется она в неразрывной связи с другой методологической установкой – ответственность воспринимается ретроспективно в качестве следствия допускаемых государственной властью перманентных нарушений идеального режима (который изначально является несоблюдаемым). Таким образом, государственная власть всегда подлежит ответственности, выражаемой реальным режимом отношений с управляемым ею обществом. Структурирование внутри подобной ответственности ее каузальных связей должно высветить ее сущностное свойство, от которого зависит ее детерминация, иначе говоря, оптимальность проверяемого режима. В причинно-следственную структуру ответственности так или иначе входят все условия внешней среды, когерентно воздействующие на внутреннюю динамику социальной системы.

Но проанализировать методологически целесообразно лишь те из них, которые оказывают наиболее сильное причинное влияние на ее структурирование ответственности.

Выше были перечислены базовые методологические установки, которые применяются в качестве аксиом для последующих дедуктивных операций. На основании данных аксиом были выведены положения, несущие в себе научную новизну настоящего исследования. Кроме того, посылки аксиоматико-дедуктивного метода формировались благодаря логическому методу, который использовался согласно принципу его единства с историческим как квинтэссенция научного познания исторических процессов. Подобным образом в исследовательский процесс были включены необходимые в методологическом смысле аксиомы: идеальная легитимность недостижима; обществу свойственно непреодолимое стремление к непрерывному улучшению условий своего обитания; реально возможными средствами такой оптимизации являются революция и реформы; отношения общества и государственной власти могут существовать либо в революционном, либо в реформативном режиме; как правило, субъекты данных отношений взаимодействуют, исходя из соображений целесообразности. Кроме того, с помощью логического метода были определены позитивные и негативные аспекты революционного и реформативного режимов.

Получение результатов и дедуктивное доказывание их истинности осуществлялось посредством сопровождаемого анализом абстрагирования и последующей сопряженной с синтезом конкретизации. Восхождение от конкретного к абстрактному, а затем от абстрактного к новому конкретному можно считать общей схемой, в соответствии с которой производился разбор отношений между государственной властью и социумом, а также обусловленные таким разбором определение и обоснование оптимального режима исследуемых отношений.

Важным этапом настоящей работы стала идеализация реальных отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. В результате идеализации и дальнейшего моделирования легитимность была предложена в качестве идеализированной модели таких отношений. Моделирование различных

объектов (социальная система, государственная власть, управляемое ею общество, революционный и реформативный режимы) позволило проводить с ними мысленные эксперименты, по результатам которых были сделаны обоснованные выводы, в том числе характеризующиеся научной новизной. Прямое изучение таких объектов было бы невозможным в связи с их пространственно-временной протяженностью. Наиболее значимыми мысленными экспериментами стали ситуации, в которых каждым из субъектов по очереди был сделан выбор в пользу каждого из реальных режимов их взаимоотношений. Смоделированные последствия подобного выбора сыграли методологическую роль промежуточных выводов, на основании которых один из реальных режимов был определен как оптимальный. Предположения о динамике развития исследуемых объектов (либо их отдельных структурных элементов) строились посредством прогностической экстраполяции – с учетом разных факторов, влияющих на состояние объекта, и вариантов его трансформации.

Контекстуализация общепринятых понятий (например, государственная власть, общество, социальная система, система сдержек и противовесов, состав ответственности), применение новых (например, режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом, радикальный субъект, реформативный субъект, носитель революционного потенциала) вызвали необходимость в методах обобщения и формализации.

Для понимания ответственности, которой подвергается государственная власть, была использована аналогия с юридической ответственностью. Это самое знаковое место диссертации, в котором применялся метод аналогии. В отличие от него тесно связанный с ним и предшествующий ему метод сравнения использовался и на других, методологически более важных стадиях исследования. Ключевым моментом работы стало сравнение реально возможных режимов (революционного и реформативного) друг с другом и, главное, с идеальным (легитимностью). Именно степень изоморфности какого-либо из реальных режимов и легитимности является критерием, определяющим его оптимальность.

Роль, которую легитимность играет для методологии настоящего исследования, обязывает исследовать ее основные составляющие как идеального режима отношений между государственной властью и управляемым обществом, то есть проанализировать ее атрибутивную структуру, удовлетворяющую реляционному концепту (идеальности). Ведь для применения реляционного системного параметра – для соотнесения атрибутивных структур – и выбора оптимального аттрактора необходимо выявить предикаты, с которыми данные структуры будут (или не будут) изоморфны.

Одним из основных условий легитимности государственной власти является фактическая способность лиц, занимающих наиболее ответственные государственные посты (государственно-властной элиты), осуществлять эффективное руководство управляемыми ими социальными сферами. Данная способность представляет собой отраженный в объективной плоскости набор субъективных качеств. Среди них как особо значимые выделяются справедливость, стремление к достижению общего блага, предпочтение интересов народа личным интересам, врожденная лидерская харизма, ограниченная приобретенными навыками и знаниями, необходимыми для успешной организации социальной жизни [156, с. 319-320]. Чем выше развиты указанные характеристики у представителей государственной «верхушки», тем более легитимными представляются осуществляемые ими властные акты. В случае соблюдения указанного условия становится возможным достижение такого уровня социального (политического, идеологического, национального, религиозного и т.д.) единства, который необходим для слаженной, организованной работы, направленной на достижение общественного идеала и проводимой в масштабах всей страны, активизирующей каждую прослойку ее населения, каждого дееспособного ее жителя с учетом его фактического потенциала. Напротив, ситуация тотального подчинения власть держащих государственных деятелей лишь коррупционным мотивам приводит как к распаду самой команды руководителей, так и к враждебному разделению вторящих им масс. При подобных обстоятельствах степень легитимности государственной

власти приобретает тем меньшее значение, чем большими размерами характеризуется коррумпированность последней.

Среди знаний и навыков, способствующих эффективной реализации государственной власти ее носителями, особое значение имеют те, которые позволяют успешно лавировать между крайними проявлениями социальной нетерпимости. Некоторая степень аморфности необходима для сглаживания противоречий, неизбежно появляющихся в ходе реализации властной политики. Обладающие подобным свойством субъекты государственной власти способны оптимизировать социальное развитие за счет избегания тормозящих его масштабных конфликтов различной этиологии. Концепции излишне жесткой властной вертикали со строго регламентированным разделением прав и обязанностей, напротив, являются антидемократическими [164, с. 127]. Их внедрение в социальную политику чревато сопротивлением со стороны ее объекта – подвластного государству населения.

Данный объект характеризуется высоким уровнем неустойчивости, необъятно широким масштабом дифференциации по политическим, экономическим, национальным, религиозным и другим признакам. Поэтому социальная стабильность как основная максима любого общественного идеала требует от лиц, наделенных наивысшей государственной властью, соблюдения оптимальной меры толерантности, необходимой для предотвращения разрушительной революционизации какой-либо из групп населения. Для своевременного реагирования на процессы зарождения центров социального напряжения, урегулирования назревающих конфликтов государственная власть наряду с достаточным объемом толерантности и аморфности должна обладать предельно высоким ритмом лабильности.

Будучи свойственной носителям государственной власти, указанная триада антиколлизийных качеств способна обеспечить «бескровное», поступательное, прогнозируемое, наиболее флуктуационно безопасное развитие социальной системы. Стремление к подобному прогрессу является необходимым условием легитимности государственной власти. Его реализация требует проведения

ненасильственной демократической политики, сопровождаемой обязательным применением к населению мер воспитательного характера, направленных на возвращение в представителях самых разных социальных групп единого представления об общественном идеале и правилах поведения, соблюдение которых является определяющим фактором его достижения. При этом для преодоления конформистского отношения к актам государственного волеизъявления средства убеждения должны превалировать над приемами наказания. В качестве рычагов подобного воздействия наиболее целесообразным представляется использование присущих каждому без исключения индивиду доминантных социальных потребностей: 1) в частной собственности, 2) в возможности участвовать в принятии наиболее значимых решений. Посредством удовлетворения данных потребностей действующая государственная власть способна добиться, во-первых, преодоления конформизма в общественном восприятии ее установлений, во-вторых, предотвращения направленной против последних революционизации населения, в-третьих, понимания социумом их необходимости для дальнейшего прогресса [16, с. 461].

Однако излишняя демократизация народа ведет к ослаблению государственной власти, что (на данном этапе развития общества) равноценно социальному регрессу. Таким образом, в качестве одного из основных условий легитимности государственной власти выступает ее умеренность. Чрезмерная демократичность, как и авторитарность, не могут установить согласие в общественной системе ни по вертикали (в отношениях между людьми и государством), ни по горизонтали (между разными социальными группами). Отсюда следует, что необходимым свойством власть держащих персон является чувство меры, позволяющее избегать полярности и эффективно сочетать всевозможные социальные интересы во время осуществления государственной политики. Власть, способная дистанцироваться от противоположностей, осуществляя при этом их постоянный синтез, с необходимостью становится легитимной [158, с.75].

Одним из наиболее значимых примеров данного синтеза является умение принимать правильные по отношению к данному историческому моменту решения, сочетаемое с наличием достаточной силы для их воплощения [129, с. 335].

Использование доминантных потребностей в качестве рычагов положительного влияния на социум вынуждает носителей государственной власти реализовывать свои полномочия, принимая во внимание факт человеческого несовершенства. Будучи подверженной разнообразным страстям, человеческая масса зачастую неспособна объективно оценивать действительность. Следовательно, легитимность государственной власти зависит от умения вызывать народное доверие, эффективно воздействуя на эти страсти, контролируя и регулируя их. Объективность требует признать, что до определенной меры цель не может не оправдывать средства для достижения государственной властью максимальной эффективности в подобном манипулировании. Проблема состоит именно в точном, филигранном определении данной меры, поскольку ее превышение приводит к обратным результатам – неприятию государственной власти, ее отторжению обществом. Умелое использование доминантных потребностей социума автоматически вносит в их список саму государственную власть. Таким образом, последняя сливается с управляемым ею общественным организмом, становится его неотъемлемой частью, резекция которой чревата гибелью всего целого [Там же, с. 354].

Непременным условием такого соединения является успешность государственной власти в осуществляемой ею политике. Однако в силу несовершенства руководимого ею социума, обязательным условием легитимности становится максимально эффективная самореклама. Чрезвычайная разнонаправленность стремлений и интересов, имеющая место среди членов общества, вызывает необходимость в искусстве просто, ясно и своевременно доносить до каждого из них информацию о его же собственном благополучии как о непосредственном результате удачных действий государственной власти.

Как правило, неотъемлемой частью подобного искусства является тщательное сокрытие от широких масс истинной цены успеха: закулисных игр, компромиссных

делок, аморальных поступков, вероломных решений, – к которым пришлось прибегнуть для достижения высшей цели – народного благосостояния [Там же, с. 364-365]. Таким образом, обязательным условием легитимности для государственной власти становится двойственная нравственность в качестве крайнего средства, необходимого для достижения цели [Там же, с. 344-345]. Подобная зависимость обусловлена спецификой субъект-объектных отношений – отношений воздействия, – где свойства объекта (общества) определяют качественный состав субъекта (государственной власти), изменения в котором (в случае их неадекватности объекту) чреваты прекращением данного отношения и ликвидацией самого субъекта. Социально-психологический парадокс заключается в том, что народ жаждет удовлетворения своих доминантных потребностей при условии соблюдения государственной властью норм общепринятой морали до той поры, когда следование нравственности не станет главным фактором нереализуемости указанных потребностей. Тогда общество потребует от действующей власти обмана в части ее добропорядочности и неизбежно простит ей данную этическую жертву, принесенную во имя процветания, необходимую для повышения фактической результативности.

Залогом результативности, а значит, и легитимности, среди прочего, служит наличие у представителей наивысшего эшелона государственной власти развитой способности к стратегическому и тактическому проектированию. Данное свойство позволяет минимизировать негативное воздействие непредвиденных казусов в ряду обусловленных причинно-следственной зависимостью запланированных событий. Одним из наиболее действенных приемов, направленных на устранение нежелательных последствий, вызванных непредвиденными обстоятельствами, является эффективное управление персоналом. Благодаря качественному подбору кадров, обеспечению оптимального их использования система государственной власти приобретает возможности: 1) своевременно обнаруживать либо предугадывать отрицательные факторы общественного развития; 2) гибко реагировать на внезапные социальные потрясения, сохраняя свою жизнеспособность и эффективность. Кроме того, результативный менеджмент на местах представляет

собой наилучшую рекламу (а значит, и необходимое условие легитимности) для центральной государственной власти.

Адекватное социальной среде администрирование предполагает удовлетворение не только доминантных, но и надстраивающихся над ними (следовательно имеющих более низкую степень социо-психологической значимости) общественных потребностей, таких как право на труд и его достойную оплату, отдых, образование и профессиональное совершенствование, карьерный рост, охрану жизни и здоровья, чести и достоинства, имущества, признание заслуг и т.д. [Там же, с. 368]. В целом, разнообразные социальные потребности человека можно классифицировать как моральные и экономические. Распознавание тонких взаимосвязей между ними, образующих бесчисленные вариации внутри человеческой психики, является ключом к пониманию истинных, как правило, неосознанных самим человеком мотивов его социального поведения. Подобное знание представляет собою необходимый базис для овладения искусством манипулирования большими группами людей. Для справедливой, желающей общего блага государственной власти, обладание подобным мастерством позволяет синтезировать из неоднородных человеческих интересов единое стремление к всенародному процветанию, сформировать позитивное, нацеленное на прогресс социальное самосознание. Игра на моральных потребностях позволяет усмирить скрытые в человеке животные инстинкты, воспитать в нем осознанную рефлексию себя не как стайной особи, но члена развитого социума, имеющего перед последним определенные обязательства, исполняющего их посредством посильного вклада в общее благоденствие. Стимулирование экономических потребностей предоставляет возможность, во-первых, закрепить эффект, полученный от задействия потребностей моральных, во-вторых, адаптировать достигнутые в процессе их использования результаты к конкретным историко-практическим (финансовым, трудовым, техническим, информационным, правовым и т.д.) обстоятельствам. Возращивание социальных единиц, обладающих подобным самосознанием, обеспечение его утилитарной реализации открывает желанную для любого общества перспективу установления между народом и государственной властью

отношений, функционирующих по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». На фоне признания подавляющим большинством, определяемым по признаку наличия у его представителей описываемого самосознания, легитимности действующей государственной власти, позиция не поддерживающего политику последней меньшинства воспринимается как маргинальная и не представляет угрозы для ее авторитета.

Возвращаясь к мысли об эффективной саморекламе, необходимо отметить, что немаловажным элементом последней является видимое народом равенство представителей всех ветвей и уровней государственной власти перед создаваемыми ею же законами. Несоблюдение чиновниками установлений государственной власти основательно подрывает ее авторитет. И чем более высокую должность занимает подобный нарушитель, тем ниже падает уровень общественного доверия ко всей государственной власти. Принимая во внимание такие факторы легитимности, как двойственная нравственность и аморфность, представители государственной элиты, руководствуясь соображениями эффективности, вынуждены проявлять прагматичную реалистичность, объективно оценивать сложившуюся ситуацию и, в случае необходимости, вступать в противоречия с общеобязательными предписаниями. Однако в связи неготовностью средних обывателей воспринять естественность и оправданность такого рода поступков, подобные компрометирующие деяния следует осуществлять в режиме строжайшей секретности.

Значительной и наиболее аутентичной (с точки зрения самой идеи государственной власти) составляющей саморекламы служит беспристрастность, которая является прямым следствием указанного выше условия легитимности – справедливости. Обладающая данным качеством элита предстает перед народом как образец порядочности, непредубежденности, а отправляемые ею полномочия являются собой пример истинно должных, правосудных решений. Будучи в достаточной мере прорекламированной, приверженность государственной власти Фемиде порождает в обществе убежденность в позитивности ее стремлений и деяний, их нацеленности на единый для всех прогресс [122, с. 343-344].

Беспристрастность тесно связана с таким качеством, как объективность, которая предполагает, что государственная власть должна обладать реалистичной прогрессивностью. Социальная реальность диктует государственной власти рассудительный, взвешенный подход к изменению существующей системы вообще и действующего законодательства в частности. При подобных манипуляциях с общественным организмом, как и с человеческим, основным принципом является базовая врачебная максима: «Не навреди!». Резкие, кардинальные метаморфозы, осуществляемые по субъективным, неадекватным социальной практике мотивам, противоречащие естественной организации общественной жизни, вопреки породившим их благим намерениям, ведут к хаотизации экономических, правовых отношений, а значит, и к ослаблению государственной власти, которое, в свою очередь, неотвратимо запускает процесс ее делегитимации. Резонанс от подобного неумелого применения высоких полномочий распространится на десятилетия вперед. Восстановить разрушенные связи, заново собрать мозаику социального прогресса, реабилитировать государственную власть в глазах народа будет под силу лишь следующим поколениям. Реалистичная прогрессивность как условие легитимности раскрывается в объективном, уравновешенном, беспристрастном мониторинге тех элементов общественной системы, которые нуждаются в срочном обновлении и крайне осторожной, хирургически точной их трансформации, не превышающей рамки строго выверенной необходимости. В социореволюционных манипуляциях избыточность гораздо хуже дефицита. Ценность социальной стабильности как залог экономического и культурного прогресса, хоть и медленного, постепенного, но непрерывного, абсолютно превалирует в массовом сознании над сомнительными, хоть и, порой, весьма соблазнительными, перспективами дискретных превращений, если в качестве результата последних, даже с наименьшей долей вероятности, допускается деструкция общественных институтов [134, с. 98-100].

Изучая влияние, оказываемое на легитимность социальной реальностью, необходимо отдельно остановиться на этнотерриториальной дифференциации подобного воздействия. Исторически сложившаяся специфика национального

сознания оказывает определяющее воздействие на отношение населения к тем или иным установлениям государственной власти. Акты, экономическая, политическая, идеологическая, религиозная и т.д. компонента которых является несовместимой с национальным сознанием, неизбежно вызывают общественное неприятие. Не желающая социального отторжения государственная власть, в обязательном порядке должна приводить свою политику в соответствие с аборигенными особенностями ментальности возглавляемого ею населения. Таким образом, немаловажным условием легитимности становится высокая степень погружённости государственной власти в национальное сознание руководимого ею общества. Более того, величина данной степени прямо пропорциональна уровню социального признания. В особенности это относится к обмену правотворческим и правоприменительным опытом. Зависящее от локальных условий своеобразие национального сознания определяет самобытность порождаемой им нормативной системы. Культурно-поведенческие правила, сформировавшиеся в недрах определённой социально-экономической общности, обладающей своим собственным сознанием, имеют ярко выраженный индивидуальный характер. Стремление заменить аутентичный для данной нации порядок на чуждый ей способ организации межчеловеческих отношений противоречит её природе [135, с. 16]. Подобная политика может лишь раздражить население, на трансформацию натуры которого она направлена, а внедряющая её государственная власть обречена на утрату легитимности.

Кроме того, необходимо помнить о том, что, в зависимости от этнических особенностей, различные человеческие макрогруппы нуждаются в образе организации внутренних взаимоотношений, не одинаковом по степени предоставляемой свободы [180, с.209]. Следовательно, погружённость в национальное сознание позволяет государственной власти выбрать коэффициент жесткости, оптимальный для подвластного ей социума и, соответственно, наделяющий её максимальным уровнем легитимности.

Превышение необходимого для данного конкретного социума уровня жесткости расценивается как тоталитаризм. Однако степень тоталитарности

правления обратно пропорциональна степени его легитимности. Чем более строга вертикаль государственной власти, не удовлетворяющей общественные потребности, тем меньшей народной поддержкой она располагает. Тем более оправданным воспринимается народное сопротивление угнетающей силе. Легитимности государственной власти способствуют факторы ее детоталитаризации, обусловленные максимально допустимой для сохранения социального порядка мерой либерализации – расширения прав и свобод населения.

Особое место здесь принадлежит свободе слова как единственному инструменту четвертой власти, сдерживающему вредоносную для общества активность власти официальной, но стимулирующему благонамеренные деяния последней. Степень свободы слова является наиболее чувствительным индикатором тоталитаризации правящей элиты, а ее ущемление свидетельствует о попытке упразднения системы сдержек и противовесов, осуществляемой с целью узурпации власти. Однако чрезмерная либеральность угрожает дестабилизацией государственной власти. Неконтролируемая свобода слова может причинить вред легитимности даже самой благонамеренной и эффективной государственной власти, а значит, и управляемому ею социуму [122, с. 345-348]. Таким образом, либеральность в качестве условия легитимности неразрывно связана с чувством меры. Будучи достаточно тонко развитым, данный фактор легитимности позволяет с высочайшей точностью определять необходимые в данном месте и в данное время рамки либеральности и соответствующие им допустимые меры контроля.

Свойственный современным демократиям способ формирования кадрового состава государственной власти, ставит представителей последней перед необходимостью давать предвыборные обещания. Таким образом высшие должностные лица возлагают на себя обязательства перед народом, наделившим их властью. Вне зависимости от различия внешних форм, внутреннее содержание подобных обязательств остаётся неизменным и определяется просто – как всеобщее процветание. Взаимоотношения между государственной властью и социумом приобретают характер сделки, согласно условиям которой первая сторона обязуется обеспечить благосостояние второй стороны в обмен на ее доверие и возможность

продления сотрудничества. Нарушение условий сделки государственной властью (первой стороной) влечёт для нее ответственность в виде утраты легитимности, а в случае абсолютной ее неспособности выполнить свои обязательства – ответственность в виде прекращения действия сделки, то есть лишения власти. Очевидно, что неотъемлемым фактором легитимности становится соблюдение договорной дисциплины – фактическое исполнение государственной властью своих обещаний.

Основным условием надлежащего исполнения обязательств является действенное нормирование общественных отношений. Хорошо отлаженная, эффективно функционирующая система объективных правил межлического взаимодействия указывает на заинтересованность государственной власти в улучшении жизни социума [180, с. 179], на что последний не может не ответить признанием.

Однако успешная правотворческая и правоприменительная деятельность – не единственный показатель того, что государственная власть предана нуждам отечества, а значит, и не окончательное условие ее легитимности. Для обретения беспелляционного доверия государственная власть должна быть подотчетной обществу. «Вещь в себе» всегда будет порождать в человеке сомнения, споры, подозрения и стремление проникнуть в ее суть. Во избежание вытекающих отсюда конфликтов государственной власти необходимо создать иллюзию своей познаваемости. Кажущееся знание о государственной власти, рождаемое в массовом сознании посредством ее (власти) видимой подотчетности, вызывает у социума доверие к осуществляемой ею политике. Как бы прозрачность ни была значима для легитимности, государственная власть не может сохранить последнюю, если первая существует реально. Выше отмечалось, что в определённой мере народное процветание является целью, оправдывающей средства, а нелицеприятные подробности подобного «оправдывания» не подлежат огласке из-за угрозы, которую они представляют для легитимности. Поэтому государственная власть приемлет прозрачность лишь в качестве виртуальной программы, матрицы, скрывающей неприглядную политическую действительность от неподготовленного

общественного сознания. Данная идеальная модель формализуется в виде мнимой подотчётности государственной власти – необходимого условия ее легитимности.

Демократическое устройство современного общества определяет для государственной власти необходимость соблюдения естественных прав человека, как обязательное условие легитимности. Следуя данному элементарному началу социально-государственных отношений, правящая элита обнаруживает понимание их вечной, неизменной субстанции. Лишенная подобного основания политика как явление, утратившее свой субстрат, не выдерживает испытания временем, теряет легитимность, а вслед за ним и бытие. При этом, осуществляя свои полномочия, государственная власть не может сконцентрировать свое внимание только на константном наполнении общественных отношений. Для эффективного взаимодействия с социумом она должна своевременно распознавать и впитывать те амебические, преходящие формы, в которых воплощается данное постоянство. Не ориентируясь в превалирующих в настоящий момент прогрессивных культурных тенденциях, инновационном технологическом укладе, руководство страны неминуемо становится рудиментом, замедляющим социальную эволюцию. Глубокая эмпатия современного, поверхностного, синтезируясь с осознанием вечного, сущностного, рождает необходимую власти целостность в восприятии народной жизни. Как следствие, политика обретает актуальность, адекватность ожиданиям населения, а значит, и легитимность.

Понимание, признание и соблюдение естественных прав государственной властью само по себе является недостаточным условием легитимности, поскольку за рамками описанного алгоритма остается регулирование межличностного взаимодействия. Будучи несамостоятельной, требующей организации массой, социум нуждается, во-первых, в регламентации применения юснатуралистической идеи к конкретным общественным отношениям, во-вторых, в контроле за исполнением установленного регламента. Людям необходим балансер, удерживающий их (если понадобится – силой) в пределах оптимального соотношения между индивидуальным и коллективным. Разумеется, формирование подобного порядка может быть направлено только сверху вниз и реализовано лишь

государственной властью. Собственно, прикладное искусство актуализации естественных прав в повседневной жизни населения является основным атрибутом современной демократической державы, а значит, и неотъемлемым условием ее легитимности.

Одним из наиболее значимых аспектов подобного искусства является разумно дозированное невмешательство в частную жизнь. Человеческой природе свойственно стремление прочь от тотального контроля. В результате процессов экстерииоризации данное психологическое качество становится основной поведенческой максимой различных социальных групп, варьирующихся своим масштабом от небольших объединений до населения всей страны. Таким образом, для достижения необходимого уровня популярности государственная власть должна оставлять некоторый объем социальной и личной деятельности лишенным своего непосредственного вмешательства. Чрезмерное же зарегулирование человеческой активности ведёт к пресыщению низвергающимся по вертикали надзором, и проистекающему отсюда внутреннему отторжению, неприятию любых порций упорядочивания, вне зависимости от их целесообразности.

Отсюда следует, что необходимым условием для легитимности государственной власти является понимание социальной и личностной психологии. Фундаментальное значение в психологиях обоих типов занимает глубинное, инстинктивное, зачастую не выходящее за пределы подсознания отношение к власти (не как к идее, а как к реально существующему, практическому свойству социального бытия). Данное отношение имеет качество стремления, желания, «воли к власти». Подобный инстинкт власти полностью оправдывается апостериорным знанием, согласно которому объект рассматриваемого естественного влечения является определяющим фактором для приобщения к любым жизненным благам. Другими словами, каждый человек вожделеет власть, поскольку без нее не может обрести то, что он хочет [53, с. 90, 188]. И чем больше ему нужно, тем объемнее должна быть наличествующая у него власть. Именно поэтому государственная власть изначально не может представлять собой непоколебимую монополию. Исключительность ее прав невозможна в силу того, что каждый житель

управляемой ею страны является ее потенциальным конкурентом, от которого, при этом, невозможно избавиться, поскольку он, по принципу диалектической противоречивости, раскрывается и как ее источник (власть без управления и управляемых теряет свою суть). Отсюда следует, что во имя самосохранения государственная власть должна владеть искусством деактуализации сопернического потенциала. Для этого необходимо, во-первых, принимать как данность факт наличия инстинкта власти у всех членов социума, во-вторых, обеспечить для каждого возможность реализации рассматриваемого стремления. Однако выполнение второго положения должно удовлетворять обсуждаемую потребность одновременно с радикальной презервацией как самой государственной власти, так и регулируемой ею общественной системы, от взаимоуничтожительного действия разновекторных волений. Последние не могут быть однонаправленными из-за неисчислимых различий, которыми характеризуются их носители, объединяемые одним понятием – народ. Чтобы достигнуть сразу двух поставленных целей, надобно устремить порождаемую инстинктом власти энергию каждого элемента социальной системы в одно, наиболее приемлемое для данной системы, русло – саму государственную власть. Если каждый человек либо сформировавшаяся по какому угодно признаку группа людей будут осознавать, что обладают реальным шансом влиться в государственную власть, будут чувствовать, что подобная интеграция является путем наименьшего сопротивления для удовлетворения выше указанного побуждения, то вероятность выбора ими другого, то есть более сложного, варианта воплощения своей воли становится ничтожной. На практике изложенная модель осуществляется посредством учреждения постоянного открытого конкурса на каждое место в государственной власти. В результате государственная власть сможет непрестанно обновляться, пополняться самыми лучшими кадрами. Не прошедшим же отбор требуется разъяснить, что причина провала скрыта в них самих. Затем, в обязательном порядке необходимо создавать условия для устранения способствовавших фиаско недостатков и наглядно демонстрировать объективные возможности для самосовершенствования. Благодаря данным мерам, в любом субъекте инстинкта власти будет заложена программа,

согласно которой его влечение является абсолютно реализуемым только в случае, если он не сопротивляется государственной власти, а поступательно двигается в заданном ею направлении. Подобный образ мышления определяет государственную власть не как препятствие, но как наиболее пригодное средство для удовлетворения рассматриваемого стремления. Таким способом государственная власть приобретает со стороны потенциальных конкурентов, то есть народа, признание, равнозначное легитимности. Краеугольным условием последней становится внедряемая сверху сублимация человеческого инстинкта власти.

Понимание психологии своего народа, специфики его сознания и инстинктов представляет собой фундамент для построения государственной властью такой политики, которая воплощала бы в жизнь его волю. Подобный стиль руководства является необходимым условием легитимности, ибо на уровне государственных решений благими являются лишь акты, носящие демократический характер [34, с. 205]. Таковыми они и воспринимаются обществом. Акты же, совершаемые для процветания автопатичного, плеонексичного меньшинства, какими бы идеями они не оправдывались, на практике всегда оказываются антисоциальными. Эти деяния, будучи выгодными одним – небольшому проценту населения, – влекут пагубные последствия для других – подавляющего большинства жителей страны. Претерпев ущерб от государственной власти, люди неизбежно обнаруживают ее своекорыстные мотивы, после чего, разумеется, отказывают ей в легитимности.

Ранее уже рассматривались условия, соблюдение которых помогает государственной власти обрести легитимность через предохранение общества от разрушающих его конфликтов. Среди них были выделены аморфность, толерантность, лабильность. Последние были представлены в качестве свойств (знаний и навыков), которыми должна обладать стремящаяся к народному признанию державная элита. Однако такой фокус изучения недостаточно широк для решения поставленных перед настоящим разделом задач.

Обозначенные атрибуты выглядят, хотя и взаимосвязанными, но при этом иерархически равными, независимыми друг от друга. Вне поля зрения остается систематизирующий их фактор, который, во-первых, представляет собой мерило

соотношения перечисленных факторов в процессе формирования легитимности, во-вторых, обуславливает органичность взаимодействия между государственной властью и культурой возглавляемого ею общества. Религия не может быть подобным основанием, потому что является причиной социального раскола. Как показывает история, разделение человечества на разные конфессии неоднократно служило и продолжает служить поводом для конфликтов. Следовательно, место дислокации искомого элемента – светская область жизнедеятельности людей. Указанным критериям (сплочению и секулярности) соответствует лишь одна сфера социального бытия – наука. Только интегрированное в нее мышление способно консолидировать массы, стимулировать и организовывать их активность [100, с. 126]. Для легитимации своего правления господствующая элита должна представить народу проект, благодаря которому она сможет направить страну по пути прогресса. Создание подобной метапрограммы невозможно с иным (ненаучным) качеством сознания.

Таким образом, базовым условием легитимности становится высокая степень научной интегрированности, которая позволяет государственной власти максимально эффективно систематизировать саму себя, социум и стать краеугольной (а значит, и легитимной) подсистемой упорядочиваемой ею глобальной общественной системы.

Синтез вышеперечисленных свойств внутри государственно-властной элиты возможен лишь при условии ее открытости. Таким образом, открытость института государственной власти становится необходимым фактором ее легитимности. Его соблюдение обеспечивает постоянный приток свежих сил, среди которых, в ходе естественного отбора, выживают наиболее подходящие на роль руководителя в данный исторический момент. Отставшие же от времени либо изначально непригодные для общесоциального менеджмента государственно-властные единицы неизбежно устраняются как несоответствующие коэволюционным процессам, имеющим место между человечеством и государством. Таким образом обеспечивается непрерывная «текучка» кадрового состава государственной власти, прекращение которой чревато следующими негативными для общества

последствиями: 1) засорением правящей верхушки лицами, обладающими набором качеств, противоположных рассматриваемым нами позитивным свойствам, необходимым социальным топ-менеджерам для сохранения легитимности своего правления; 2) перекрытием доступа ко власти для истинно способных и перспективных кандидатов на высокие государственные посты [122, с. 344-345].

Качество штатного состава является для государственной власти одним из главных условий легитимности, поскольку кадры, действительно, «решают всё». Формирование внутри государственной власти команды менеджеров-профессионалов приобретает особое значение в сложный переходный период от социалистического строя к капиталистическому. Используя понятийный аппарат марксистской историко-философской концепции, необходимо отметить, что в процессе смены феодализма капитализмом некомпетентность господствующей элиты неоднократно становилась причиной делигитимации ее полномочий. В ту эпоху государственная власть эволюционировала вместе с социальными отношениями, возрождаясь и преображаясь после каждого падения [34, с. 561-568]. Теперь же в культуре доминирует постмодерн, в рамках которого отношение к государству как к форме организации власти является неоднозначным, и очередной крах, вместо того чтобы смениться очередным подъемом, может стать окончательным. Поэтому, комплектуя собственные ряды, современная государственная власть, с одной стороны, должна учитывать уроки истории, запечатлевшие причины провалов ее предшественников, а с другой стороны, обязана помнить об особенностях нынешнего культурного состояния, в котором находится общественное сознание.

Выводы к разделу 1

Государственная власть как официальная система управления обществом в целом (с суверенными полномочиями на принятие и исполнение законов, монопольными правами на использование инструментов реализации воли правящей элиты), в контексте работы рассматривается в качестве системы лиц, фактически

управляющих обществом вне зависимости от их формального статуса. Управляемое общество – система лиц, которая, находясь под управлением государственной власти, способна на нее воздействовать.

Отношения между государственной властью и управляемым обществом представляют собой их взаимодействие, то есть реализацию обоюдного влияния. Режим таких отношений – это порядок связей между государственной властью и обществом, основанный на их взаимном субъект-объектном действии. Идеальный режим истолковывается как недостижимый в условиях социальной действительности совершенный и образцовый порядок взаимодействия между государственной властью и управляемым ею обществом, удовлетворяющий их обоих. Реально возможный режим – осуществимый в социальной среде порядок, при котором взаимодействие государственной власти и управляемого ею общества в той или иной мере их не удовлетворяет, а значит, не является совершенным. Оптимальный режим определяется как реально возможный порядок взаимодействия, который наиболее отвечает идеальному, потому что лучше других удовлетворяет его субъектов (государственную власть и общество).

Государственная власть как подсистема взаимодействует с другими структурными элементами социальной системы. Ее свойства и функции можно рассматривать как атрибутивные параметры сложной многоуровневой системы государства. Концептом же является цель, которую социальная система задает государственной власти – управление, руководство, организация жизни общества путем управления физическими и юридическими лицами, малыми и большими социальными группами, институтами. Отношения с обществом являются для государственной власти сущностным модусом ее бытия. В контексте подобных отношений социум и формализуется как управляемое ею общество.

Отношения государственной власти с управляемым ею обществом, хоть и представляют собой перманентный способ ее существования, сами по себе характеризуются непостоянством, свойственными диссипативной системе флуктуациями, влекущими переход из одного состояния в другое. Наилучшим аттрактором для обеих подсистем (государственной власти и управляемого ею

общества) и одновременно абсолютно эффективным (для достижения целей, заданных им социальной системой) режимом отношений между ними является легитимность. Управляющими параметрами, обуславливающими данный режим, являются: 1) действия государственной власти, которые обеспечивают существование, стабильность и благосостояние управляемого ею общества; 2) ответная реакция в виде безоговорочной народной поддержки этих действий и осуществляющей их государственной власти.

Как видно, легитимность характеризуется синергией рассматриваемых подсистем. Однако содержание процессов (действие и реакция), которые были описаны при помощи управляющих параметров, указывает на то, что значения данных параметров не могут быть равными. В контексте управления государственная власть является более активной стороной отношений в отличие от общества, которое воспринимает и реагирует на действия государственной власти. Влияние государственной власти на отношения с управляемым ею обществом представляется как более экстенсивным, так и более интенсивным.

Таким образом, легитимность находится в прямой зависимости от активной роли государственной власти. Для того чтобы отношения, в которые вступают подсистемы, носили легитимный характер, государственная власть должна соответствовать ряду параметров. Эти параметры представляют собой определенные достигшие наивысшего коэффициента свойства и функции, которые должны быть присущи государственной власти, и благодаря которым инициируемые ею действия вызывают общественное одобрение.

Подобные атрибуты являются продуктом абстрагирования от реальных предикатов государственной власти как объекта, возникшего в результате разворачивания некой исторической логики и познаваемого согласно принципу единства исторического и логического. Однако идеализация государственной власти – необходимый методологический прием. Поскольку совершенные отношения с обществом, во-первых, инициируются государственной властью и, во-вторых, целиком и полностью зависят от ее свойств и функций, то и выстраиваются они прежде всего в соответствии с ее атрибутами. Последние можно считать

необходимыми составляющими легитимности. А значит, модель легитимности следует конструировать на основании наилучших параметрических показателей, зафиксированных у государственной власти.

Для понимания структуры легитимности, процессов ее формирования из свойств и функций государственной власти целесообразно абстрагироваться от отклонений, сопровождающих реальные державные системы, экстрагировать из них очищенные, идеализированные предикаты. В результате идеализации был зафиксирован непреодолимый разрыв между идеальными и реальными атрибутами. Отсюда следует, что легитимность не может быть реализована в полной мере, то есть принадлежит к числу идеальных объектов (подобно идеальной плоскости либо идеальному газу). Таким образом, модель легитимности является моделью идеальных отношений между государственной властью и обществом, а для исследования стоит использовать идеализированный аналог данной модели.

Подобная модель необходима для того, чтобы понять механизм образования и режим осуществления реальных отношений, имеющих место между государственной властью и управляемым ею обществом. Сравнение идеализированной и реальных моделей позволяет решить ряд последовательных исследовательских задач: 1) определить оптимальный (из фактически возможных) режим отношений; 2) обнаружить элементы, недостаток которых отличает реальные отношения от идеальных, факторы, способствующие появлению и препятствующие устранению этого недостатка; 3) предложить средства оптимизации действующего режима. Толкование легитимности как идеального режима отношений между государственной властью и обществом – основоположная методологическая установка настоящей работы.

Проведенный историко-логический анализ указывает на то, что существуют лишь два реально возможных режима: революционный и реформативный. Революционный режим осмысливается как порядок, при котором общество настолько недоволено действующей государственной властью, что относится к ней крайне нигилистично, стремится к ее немедленной и радикальной замене на новую. Реформативный режим – это порядок, при котором степень

неудовлетворения действующей государственной властью позволяет обществу относиться к ней в целом утвердительно, вырабатывать при этом концепцию ее постепенного реформирования и умеренно склонять ее к воплощению данной концепции в жизнь.

Раздел 2.

РЕФОРМЫ КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И УПРАВЛЯЕМЫМ ЕЮ ОБЩЕСТВОМ

Изменения государственной власти напрямую связаны с преобразованиями социальной системы. И это закономерно, поскольку первая является одной из наиважнейших составляющих последней. Государственная власть обусловлена существованием в определенной общественной реальности. Отсюда проистекает ее непреодолимая зависимость от общественных трансформаций. Социальные метаморфозы могут происходить в результате либо поступательных реформативных изменений, либо резких кардинальных, революционных сдвигов. Оба способа общественного развития одинаковы с точки зрения своей цели, которой является прогресс человечества. Однако они совершенно различны в отношении методов, при помощи которых данная цель достигается. Реформативный путь предполагает медленное и постепенное реформирование существующих отношений. Революция же стремится к безотлагательному сметанию наличествующего порядка вещей и радикальной его замене на новую, более совершенную модель организации. «Итак, государство, с одной стороны, социальная революция, с другой, – вот два полюса, антагонизм которых составляет самую суть настоящей общественной жизни...» [21, с. 310]. Вопрос о том, какой образ направленных на прогресс действий является наиболее целесообразным и приемлемым, стал причиной философского дискурса, участниками которого становились величайшие мыслители от древности до современности.

В рамках данного дискурса одной из наиболее аргументированных позиций, послужившей основанием для многих новейших представлений о генезисе государственной власти, можно считать кантианскую концепцию. Здесь держава изображается в качестве квинтэссенции социального развития. Ее появление обусловлено законом природы, тем же самым, который определяет формирование социума из отдельных, своевольно настроенных индивидов, а еще раньше – рождение Человека, как венца целенаправленного саморазвертывания вселенной

[82, с. 7-15]. Ядром этой доктрины стала теория общественного договора, согласно которой соглашение между членами общества знаменует их добровольный отказ от своей дикой, внеправовой свободы в пользу народа – целостного и единого носителя власти. Государственная власть предстает неотъемлемым атрибутом социального организма, естественным следствием заключенной внутри него сделки. Последняя объясняется не как реальный факт, но как идея, существующая в сознании каждого индивида и детерминирующая его поведение в соответствии с ее условиями [83, с. 236-237]. Для подобной системы взглядов революционные действия в отношении правящего субъекта являются неприемлемыми, более того, самоубийственными. Нигилизм (первая стадия любой социальной революции), направленный на государственную власть, отрицает основное условие общественного договора, а значит, автоматически отменяет всю социальную организацию [84, с. 86-96].

Логика, которая используется для обоснования опасности, навлекаемой революционным преобразованием действующей государственной власти, не вызывает сомнений. Однако данная аргументация вращается внутри системы представлений об общественном договоре, как о фундаменте государственности и социальной организации. Доказательства обнаруживаются и циркулируют внутри самой концепции, не выходя за ее пределы. Силлогический характер подобной системы представлений указывает на ее умозрительность и проистекающую отсюда идеалистичность, применимость в качестве высокой цели, морального императива, но не в качестве конкретного алгоритма социальной активности. С очевидностью проявляется некоторая оторванность обсуждаемых ценностных установок от реалий общественной жизни. Без ответа остается ряд вопросов. Каким образом должно реагировать население на ситуацию, когда ущерб от своеволия государственной власти превышает потенциальную угрозу, актуализирующуюся в случае революции? Способен ли человек объективно определить ту грань, после пересечения которой реформативный путь себя исчерпывает и единственной альтернативой регрессу становится революция?

Исторический процесс показал, что человек зачастую ошибается, когда пытается подвергать сомнению действующую государственную власть.

Доказательством подобных заблуждений являются реакции, которые неизменно наступают вслед за поразившими общество радикальными трансформациями. В период реакции социум подвергается рефлексивному осмыслению произошедшего. Как правило, в такие моменты наиболее четко прорисовываются ценности, утраченные в результате революционного сдвига, преобладающим настроением становится сожаление об их потере. Нередко ностальгия оборачивается непреодолимым стремлением вернуть всё то позитивное, что имело место в разрушенном порядке вещей и было насильственно отнято. Именно наличием положительных черт, которыми отличалась поглощенная революцией государственная власть, объясняется обязательность реакционного временного отрезка. При этом, уже сам факт противопоставления данных характеристик свойствам новой, постреволюционной социальной организации свидетельствует о том, что среди последних есть и отрицательные. И чем они существенней, тем более горячо народ жаждет привнесения оставленных в прошлом благ в нынешнюю, резко измененную жизнь.

Закономерность такого перетекания настроений: от революционных к реакционным, – свидетельствует о неудовлетворительной критической способности человеческих масс. Умение правильно определить степень революционной необходимости оказывается весьма редким качеством, присущим ограниченному числу избранных, глубоко осознанных людей. В отличие от них «необразованные люди находят удовольствие в резонерстве и осуждении, ибо найти достойное осуждения легко, трудно познать хорошее и его внутреннюю необходимость. Начинаящаяся необразованность всегда начинается с осуждения, завершенная же образованность видит во всём позитивное» [51, с. 292].

Необходимость в мониторинге положительных свойств действующей государственной власти очевидна. Именно подобный анализ должен лежать в основе революционных решений. Их принятию должен предшествовать достаточно долгий период взвешивания того «хорошего», что есть сейчас, и «плохого», могущего наступить в результате радикальных действий.

Однако позволительно ли тратить время на раздумья о преимуществах существующего уклада, когда противоречия между державной элитой и обществом накалены до предела? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо заглянуть внутрь подобных коллизий. Как показывает история, корень многих конфликтов между государственной властью и социумом лежит в несоответствии отдельных свойств первой ведущим трендам второго. При этом главное целевое предназначение (организация жизни общества) системой управления выполняется. В данном контексте вопрос о необходимости революции звучит следующим образом: «Допустимо ли устранение рабочего основания во имя перестройки некоторых сторон социальной пирамиды?» (в использованной метафоре, вопреки общему правилу, государственная власть представляется в виде основания, а не вершины). Отвечая на указанный вопрос, необходимо помнить о социально-психологической аксиоме, позволяющей выработать определенное отношение к действующей государственной власти и к мотивам для ее изменения: «...так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство – не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности, заблуждения; дурное поведение может внести искажения во множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека – всё еще живой человек, утвердительно, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительно и представляет здесь интерес» [там же, с. 285].

Необходимо отметить, что подобные «искажения» определяются в качестве таковых посредством оценочных суждений. Это означает, что отнесение тех или иных несоответствий между ожиданиями общества и реальными действиями государственной власти к разряду ее недостатков носит субъективный характер, то есть диктуется индивидуальной жизненной ориентацией того самого члена общества, который осуществляет данную классификацию. Однако суждения, основываемые на субъективной оценке, всегда вызывают подозрения относительно своей возможной ошибочности, предвзятости, несправедливости. Помимо этого, им

часто бывают свойственны изменчивость во времени и неоднородность в пространстве (по кругу лиц). Подобное непостоянство вызывает необходимость в поиске единого константного признака, краеугольного для любых проявлений недовольства по отношению к государственной власти, в особенности тех, которые могут привести к ее радикальной трансформации.

Историко-логический анализ таких конфликтов определяет вычисляемый параметр, как непреодолимое, инстинктивное стремление к восстановлению ущемляемых свобод. Следовательно, когда государственная власть подвергается революционным потрясениям, их причина всегда находится в субъективном поле социума, воспринимающего какие-либо державные деяния в качестве посягающих на те или иные человеческие свободы (экономические, политические, национальные, религиозные, гендерные и т.д.). Ограничение (возможно, запоздалое расширение) свободы народа обязательно навлекает на государственную власть опасность революции. Однако правомерность последней всегда будет исчисляться, исходя из ниже приведенной формулы: «Государство... есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства» [там же, с. 279]. Приводимый здесь приоритетный статус государства в целом дает обоснование и предоставляет иммунитет его фундаментальной регулятивной подсистеме – органам власти. Хотя, конечно же, социально-исторические реалии говорят о том, что абстрактно выводимый иммунитет не может гарантировать державному управлению непоколебимой защиты от революционных масс, радикально настроенных на приобретение какой-либо единичной свободы, даже если расшатываемое ими государство является наивысшим воплощением всей совокупности социальной свободы.

Таким образом, социальной природе взаимоотношений между государственной властью и обществом имманентно некое противоречие. С одной стороны, род всегда стремится максимально расширить границы установленные государственной властью для его свободы. И это стремление является наиболее мощным (с точки

зрения культурногенезисного потенциала) социальным инстинктом (данное влечение возникло именно в результате необходимости совместного человеческого проживания, – возможность для становления Человека открылась только в условиях бытия в обществе). С другой стороны, государственная власть – основа существования государства, которое есть наивысшая форма общественности – вынуждена так или иначе прилагать свою силу к свободе народа и делать это непосредственно для обеспечения наиболее важных интересов этого народа. «Наивысшая задача «учреждения, действующего с механической необходимостью», состоит в том, чтобы деятельность каждого индивидуума вызывалась принуждением со стороны всеобщей воли, есть (поскольку эта всеобщая воля необходимо должна быть реальной в субъектах, которые суть ее органы и управители (государственная власть – О.А.)) задача, которой предпослано противоположение единичной воли воле всеобщей» [50, с. 220]. Обреченность на функционирование в условиях описанного (онтологического для державы) парадокса заставляет обладающую волей к самосохранению государственную власть искать способы его решения, то есть дореволюционизации подвластного ей населения, посредством удовлетворения свойственного социуму инстинкта свободы при одновременном удержании последней в рамках, необходимых для сохранения системной целостности общественных отношений.

Разрешение данной коллизии состоит в обращении своей регулятивной функции не только на взаимодействие между людьми и их группами, но и на саму эту функцию. «Ибо если всеобщая государственная власть требует от человека только то, что ей необходимо, и ограничивает этим применяемые ею меры, то в остальном она может предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении» [49, с. 77]. Таким образом, главной задачей для государственной власти становится правильное определение того «что ей необходимо». Сумев точно очертить круг вопросов особой важности, она сможет оставить за его границами предельно допустимый максимум свободных от строгой регламентации общественных отношений.

При этом умение отделять нуждающиеся в контроле участки социальной жизни от тех, для которых он не желателен, можно охарактеризовать, как наивысшее искусство. Это так, поскольку социум является открытой нелинейной системой, подверженной постоянным и зачастую непредсказуемым флуктуациям. Управление его структурами требует молниеносного реагирования на малейшие изменения в состоянии как общественной системы в целом, так и ее отдельных институтов.

Виртуозное пространственно-временное ориентирование в общественных отношениях позволяет государственной власти при любых социальных потрясениях сохранять достаточную степень легитимности (анализ наиболее важных аспектов такого ориентирования представлен в предыдущем разделе). Последняя является основной рубеж на пути у тенденций к радикальному изменению державной организации и напрямую зависит от объема самостоятельности, предоставляемого жителям страны. Таким образом, между чрезмерным зарегулированием свобод населения (содеянном даже из самых добрых побуждений) и революцией находится очень важная стадия утраты государственной властью общественной поддержки, завершение которой можно считать точкой невозврата, началом конца для органов управления. «Механическая, осмысленная и подчиненная благородным целям иерархия ни чем не проявляет доверия к гражданам и не вправе, следовательно, рассчитывать на доверие с их стороны» [там же, с. 86]. Напротив, расширяя границы социальной независимости, государственная власть вызывает у людей благодарность, перерастающую в легитимность. Таким образом, можно считать «счастливым тот народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не имеющих первостепенного значения для государства в целом; саму же государственную власть, которая может найти поддержку в свободном, лишенном педантизма духе своего народа, – безгранично могущественной» [там же, с. 87].

Однако не следует ставить знак равенства между максимально необходимым и абсолютным либо неконтролируемо увеличивающимся объемами социальной свободы. Нужно сделать акцент на том, что самостоятельность общества обязательно должна быть ограничена. «Не подлежит сомнению, что высшая

государственная власть должна осуществлять верховный контроль над вышеперечисленными сторонами жизни народа и его сложившимися по воле случая или древнего произвола институтами, не позволяя им препятствовать осуществлению главных функций государства и обеспечивая в первую очередь эти функции, а в случае необходимости не щадить для этого второстепенные по своему значению системы прав и привилегий» [там же, с. 82]. Отсутствие рамок или их размытость, или податливость народному напору неизменно влекут за собой коллапс государственной власти, а вслед за нею и всех социальных институтов, организационную основу которых она составляет. Именно в силу сложности, противоречивости данной задачи умение балансировать между неутоляемой жадностью свободы и ее обязательным сдерживанием, способность выявлять неизбежный минимум такого давления и своевременно подстраиваться под изменчивые общественные запросы являются наивысшим искусством.

Итак, стремление членов общества к свободе является причиной революционного воздействия на государственную власть. Если последняя владеет искусством симбиоза с этим стремлением, радикальный потенциал не актуализируется. Данное положение вещей абсолютно автономно от применяемых к нему оценочных суждений (положительных ли, отрицательных ли), поскольку является фактом, неотъемлемым и неизменным элементом социальной действительности. Но эта обратная пропорциональная зависимость может развиваться и в противоположную сторону – когда государственная власть не обладает нужными навыками для эффективного взаимодействия с социальным инстинктом свободы. Тогда ее авторитет понижается, а революционная настроенность населения, наоборот, возрастает. Эта корреляция также принадлежит объективной реальности, а значит, не обуславливается колебаниями направленного на нее субъективного восприятия.

Таким образом, можно сформулировать следующее беспристрастное утверждение: стремление членов общества к свободе толкает их на революционные действия в случае, если государственная власть утратила легитимность из-за

неспособности обеспечить одновременно удовлетворение данного желания и его ограничение.

Значит, безопасность державы подчинена оценочному мнению, которое сложилось о ней в народе. Однако подобное суждение всегда в той или иной степени субъективно, то есть искажено, не отражает объективной природы вещей. Стало быть, и основываемые на нём, радикальные по отношению к высшим органам управления, решения также могут быть несправедливыми. Отсюда исходит вывод, что революционная необходимость не может не подлежать сомнению. А оправданной она может быть лишь в том случае, если окажется, что представления революционеров о несостоятельности государственной власти больше приближены к действительности, чем отдалены от нее.

В данном контексте небезосновательным выглядит предостережение, высказанное по этому вопросу Гегелем: «...на что способна такая чернь, которая, находясь во всех частных делах под постоянным контролем, еще в меньшей степени причастна к государственным делам и просто не подготовлено к тому, чтобы осознать сущность общей воли или действовать в духе целого, вернее, не подготовлена прямо к противоположному» [50, с. 223]. В этом ракурсе совершенно закономерными кажутся ответные субъективные оценки, выносимые государственной властью в отношении недовольных ею членов общества. С одной стороны, они могут быть продиктованы стремлением удержать бразды правления. Но с другой стороны, государственная власть как социальный институт формировалась вокруг определенной сущностной идеи – служить общему благу посредством направления деятельности народа на его достижение. Поэтому ее видение порядка, необходимого для системы межчеловеческих отношений, даже с поправкой на недостатки ее кадрового состава *a priori* должно отличаться большей объективностью, полнотой и всесторонностью, чем мнение неподготовленных к такому широкому углу зрения масс. Данное правило охватывает и возможность определения государственной властью правомерности либо неправомерности революционных претензий, «ибо эти эфоры в такой же степени суть одновременно частные воли, как и первые, и судить о том, обособилась ли их частная воля от

всеобщей воли, может также правительство, как и эфорт о нем, причем это суждение может сразу же быть проведено в жизнь» [там же].

Революционный способ воздействия на государственную власть является неоднозначным и противоречивым. Отрицательные последствия подобных радикальных преобразований в системе социального управления могут превышать по своему масштабу ожидаемые положительные результаты. Основа революции – негативная оценка государственной власти – всегда субъективна, следовательно, не застрахована от ошибок, допущенных в процессе её составления. Потенциальная необъективность подобных суждений ставит под сомнение допустимость революционного пути к преобразованию государственной власти.

Опасностью, кроющейся в революционном образе изменения государственной власти, является, прежде всего, непрерывно нарастающая волна радикализма. Последняя неизменно сопровождает столь резкие социальные сдвиги. Будучи такой же сложной нелинейной системой, как социальный организм, революционный радикализм не в состоянии остановить саморазворачивание, поскольку окончание движения равнозначно смерти. Когда процесс прерывается, он автоматически прекращает своё бытие. Как и иные социальные системы, революционный радикализм (система идей) формируется вокруг определённого организующего ядра. Этим центром притяжения является субъект, генерирующий внутрисистемную энергию, обуславливающий функционирование системы. В силу того, что революционный радикализм является социальным организмом, он непрестанно стремится к интенсификации и экстенсификации. Данная тенденция приводит к тому, что субъект (будь то личность или какая-то организация, например, партия) замещает собою ту государственную власть, против которой была направлена революция. В подобной ситуации продуцируемый указанным субъектом, радикализм порождает несвободу, масштаб которой сопоставим с давлением, осуществлявшимся предыдущей властью. Таким образом, попытка изменить государственную власть в сторону расширения свободы оборачивается заменой одной несвободы на другую. «Продолжительное применение насилия может, в конечном счёте, привести к потере свободы, поскольку в результате, что

весьма вероятно, установится не власть беспристрастного разума, а власть сильного человека. Если путём насильственной революции пытаться достичь большего, чем разрушение тирании, то вероятность того, что революция приведёт к новой тирании, ничуть не меньше вероятности того, что она достигнет своих реальных целей» [165, с. 176-177].

Далее необходимо отметить, что в социальном организме, коим является рассматриваемый радикализм, помимо актуализирующего системный потенциал субъекта, существует огромная масса прочих элементов системы, носящих в себе данный революционный потенциал. Представлены указанные системные элементы теми или иными слоями населения, чья свобода ущемляется действующей государственной властью. Именно вследствие подобного притеснения в недрах народа зарождается упомянутый потенциал. И чем сильнее государственное давление, тем мощней грядущий флуктуационный взрыв, которым разразится система революционного радикализма.

Таким образом, чтобы избежать взрыва (который всегда неконтролируем и влечёт непредсказуемые разрушения) необходимо нивелировать обуславливающие его факторы, то есть ослабить давление государственной власти на те свободы, ограничение которых способствует появлению радикального субъекта и помогает актуализации назревающего внутри социума революционного потенциала.

Неподдающиеся прогнозу последствия резких социальных сдвигов оцениваются в качестве негативных не только для государственной власти – объекта революции, – но и для соответствующих слоёв населения – субъекта революции (в данном случае под «субъектом» подразумевается вся революционно-радикальная система, а не только образующий её фактор, как это рассматривалось выше). Поэтому путь компромисса устраивает и государственную власть, и того самого субъекта, который пытается изменить ее посредством революционных преобразований. Подобным компромиссом является поступательное реформирование государственной власти. Будучи подверженной эволюционным реформативным изменениям, действующая государственная власть не прекращает своего существования. Напротив, её бытие продолжается, её верховенство

сохраняется приобретая новые, более совершенные формы. Следовательно, не возникают предпосылки для актуализации её инстинкта самосохранения. Таким образом, отказавшись от нигилистического революционного пути, избрав для воздействия на власть реформативное направление, социум минимизирует силу противодействия со стороны объекта своих манипуляций, приобретая возможность безопасного, не угрожающего внезапными потерями, прогрессивного трансформирования государственной власти. Последняя в свою очередь, чтобы продлить свое существование, не сопротивляется иницируемому обществом реформам, соблюдая условия легитимности.

В системе государственной власти должен быть предусмотрен механизм своевременного внедрения реформ в собственные институты. Если государственная власть не создала внутри себя подобного механизма, её органы остаются закрытыми для эволюционных изменений. Такая власть неизбежно устаревает по сравнению со стремящимся вперёд социальным прогрессом и вследствие своей рудиментарности имеет только два выхода: либо умереть, либо тотализироваться.

Во-первых, государственная власть может исчезнуть с полотна истории как нежизнеспособная форма социальной организации, не приспособившаяся к изменившимся условиям окружающей среды.

Во-вторых, она может искусственно продлевать своё существование, насильно останавливая естественный процесс общественной эволюции. Во втором случае государственная власть, будучи не в состоянии преодолеть очередной эволюционный барьер, удерживает от его преодоления и управляемое ею население. Другими словами, неуклонно тотализируется. «Но террор не может легитимизировать господство...» [22, с. 23], подобная ситуация не может продолжаться бесконечно – народная пассионарность непременно уничтожает ограничения, штучно создаваемые для неё государственной властью. «Единая партия (описываемая К. Баллестремом модель свойственна и другим формам тоталитарной организации государственной власти – не только партийной – О.А.), обладающая в государстве монополией власти, притягивает к себе всех, кто желает что-либо сделать. В ней концентрируется всеобщий оппортунизм трудящихся,

следствием которого является то, что причиной всех бед объявляется партийная и государственная бюрократия, поражённая коррупцией. Ей постоянно предписывается лечение в форме «чисток». Другое следствие менее заметно: возникают моральные элиты, сила которых базируется на том, что они разрывают пуповинную связь с центральной властью. Обычно они складываются из художников, учёных и священников» [там же, с. 22].

И чем более жёсткими были меры, применяемые государственной властью с целью торможения прогресса, тем более разрушительным станет взрыв энергии, которая не прекращала накапливаться в недрах притесняемых человеческих масс. Абсолютно закономерно данный социальный катаклизм будет носить радикальный, революционный характер.

Таким образом, закрытость государственной власти для современных обновлений предполагает её неизбежный конец. В первом случае самопроизвольный, во втором – определённый революцией. Совершенно очевидно, что «...те формы господства, которые тоталитарны не просто в замысле, но и в своей основе, порождают, с одной стороны, паралич общественного организма, а с другой стороны, провоцируют уничтожение системы. Против паралича можно предписать реформы...» [там же, с. 24].

Компромиссный эволюционный путь, путь реформ, является единственно приемлемым для каждого из участников государственно-социального взаимодействия: и для власти, и для управляемого ею общества. Немаловажной чертой такого способа изменения государственной власти является его неисчезающая вне зависимости от окружающих обстоятельств осуществимость. Сколь бы жёсткой не была вертикаль, выстраиваемая тоталитарной государственной властью, всегда остаётся возможность её поступательной осуществляемой изнутри перестройки. «Даже в высших этажах такой системы есть ниши, в которых можно сохранять моральную порядочность и критический взгляд, более того, собирать вокруг себя единомышленников и способствовать «политике реформ»» [там же, с. 22].

Это убедительный пример сложности и неоднозначности взаимоотношений между государственной властью и социумом. С одной стороны, их отношения имеют характер постоянного конфликта, перетекающего из латентного состояния в открытое, из активной фазы – в пассивную. С другой стороны, кадровый состав государственной власти – политическая элита – является неотъемлемой частью общества, во главе которого она находится, следовательно, сохраняет с ними определённую степень идентичности и единства. Таким образом, реформативное воздействие на государственную власть всегда синергично. Народные усилия в том или ином объёме обретают поддержку некоторых её представителей. В результате рождается синергетическая система, все элементы которой взаимодействуют для реализации целевого предназначения данной системы – реформативного модифицирования государственной власти. Отсюда вытекает, что компромиссный (реформативный) подход к изменению государственной власти, в отличие от радикального революционного, встречает на своём пути гораздо меньше препятствий и имеет значительно большее подспорье. Подобный простой математический расчёт с безапелляционной точностью указывает на повышенную эффективность реформативного подхода по сравнению с революционным.

Социально-философское исследование представляет возможность разработать модель реформативного воздействия на государственную власть, функционирующую внутри современного общества. Однако прежде необходимо отметить, что рассматриваемое в настоящем разделе реформирование представляет собой акт творчества, субъектом которого является народ, а объектом – государственная власть. Подобно тому, как любой мастер вкладывает в своё творение часть себя самого, социум, реформируя государственную власть, привносит в неё те черты, которые присущи самому обществу. Отсюда следует, что эволюция государственной власти происходит в рамках эволюции человечества как организованной формы жизни. И изменения, постигающие последнюю, образуют первоисточник и определяющий фактор для метаморфоз, которым подвергается первая.

Эволюционный этап, на котором находится современный социум, можно охарактеризовать как переходный между индустриальным и информационным. Поэтому любые реформы, которые предстоит испытать государственной власти, будут обусловлены особенностями, присущими именно информационному обществу. Главным отличительным свойством данного общества является приобретение информацией небывалого прежде статуса. На рассматриваемой стадии социального развития информация представляет собой одновременно и цель, и оптимальное средство для достижения намеченной цели. В первую очередь это касается государственной власти. Причём власть может быть как субъектом, использующим информацию в качестве главной детали в механизме управления, так и объектом информационного воздействия, осуществляемого народом в рамках реформативного процесса. Чем интенсивней общество информатизируется (приближается к информационному), тем большую ценность представляет из себя информация, тем более безотказным, эффективным, универсальным рычагом влияния она является. Собственно, владеющий информацией обретает сильнейшую власть.

Главной задачей реформирования государственной власти в условиях информационного общества является определение наиболее оптимальной меры концентрации и режима распространения информации. Неудачное решение данной задачи чревато следующими негативными последствиями: узурпация информации активной группой народных реформаторов. Образование подобной группы вполне естественно, настолько же, насколько естественно образование радикального субъекта в системе революционного социума, как это было определено выше. Также вполне закономерна тенденция присвоения данным субъектом эксклюзивного права на доступ к информации как к основному инструменту реформативного воздействия на государственную власть. В этом случае взамен либо наравне со старым центром концентрации информации (государственной властью) возникает новый – указанная группа активных реформаторов.

Однако описанный вариант распределения информации скорее препятствует, чем способствует успешному реформированию державы. Если активная группа

замещает собой государственную власть в качестве центра аккумуляции информации, то она сама становится фактическим средоточием власти. Если активная группа обладает равными с государственной властью возможностями консолидировать информацию, то в стране одновременно существуют два полюса власти. В обоих случаях на разных этапах генезиса активной группы, между нею и государственной властью складываются конфликтные отношения. В подобных условиях эффективное реформирование государственной власти либо значительно затрудняется, либо не представляется возможным. Кроме того (в первом случае), зарождается опасность распыления реформативных сил сразу на несколько объектов: и на слабеющую государственную власть, и на всё больше довлеющую над ней активную группу, как на носителя реальной власти. Последняя, заместив собою государственную власть, автоматически становится объектом реформативного (либо революционного) воздействия, субъектом которого является социум.

Обусловливающая реформирование государственной власти проблема владения информацией не подлежит решению без учёта возможностей прогрессирующих технологий, используемых для накопления, обработки и распространения информации в текущий момент цивилизационного развития. «...Линейная, пространственно-временная система компьютеров, соединённая терминалом с коммуникационными линиями, может превратить общество в совершенно руководимое, если использовать её централизованно и наоборот, если использовать её децентрализованно и открыто для всех людей, то это приведёт к созданию прогнозируемого высокоразвитого общества» [131, с. 47]. Однако «совершенное руководство», как и любое совершенство, не достижимо в практической жизни. Руководство неотделимо от подавления – от ущемления свободы. Попытка достигнуть «совершенного руководства» приведет, скорее, к суперподчинению социума, то есть к тоталитаризации «руководителей», чем к совершенствованию организации общественных свобод. Тоталитарность, как было отмечено выше, неизменно вызовет социальное противодействие. Отсюда следует, что единственно верным, и практически оправданным, способом распоряжения

информацией является её децентрализованное использование. Подобная информационная политика соответствует эволюционным потребностям социума, следовательно, должна составлять суть государственного управления обществом, а значит, и стратегическую основу народного реформирования государственной власти. Историческая необходимость, детерминирующая становление информационного общества, указывает на компромиссное, поступательное реформирование государственной власти, предусматривающее оптимальное рассредоточение информации, как наиболее эффективный и гармоничный способ изменения всей социальной системы (организационную основу которой и являет собой государственная власть на данном этапе эволюции человечества). В ходе такого информационного реформирования «изменения будут достигаться посредством систематичной, упорядоченной трансформации. Поскольку старые социально-экономические системы (в данном случае, государственная власть – О.А.) понемногу становятся неэффективными и неспособными удовлетворить требования времени, то они отмирают, а новые, разумные, займут их место таким же образом, как происходят метаморфозы в любом организме: ненужные части тела атрофируются, другие же развиваются в ответ на новые требования» [там же, с. 48].

Эволюция государственной власти протекает в общем русле эволюции социума, которым данная власть управляет и неотъемлемой частью которого она является. Развитие части не может быть более быстрым, радикальным, революционным, чем развитие целого. Поэтому изменение государственной власти не может быть менее систематичным и упорядоченным, чем прогресс всей общественной системы. А искусственное ускорение подобных трансформаций угрожает превратить государственную власть в «неэффективную социально-экономическую систему», атрофирующуюся как «ненужная часть» более глобального социального организма.

Взаимоотношения между государственной властью и управляемым ею обществом развиваются в соответствии с принципом диалектической противоречивости. Эти две подсистемы целостной социальной системы раскрываются как противостоящие (противоположные) друг другу. Поэтому

наиважнейшим аспектом их взаимоотношений является борьба (борьба противоположностей). В ходе этой борьбы государственная власть подавляет социум, ущемляя его свободу. Народ же, борясь за свою свободу, воздействует на государственную власть либо революционно (нигилистично и радикально, разрушая неприемлемую форму державной системы), либо реформативно (утвердительно и поступательно склоняя действующую государственную власть к реформам).

Совершенно очевидно, что революционный характер отношений с обществом угрожает действующей государственной власти полным уничтожением. Однако последняя является прежде всего системой, а значит, подчиняется определенным системным принципам. В частности, власть, как и любая система, стремится к самосохранению. Для этого ей необходимо либо одолеть, либо предупредить революцию. Предупреждение, в отличие от преодоления, не связано с силовым противостоянием, то есть гораздо безопасней для самой государственной власти. Отсюда следует, что подсистема государственной власти, так или иначе, будет стараться не допустить внутри социальной системы угрожающих ей революционных флуктуаций. Чтобы предупредить революцию, проще всего было бы предоставить обществу тот объем свободы, который оно требует. Но здесь возникает другая опасность: народ может требовать чрезмерного количества свободы. Неограниченная свобода перерастает в произвол. А произвол дезорганизует всю социальную систему в целом. Такая дезорганизация свидетельствует о том, что государственная власть не справилась с той задачей, которую перед ней поставила социальная система – не обеспечила устойчивость этой системы. В соответствии с системными принципами элемент, не выполняющий своего предназначения, является лишним и подлежит ликвидации. Такую цель, как устранение государственной власти, социальная система поставит перед второй своей подсистемой – управляемым данной властью обществом. Истории известен только один метод, с помощью которого подобная установка может быть реализована – революция. Таким образом, революционное уничтожение угрожает государственной власти как в случае ущемления свободы общества, так и в случае предоставления ему слишком большого объема свободы.

Решающим в данном случае становится вопрос: может ли народ потребовать от государственной власти такого количества свободы, которое способно разрушить всю социальную систему? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать угрожающие государственной власти революционные массы. В результате анализа выявляются следующие элементы революционной структуры: 1) революционное ядро; 2) носители революционного потенциала. Революционное ядро представляет собой в необходимой степени сплочённую харизматичную и радикально настроенную организацию. Носители революционного потенциала – это те слои общества, чьи свободы были ущемлены государственной властью. Именно вследствие подобного ущемления члены общества становятся потенциальными участниками революции. Радикалы, составляющие революционное ядро, значительно более малочисленны, чем носители революционного потенциала. Однако, в отличие от последних, первые активны и харизматичны. Благодаря данным качествам малочисленное революционное ядро сосредотачивает вокруг себя подавляемые государственной властью многочисленные народные массы и актуализирует их революционный потенциал.

Таким образом, толчок к совершению революции даёт радикально настроенное ядро (радикальный субъект). Именно оно принимает решение о запуске революционного процесса. Именно оно генерирует в сплотившихся вокруг него народных массах революционную энергию. Кроме того, это ядро представляет собой систему, элементами которой являются живые люди. Следовательно, оно существует как живая система, как некий социальный организм. И так же, как и любая форма жизни (живая система), революционное ядро стремится к развитию, в том числе экстенсивному – к бесконечному самораспространению и развёртыванию своего радикализма. В идеальных условиях (в условиях абсолютно беспрепятственного разворачивания) данный процесс неостановим – революционное ядро (радикальный субъект) требует для своего развития всё большего количества свободы. В итоге накапливающаяся у радикального субъекта свобода достигает критической точки и превращается в произвол.

На первый взгляд государственная власть оказывается в безвыходной ситуации: с одной стороны, предоставляя обществу слишком мало свободы, она сама провоцирует революцию, но, с другой стороны, революционное ядро в том или ином виде всегда существует в социуме и, выполняя его бесконечные требования, государственная власть сама способствует его развитию, которое в итоге приводит к революционному уничтожению действующей системы управления. Однако выход есть. Для того, чтобы его найти, нужно углубить анализ революционной структуры и сосредоточить внимание на таком её элементе, как носители революционного потенциала.

По сути, этот элемент и представляет собой народ, общество, управляемое государственной властью. Сам по себе он пассивен и не способен на активные революционные действия. Однако из-за своей многочисленности носители революционного потенциала оказываются той самой силой, не актуализировав которую, малочисленный радикальный субъект не сможет совершить революцию. Отсюда следует, что, договорившись с ущемлёнными слоями населения, государственная власть нейтрализует радикальную энергию революционного ядра, перехватит социальную инициативу и таким образом предупредит революцию. Но не станут ли народные претензии на свободу столь же неудержимыми, сколь и стремления революционного ядра?

Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к кантианской государственно-правовой концепции, которую на данном этапе исследования будет целесообразно применить в качестве методологической аксиомы. Согласно Канту и народ, и государственная власть являются результатами общественного договора, заключив который, люди добровольно отказались от своей внеправовой свободы для того, чтобы сформировать упорядоченную социальную организацию. Таким образом, неприятие произвола (внеправового излишка свободы, который может нарушить стабильность социальной системы) – неотъемлемое свойство народа, историческая и логическая основа его сущности. Возжелав произвола, народ перестаёт быть таковым, регрессирует, и люди возвращаются в своё первобытное состояние.

Значит, договор с народом, даже если он выступает в качестве носителя революционного потенциала – возможен. Это и есть тот способ, при помощи которого государственной власти удастся нейтрализовать активность радикального субъекта и предотвратить революцию. По условиям данного договора государственная власть должна предоставить ущемленным слоям населения требуемый ими объем свободы. Народ, в свою очередь, наделяет государственную власть легитимностью. Последняя является таким барьером, который революция, подогреваемая радикальным субъектом, просто не в состоянии преодолеть. Здесь действует обычный психологический закон: доверие порождает доверие. Государственная власть демонстрирует управляемому обществу свое доверие, отдавая в его распоряжение ту свободу, которую он требует. После этого народ не может не проникнуться к государственной власти ответным доверием, которое воплощается в форме легитимности.

Однако, в отличие от общественного договора, соглашение о свободе носит не абстрактный, а совершенно конкретный характер. Это значит, что заключаться оно должно между двумя конкретными субъектами. Но народ слишком обширен и неоднороден, он не может выступать в качестве целостного и организованного субъекта. Таким образом, государственной власти необходимо сначала выделить подобного субъекта из народной среды и только потом вступить с ним в переговоры о свободе. Здесь государственная власть сталкивается с двумя проблемами: 1) большинство выступающих от имени народа организаций руководствуются собственными экономическими интересами, а не потребностями всего общества; 2) среди истинных представителей народа наиболее организованным и громко о себе заявляющим оказывается радикальный субъект. Задача государственной власти – искусно решить эти проблемы.

Во-первых, нужно суметь не пойти на поводу у яркой, сулящей соблазнительные перспективы саморекламы, которую в больших количествах продуцируют псевдонародные, своекорыстные организации. Искусство заключается уже в том, чтобы среди всей этой социально-политической пестроты разглядеть подлинно народного субъекта. Если государственная власть успешно справится с

этой задачей, то в силу того, что радикальный субъект самый организованный и заметный, ее внимание, прежде всего, остановится на нём.

Во-вторых, необходимое государственной власти искусство состоит в том, чтобы суметь распознать в общей массе требуемых радикальным субъектом свобод те, которые удовлетворят носителей революционного потенциала, но при этом не нарушат порядок в социальной системе. Соблюдение баланса свободы – цель, которую устанавливает перед государственной властью вмещающая её система. Дефинирование меры, после превышения которой свобода общества превращается в произвол, – важная системная функция, направленная на достижение указанной цели.

В-третьих, эта мера не является раз и навсегда установленной. Экономический базис непрерывно прогрессирует, а вслед за ним постоянно изменяются качественные и количественные характеристики социальной жизни. К таким параметрам относится и требуемое в настоящем времени и месте соотношение между запретами и дозволениями, другими словами, баланс социальной свободы.

Следовательно, государственная власть должна искусно определять те свободы, которые необходимо предоставить народу, и которые, наоборот, предоставлять нельзя, – в зависимости от постоянно меняющихся социальных вызовов. Искусство состоит в скорости и точности подобного определения.

Если государственная власть обладает искусством сохранения баланса между свободой и произволом, то революция ей не угрожает. Но если государственная власть не в состоянии отличить: 1) субъектов, представляющих народ, от тех, кто преследует личные цели; 2) свободу, действительно необходимую носителям революционного потенциала, от свободы излишней, произвола – и осуществлять такую дифференциацию в соответствии с непрерывными социальными и культурными переменами, то она будет сметена революцией.

Однако революция опасна не только для государственной власти, но и для управляемого ею общества. Во-первых, реакция, неизменно наступающая вслед за революцией, свидетельствует о том, что последняя не оправдала возлагавшихся на неё надежд и даже, напротив, вместе с государственной властью уничтожила и

нечто, от этой власти зависевшее и воспринимающееся народом как ценность. Во-вторых, революционный процесс связан с немалыми бедствиями (вооруженные столкновения, репрессии и т.д.), которые проявляются в массовых смертях, обширных разрушениях инфраструктуры, регрессивном разрыве культурных связей между людьми. В-третьих, революционное ядро (радикальный субъект) должен будет взять на себя функции государственной власти, а значит, будет вынужден ограничивать свободу общества (поскольку иначе социальная организация рухнет) и нет гарантий, что он с этим справится лучше, чем свергнутая власть. То есть принесённые революцией лишения могут оказаться напрасными.

Итак, предоставив государственной власти возможность самостоятельно балансировать между свободой и произволом, общество рискует подвергнуть себя всевозможным опасностям, которые сопровождают революцию. Для того, чтобы их избежать, народу остается только одно – принять активное участие в определении меры социальной свободы. Если общество хочет воздействовать на политику государственной власти в сфере распределения свободы не революционными методами, то оно может прибегнуть лишь к поступательному реформированию. В данном случае реформы истолковываются как точечное изменение тех параметров государственновластной системы, которые мешают ей правильно отмерять для общества свободу.

Для того, чтобы изменить государственную власть, необходима соответствующая реформативная стратегия. Её может выработать лишь в достаточной степени организованный социальный субъект. Революционное ядро не может быть таким субъектом, поскольку его сущность – радикальность – не совместима с требующейся в данном случае умеренностью. Тем не менее, некоторые свойства реформирующего субъекта должны совпадать с характеристиками революционного ядра. Например, ему нужна столь же высокая степень организованности. Кроме того, реформирование, так же как и революция, является разновидностью воздействия (целенаправленного переноса действий от одного участника отношений к другому) на государственную власть, а значит осуществляющий его субъект тоже обязан находиться вне её системных пределов. И

подобной экспозиции недостаточно. Дело в том, что реформативное воздействие заключается в привнесении в государственную власть параметров, которых в ней ранее не было. То есть в результате реформирования в государственную власть входит то, что ей не было свойственно, и даже нечто обратное по отношению к тому, что ей было свойственно. Значит, реформирующий субъект не просто размещён по ту сторону государственновластной системы, он ей противоположен (этим же характеризуется и революционное ядро). И, наконец, для того, чтобы воздействовать на государственную власть, реформирующему субъекту, как и радикальному, следует быть свободным от державного влияния. Разница заключается в том, что революционное ядро уходит от государственного контроля самостоятельно, как правило, за счёт подпольного способа существования. Реформирующему же субъекту необходимо не скрываться от государственной власти, а, наоборот, открыто с нею сотрудничать. Таким образом, реформирующий субъект может возникнуть только в том социальном пространстве, которое официально остаётся за границами государственного вмешательства – внутри гражданского общества.

Однако зарождение в недрах гражданского общества соответствующего субъекта и реализация данным субъектом своей реформативной стратегии остаются невозможными в случае, если государственная власть этому сопротивляется. Основным фактором, который препятствует подобному сопротивлению, является революционная угроза, всегда висящая над государственной властью, словно дамоклов меч. Как было отмечено выше, во избежание революции, держава готова договариваться с радикальным субъектом об объеме свободы, который должен быть предоставлен носителям революционного потенциала (народу). Но этот контрагент достаточно неудобен, и вследствие его особенностей (радикализм, стремление к самораспространению) переговорный процесс оказывается весьма нелегким, а нередко и заходит в тупик. Заключать соглашение с представителями гражданского общества – гораздо продуктивней – в силу их умеренности. Поэтому реформирующий субъект в качестве второй стороны договора о свободе более приемлем для государственной власти, чем революционное ядро. Наряду с

революционной угрозой этот фактор нивелирует державное сопротивление как появлению реформирующего субъекта, так и реализации выработанной им стратегии. Сверх того, перечисленные факторы приводят к тому, что государственной власти выгодно не только не противодействовать, но и способствовать образованию реформирующего субъекта внутри гражданского общества. Ведь таким образом она перенаправляет энергию народных масс от революции к реформам, что для неё значительно безопасней.

Налицо синергия, возникающая между государственной властью и обществом. С одной стороны, государственная власть сначала поддерживает гражданское общество в организации субъекта, который предназначен для её реформирования, а затем принимает выработанную данным субъектом реформативную стратегию. С другой стороны, реформирующий субъект помогает государственной власти определить ту меру свободы, которая в нынешних социально-исторических обстоятельствах способна удовлетворить народ, но при этом не оборачивается произволом.

Таким образом реализуется системный принцип согласия – цели подсистем (государственной власти и управляемого ею общества) не противоречат целям включающей их социальной системы. Реформативная стратегия регламентирует меру социальной свободы, определяет параметры государственновластной системы, которые мешают соблюдению данной меры, устанавливает методы их изменения. По сути, в ней содержатся компромиссные условия договора между государственной властью и обществом. Данный компромисс воплощает синергию – единство борющихся противоположностей (государственной власти и народа), – которая, в соответствии с принципом диалектической противоречивости, является источником эволюции и для самих противоположностей, и для вмещающей их социальной системы.

Появление реформирующего субъекта и следующие за этим реформы – естественный вектор развития отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Только так они могут уберечь себя от исторически опасных революционных флуктуаций. Создавая условия, при которых

государственная власть и управляемое ею общество приходят к компромиссу, социальная система синхронизирует происходящие в ней эволюционные изменения.

Эта синхронизация проявляется так: реформируя государственную власть, общество привносит в неё изменения, которые созвучны его собственным метаморфозам. Ныне, когда общество превращается в информационное, государственной власти придется претерпеть соответствующие трансформации. А значит, и реформативная стратегия должна учитывать особенности данного этапа социальной эволюции.

Теперь информация приобретает статус сверхценности. Информационная свобода (свобода в получении и использовании информации) превращается в одну из наиважнейших социальных свобод. Её узурпация представляет собой основную тенденцию и тотализирующейся государственной власти, и самораспространяющегося радикального субъекта, и различных псевдонародных организаций, которые под видом борьбы за общественные свободы достигают собственных корыстных целей. Актуальный в настоящее время баланс между свободой и произволом всё больше зависит от характера распределения информации. Информационная свобода становится сутью подобного балансирования, а значит, должна быть содержанием реформ (и реформативной стратегии). Оптимальная (сбалансированная) децентрализация информации – вызов текущего этапа социальной эволюции.

Выводы к разделу 2.

Логический метод, применяемый согласно принципу единства исторического и логического, показывает, что существуют две модели реальных отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Это модель революционных отношений и модель реформативных отношений. Причиной образования этих реляционных разновидностей служит несоответствие державной подсистемы управляющим параметрам социальной системы (состояние государственной власти характеризуется неспособностью совершать действия,

вызывающие поддержку управляемого ею общества). И чем меньше отношения корреспондируют режиму легитимности, тем более разупорядоченной и неустойчивой становится социальная система, тем интенсивней проявляется ее хаотическая динамика, тем сильнее возникающие в ней флуктуации. Но, находясь в состоянии детерминированного хаоса, социальная система стремится к диссипативной упорядоченности. Поэтому она ищет в своем внутреннем пространстве аттрактор, максимально удовлетворяющий принятым ею управляющим параметрам. В процессе подобной самоорганизации социальная система приближается к точке бифуркации: ей предстоит выбрать соответствующий аттрактор для дальнейшего эволютивного развития.

Как было отмечено выше, такими аттракторами являются революционный и реформативный режимы отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Революционный режим гораздо менее устойчив, чем реформативный. Его упорядочивающее воздействие откладывается на неопределенный срок, в течение которого социальная система продолжает находиться в состоянии хаоса и подвергаться самым мощным флуктуациям. В этот период одна из подсистем – государственная власть – перестает существовать. А значит, вплоть до структурирования ее альтернативной версии, социальная система не соответствует ни одному из управляющих параметров, так как государственная власть является необходимым элементом (либо субъектом, либо объектом) каждого из них. При этом в фазе хаоса возрастают интенсивность и сила флуктуаций. Следовательно, существует оправданный и достаточно высокий риск, что в результате непредвиденного внешнего воздействия какая-нибудь из флуктуаций вытолкнет социальную систему из поля притяжения аттрактора и либо ввергнет ее в хаотичные поиски нового аттрактора, либо направит в сторону регресса, а то и самоуничтожения.

Таким образом, выбор революционных отношений оказывается своеобразным фьючерсом, исполнение которого не просто отсрочено, но и абсолютно не гарантировано. В результате перехода к историко-логическому восприятию становится очевидным, что описывающие революцию синергетические абстракции:

хаос и флуктуации, – воплощаются в реальных катастрофах: массовых смертях, поголовном обнищании и духовной деградации. Подобные отношения противоречат системным принципам (согласия, развития) и слишком далеко отстоят от идеальных (когда народ не ликвидирует, но, наоборот, поддерживает заслуживающую этого государственную власть), а значит, не могут считаться оптимальными ни для государственной власти, ни для управляемого ею общества, ни для социальной системы в целом.

Модель реформативных отношений предполагает сохранение государственной власти, ее поступательное, умеренное изменение, происходящее в такт аналогичному эволюционному преобразованию всей социальной системы. В отличие от революции, реформы сразу же (без промежуточной фазы хаоса) приводят к закономерному результату самоорганизации социальной среды – взаимодействию ее подсистем [101]: государственной власти и управляемого этой властью общества. Их синергия проявляется в заключении обоюдовыгодного соглашения о распределении между ними свободы, имеющей место в социальной системе. Информация о необходимости подобного соглашения поступает из социальной системы в открытую нелинейную подсистему управляемого державой народа, образуя в локализованной там среде гражданского общества некую диссипативную структуру – реформирующего субъекта, который от имени народа совершает данную сделку. Поскольку исполнение договора возможно, только если государственной власти присущи атрибутивные параметрические значения, приближенные к легитимности, данный субъект, действуя в рамках достигнутого компромисса, склоняет ее к проведению соответствующих реформ. Межкомпонентная синергия позволяет социальной системе миновать фазу хаоса и перейти к диссипативной упорядоченности одновременно с выбором аттрактора. Вместе с установлением порядка в системе начинает функционировать схема предиктор-корректор. По этой причине реализация реформативной модели, в отличие от революционной, не оборачивается трудно переживаемыми социальными катаклизмами.

Очевидно, что в качестве аттрактора и реляционного концепта реформативный режим гораздо устойчивей и значительно больше соответствует управляющим параметрам социальной системы, то есть более изоморфен идеальному режиму как ее атрибутивному параметрическому значению. Следовательно, реформативный режим определяется как оптимальный для отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Случаи, когда реализуется революционная модель, объясняются ошибкой, которую допускает социальная система, выбирая для себя постбифуркационное состояние и обещающий его аттрактор [18]. Ошибка может быть допущена либо случайно (например, беспредельная тоталитаризация государственной власти), либо под внешним давлением (например, со стороны иностранной державы).

Раздел 3.

ОПТИМАЛЬНОСТЬ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ КАК СУБЪЕКТАМИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СВОБОДЫ

В предыдущем разделе был затронут вопрос о месте свободы во взаимоотношениях между государственной властью и обществом. Свобода была представлена в качестве объекта, к которому испытывает инстинктивное стремление и каждый член социума в отдельности, и весь социум в целом и который является камнем преткновения в отношениях между государственной властью и обществом. Объем поставленной задачи не позволил расширить рамки исследования и полноценно проанализировать функцию, выполняемую свободой в процессе установления и протекания взаимоотношений между государственной властью и обществом. Однако функция эта требует более подробного разбора.

Значение, которое имеет свобода для отношений между государственной властью и обществом, является разноплановым и многоуровневым. В структуре, составляемой данными планами и уровнями, можно выделить следующие: 1) свобода как прямая противоположность власти, когда последняя определяется в качестве ограничения, даже отсутствия свободы; 2) свобода действий как необходимая предпосылка для осуществления государственной властью своей воли; 3) свобода выбора как основа для гармоничного взаимодействия между обществом и государственной властью; 4) свобода совести как запрещенная для государственного регулирования территория; 5) свобода как обязательное условие ответственности и для государственной власти, и социума, и для каждого отдельного человека; 6) свобода как возможность беспредельной бесконтрольности и т. д.

Для того чтобы полнее и глубже осмыслить место, занимаемое свободой во взаимоотношениях между государственной властью и обществом, необходимо отметить ту краеугольную, экзистенциальную роль, которую играет свобода для каждой элементарной частицы, совокупность коих составляет большую социальную

систему, – для человека. На этом уровне социальной системы свобода раскрывается как «онтологическое условие человеческого существования», основа, отталкиваясь от которой, индивид вступает в любые (в том числе и рассматриваемые) отношения. Именно свобода формирует человека, определяет его содержание и тем самым детерминирует режим существования всей социальной системы [47, с.141].

Отсюда следует, что свобода является основным фактором формирования взаимоотношений между социальными системами, в том числе между государственной властью и управляемым ею обществом. Следовательно, их эффективность (то есть получение максимальной выгоды каждой из сторон) этих отношений зависит от того, насколько режим их осуществления соответствует необходимости, детерминированной указанным фактором, а значит, и от правильности оценки и от полноты понимания их субъектами того воздействия, которое оказывает данный фактор на рассматриваемые отношения.

С другой стороны, отмеченный режим задаётся не только свободой, но и наиболее общими законами мироздания. Их определяющее (для отношений между государственной властью и социумом) значение проявляется уже в том, что действие свободы тесно с ними связано. Согласно упомянутым законам всё сущее делится на две категории: властвующее и подвластное [16, с. 382]. Естественный порядок вещей, свойственный системе универсума в целом, присущ и каждой её отдельной части. Поэтому подсистема глобальной вселенской системы – социальная система со всеми её институтами – характеризуется следующим способом организации отношений между её элементами: субъект власти устанавливает властные отношения с объектом власти. Очевидно, что такое отношение имеет качество волевого, силового и целевого воздействия, осуществляемого субъектом применительно к объекту [261, р. 2].

Поскольку на современном этапе цивилизационного развития государственная власть является фундаментальным и даже системообразующим (для общества) социальным институтом, то изложенный регламент межчеловеческих отношений касается её политики в особенности. Данная политика, то есть воздействие государственной власти на общество, не реализуема без

принуждения. Если утверждение о том, что принуждение – это основной и главный инструмент государственного влияния на народ, – вызывает полемику, то факт его незаменимости и неотъемлемости от державных функций сомнению не подлежит. Таким образом, принуждение не может быть исключено из отношений между государственной властью и обществом. При этом, как было отмечено выше, свобода также является неотделимым, фундаментальным фактором рассматриваемых отношений. Однако свобода и принуждение – противоположные по своей сути явления [3, с. 518]. Принуждение есть лишение свободы, свобода есть освобождение от принуждения.

Как видно, взаимоотношения между государственной властью и обществом формируются в условиях борьбы их начал: свободы и принуждения, – которые являются друг для друга полярными. Аналогичным образом данный закон природы (закон единства и борьбы противоположностей) действует и тогда, когда отношения между государственной властью и обществом принимают обратное направление – социум становится субъектом революционного либо реформативного воздействия на державу.

Итак, отношение между государственной властью и обществом невозможно без двух составляющих: свободы и принуждения, – которые неизменно стремятся вытеснить друг друга из данного отношения. Во-первых, подобное отношение невозможно, если его субъект (будь то государственная власть или социум) не в состоянии (хотя бы потенциально) посредством принуждения побудить его объект к деятельности вопреки воле последнего. И мера указанного потенциала прямо пропорциональна способности субъекта являться таковым [243, р. 80]. Свобода же оказывается тем механизмом, который в процессе осуществления рассматриваемого отношения приводит в действие другой естественный закон – сила действия равна силе противодействия. Если в ходе отношения субъект использует принуждение, то есть ограничивает свободу объекта, то у последнего данные действия субъекта однозначно вызывают отпор. Свобода предстаёт в качестве катализатора в диалектическом противостоянии между государственной властью и обществом, в их извечной борьбе за право называться субъектом властного, принудительного

отношения, которое можно охарактеризовать как «...возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии» [38, с. 147].

Итак, свобода и принуждение – два фактора, участвующие в формировании взаимоотношений между государственной властью и обществом. Однако анализ соучастия данных факторов был бы неполным без выяснения места и роли насилия. В настоящем контексте мысль о том, что власть и насилие несовместимы [234, р. 63-71], представляется не соответствующей действительности. Ошибочность подобной точки зрения оказывается очевидной при сопоставлении объёмов рассматриваемых понятий: власть, принуждение, насилие. Как было отмечено выше, функциональное предназначение власти является неисполнимым, если в определённых случаях власть отказывается от принуждения (волевого, целевого, силового воздействия). Зависимость эффективности властных отношений, полноты власти от целевого принуждения настолько прямо пропорциональна, что последнее превращается в самостоятельную функцию власти. В первую очередь это касается власти государственной как единственного социального института, наделённого легитимным правом принуждать, когда иные методы воздействия бессильны. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод: объём понятия «принуждение» поглощается объёмом понятия «власть» – принуждение есть одно из проявлений власти. Социальная практика указывает на то, что обязательным атрибутом носителя власти является способность жёстко подавить сопротивление [250, р. 76]. Если радикальный потенциал властвующего оказывается слабее, чем аналогичный потенциал подвластного, то их противостояние обязательно непременно приведёт к смене ролей. Насилие предстаёт в качестве наиболее радикальной разновидности принуждения, которую может употребить власть держащий к власти претерпевающему. Естественно, чем радикальней способ принуждения, тем большее значение имеет испытываемое объектом признание, закрепляющее за субъектом власти право на его применение. Поэтому право на ограничение свободы во взаимоотношениях между государственной властью и социумом приобретает

особый смысл, поскольку только держава обладает официальными легитимными полномочиями на использование насилия. Возвращаясь к вопросу о соотношении понятий, необходимо отметить, что объём понятия «насилие» в контексте властных отношений полностью поглощается объёмом понятия «принуждение».

Таким образом, в процессе формирования взаимоотношений между государственной властью и обществом фактор свободы сталкивается с иерархической триадой «власть → принуждение → насилие». Подытоживая вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что последний компонент данной триады наиболее сильно нивелирует свободу, вызывая тем самым наибольшую силу противодействия со стороны адресата, к которому он применяется. Причём для активации обозначенного закона абсолютно не важно, кто именно является субъектом или объектом насилия: то ли государственная власть подавляет социальную свободу, то ли революционизировавшееся общество препятствует свободе державной политики. В таком контексте мысль о том, что действие субъекта власти – это причина, а реакция объекта – это следствие [242, р. 46] – приобретает новый смысл: фактор свободы запускает в действие бесконечный каузальный цикл давления и сопротивления, революций и реакций, которые постоянно сменяют друг друга, составляя таким образом глубинную суть взаимоотношений между государственной властью и обществом – борьбу противоположностей.

Для того, чтобы смягчить и замедлить подобные исторические перепады, максимально продлить благоприятный для него период, субъект властного отношения может выбрать наряду с принуждением другие инструменты воздействия на объект данного отношения. Наиболее примитивным методом влияния является, так называемый метод «кну́та и пряника», когда в определённый момент принуждение к требуемому образу действий вдруг сменяется поощрением за достаточно сознательное их выполнение. На некотором этапе регулярное чередование приёмов приводит к тому, что резистентность объекта власти преодолевается за счёт поселяемого в нём страха перед минимизацией (либо полным исчезновением) поощрений [237, р. 293]. Таким образом, обязательным

предикатом субъекта власти становится обладание максимальным количеством всевозможных благ, контроль доступа к которым позволяет манипулировать поступками объекта власти. Подобный контроль над благами лежит и в основе обмана, реализуемого в форме таких подходов, как убеждение и внушение, которые субъект власти также может использовать по отношению к объекту вместе с принуждением. Терминология, заимствованная из социальной теории Маркса, удачно иллюстрирует причинную связь между распоряжением материальными благами и умами населения. Регулируя режим распространения экономического базиса, можно конструировать ментальную надстройку, взращивать в обществе духовную культуру с определённой этической и аксиологической окраской. Данное культурное генерирование является одним из проявлений власти [251, р. 24], в рамках которого используется не только принуждение, но и убеждение, и внушение. Однако от этого не меняется суть властного отношения: субъект власти в любом случае ограничивает свободу объекта власти, так как действует для того, чтобы достигнуть своих целей, а не целей последнего, пусть даже при этом он использует и не прямое влияние, а метод обмана, в рамках которого убеждает власть претерпевающего либо внушает ему, что действует в его интересах. Как открытые манипуляции (принуждение, поощрение), так и скрытые (убеждение, внушение) обрекают подвластного на ту или иную меру лишения свободы, поскольку не позволяют ему реализовать свои желания – в угоду стремлениям властвующего.

Объективная действительность взаимоотношений между государственной властью и обществом свидетельствует о том, что ресурсами, необходимыми для контролирования экономического базиса, а значит, и для полноценного владения средствами поощрения, убеждения и внушения, обладает только государственная власть. Соответственно, объектом властного отношения, свобода которого ограничивается при помощи этих приемов, как правило, является социум, а субъектом – государственная власть (исключение составляют такие методы общественного воздействия на державу, как забастовки, демонстрации, митинги, пикетирования и т. д., имеющие довольно низкую результативность). Однако социум является открытой нелинейной синергетической системой. И когда

вследствие очередной флуктуации открывается совершённый посредством убеждения и внушения обман, народ становится субъектом противодействия, сила которого равняется нанесённому в ходе дящегося мошенничества ущербу. А последний выражается именно в степени попрания свободы, осуществлённого государственной властью в процессе властного отношения.

Комплексный подход к исследованию значения, которое имеет свобода для взаимоотношений между государственной властью и обществом, заставляет проанализировать телеологический аспект данной проблемы. Необходимо отметить следующее: «Свобода есть возможность осуществления целеполагающей деятельности, способность действовать со знанием дела ради избранной цели, и реализуется она тем полнее, чем лучше знание объективных условий, чем больше избранная цель и средства её достижения соответствуют объективным условиям, закономерным тенденциям развития действительности» [104, с.72].

Следовательно, в практике социальных отношений свобода – это возможность осуществлять именно целевую, конкретно направленную деятельность. Отсутствие возможности воплощать в жизнь собственные стремления и желания достигнуть конкретных целей воспринимается как ограничение свободы. Это общее для всех социальных отношений правило распространяется и на их частное проявление — взаимоотношения между государственной властью и народом. Данных двух фигурантов (державы и людей) касается и другое общее правило, согласно которому способность властвовать – это способность к целевому управлению [124, с. 352]. Таким образом, власть – это проявление свободы, и выражается она в управлении, то есть в управлении чужой свободой. С точки зрения ограничения свободы объекта интерес представляет не только объём, до которого субъект собирается расширять свои намерения (свободу), но и содержание последних.

Как было отмечено ранее, социальный организм обладает инстинктами живого организма, поскольку является его разновидностью. Любому общественному субъекту присуще влечение к самосохранению и к размножению. Прямым следствием подобных волений есть стремление овладеть наибольшим количеством ресурсов. Индикатором реализации обозначенного желания для

субъекта служит осознание того факта, что в сложившихся обстоятельствах он добился для себя наилучшего положения. Достижение данных результатов требует наличия у субъекта достаточного объёма власти, которую, следовательно, можно охарактеризовать, как способность обрести указанное положение [54, с. 124]. Как известно, ресурсы (и материальные и духовные), от которых зависит наилучшее положение, – ограничены, и на всех их не хватает. Таким образом, для того, чтобы обрести максимальное процветание, то есть осуществить свою власть и свободу как целевую деятельность, направленную на овладение ресурсами, субъект власти вынужден подавлять аналогичную свободу объекта власти.

В рассматриваемых отношениях (отношениях между государственной властью и обществом) каждая из сторон стремится быть субъектом, а своего оппонента навсегда оставить в роли объекта. В итоге, конфликт между государственной властью и обществом, их извечная субъект-объектная борьба является по сути коллизией свобод. Свобода одного участника изучаемых отношений резко противоречит свободе другого участника, более того, эти свободы не совместимы друг с другом.

Проиллюстрированное диалектическое столкновение рождает в открытой нелинейной саморазвивающейся системе социальных отношений наиболее плодотворные, в культурно-цивилизационном смысле, флуктуации. Свобода, воплощающаяся в противостоянии интересов, предстаёт в качестве одного из главных факторов, которые генерируют взаимоотношения между обществом и государственной властью. Подобное её влияние определяет ход истории, провоцирует смену социально-экономических формаций (по Марксу), обуславливает революционные взрывы, эволюционно-реформативные изменения, совершенствование государственного регулирования – обеспечивает прогресс социальной системы.

Обретаясь в человеческом обществе, свобода как целенаправленная деятельность формирует неотъемлемую характеристику Человека, – творчество, которое выделяет его среди других существ, определяет его совершенно особую экзистенциальную самобытность. «Свобода и творчество говорят о том, что человек

не только природное существо, но и сверхприродное. А это значит, что человек не только физическое существо, но и не только психическое существо, в природном смысле слова. Человек – свободный сверхприродный дух, микрокосм... Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя. Свобода в положительном своем выражении и утверждении и есть творчество» [26, с. 370]. Творческий аспект свободы играет ключевую роль для взаимоотношений между государственной властью и обществом. Представляя собой человеческие совокупности, данные субъекты власти обладают и человеческими свойствами – прежде всего свободой. А, обладая свободой, они способны творить новые возможности [211, с. 116; 227, с. 512]. Учитывая то, что их свобода направлена на проявление власти по отношению друг к другу, подобная способность влечет за собой наиболее судьбоносные последствия как для каждого из них, так и для того целого, которое они составляют – для социальной системы. Сверх того, эти последствия носят экзистенциальный характер, поскольку субъект, осуществляя свое властное творчество, манипулирует потенциальными вариантами «бытия-в-мире», при этом некоторые он актуализирует [72, с. 12-13]. Однако одновременно с определенным способом «бытия-в-мире» актуализируются и его отличительные свойства – те ограничения, та необходимость, в которые оказываются «заброшенными» и субъект и объект свободного властного творчества. Кто бы ни оказался в роли субъекта и объекта. И государственная власть, и социум, и каждый отдельный человек оказываются заложниками условий «бытия-в-мире», которые были вызваны к жизни субъектом указанного творчества. Такова противоречивость экзистенциальной диалектики: осуществляя свободный властный творческий акт, субъект обрекает себя на подчинение законам той реальности, которую он сам создает, в которой ему придется сосуществовать вместе с объектом своей деятельности. Таким образом, подчиняя себя правилам, по которым функционирует создаваемая им действительность, субъект творчества является одновременно и объектом собственной деятельности. Данный, на первый взгляд, побочный эффект, порождаемый экзистенциальным триединством свободы, власти, творчества, на самом деле представляет собой ограничительный механизм, лежащий в основе

глобальной системы социального порядка. Благодаря его сдерживающему воздействию, свобода субъекта власти, субъекта творчества не превращается в беспредельную, безмерную, ненормированную. Свобода, способная уничтожить пределы, нарушить любую меру и любые нормы – неконтролируемая свобода – и есть хаос, деструкция системы отношений. Для взаимоотношений между государственной властью и обществом обретение подобной свободы одной из сторон означало бы прекращение существования и самих сторон, и установившихся между ними отношений. Недопущение таких последствий – основное условие функционирования социальной системы. И здесь проявляется ее глубинное свойство – стремление к самосохранению. Внедряя определенный режим бытия, субъект государственно-общественных отношений сам становится его заложником. Невольно он принимает на себя ряд обязанностей, предполагаемых данным режимом. И нарушая их, он нивелирует собственные законы, которые составляют ткань нужного субъекту режима и нарушение которых влечет его падение. Это – своеобразная, установленная самой природой социальных взаимоотношений, естественная для них и обуславливающая их система сдержек и противовесов. Такова организация бытия: свобода ограничивает сама себя – закон, детерминирующий развитие социальных отношений, в первую очередь (вследствие их сущностного субъект-объектного противостояния) между государственной властью и управляемым ею обществом.

Участники властных отношений развиваются вместе с протекающими между ними отношениями. Актуализируя тот или иной вариант «бытия-в-мире», субъект свободного властного творчества совершает некоторое действие. Это действие может быть либо верным, либо ошибочным. Значит, любой образ действий, осуществляемых субъектом, является очередным этапом на пути проб и ошибок, движение по которому – неотъемлемая составляющая процесса развития. Каждый акт выбора и следующий за ним поступок вкладывают свою лепту в развитие отношений, которое, в свою очередь, влияет на эволюцию участников этих отношений. В основе как выбора действий, так и причиняемого им развития лежит свобода. «...в точках перехода от одного состояния к другому развивающийся

объект обычно располагает относительно большим числом «степеней свободы» и ставится в условия необходимости выбора из некоторого количества возможностей, относящихся к изменению конкретных форм его организации. Все это определяет не только множественность путей и направлений развития, но и то важное обстоятельство, что развивающийся объект как бы сам творит свою историю» [28, с. 45].

Когда объектом подобного генезиса становится субъект власти, то под воздействием рассмотренных выше общебиостромных законов он неизменно будет стремиться в сторону выбора тех возможностей, которые обеспечивают максимальное увеличение объема его власти, его свободы и, как следствие, влекут за собой минимизацию свободы и власти окружающих. В результате «...в человеческом обществе большая поставляется над меньшей и эта последняя ей повинует» [1, с. 97]. Данная интенция в полной мере свойственна отношениям между государственной властью и социумом. В иерархической структуре современной цивилизации именно государственная власть является субъектом, наделенным «большой властью». Исключение составляют те нечастые случаи, когда подлинные революционные сдвиги или глубокие системные реформы придают обществу статус обладателя наивысшей власти. Основным демократический принцип, согласно которому субъектом, владеющим верховенством власти, является народ – это лишь идеальная (и недостижимая, как любой идеал) модель. Государственное устройство той или иной страны может лишь в какой-либо мере приближаться к данному идеалу, но никогда не сможет с ним поравняться. Таким образом, в процессе материализации демократического идеала наибольший объем власти как правило достается такому субъекту, как государственная власть. Она же, как следствие, вольна присваивать себе большую часть общей свободы, уменьшая в результате долю свободы, предназначенную для других претендентов (в контексте настоящего исследования – свободы управляемого ею социума).

Как было отмечено выше, бесконтрольная свобода одного из участников общественных отношений чревата беспределом, который, подобно раковой мутации способен разрушить весь социальный организм. Стремясь к самосохранению,

последний рождает внутри себя концепцию, согласно которой носитель государственной власти ограничен в своих действиях естественным правом как установлением высшего порядка [30, с. 146]. Данная концепция закрепляет за каждым объектом государственной политики определенное количество свободы, которое не может быть подвержено посягательствам со стороны государственной власти. Эта мера свободы как нечто сокровенное и неприкосновенное заложена в исторической памяти каждого индивида. И покушение на такую священную территорию влечет за собой сопротивление. Опасность, исходящая от указанного сопротивления, служит для государственной власти неким тормозом, останавливающим ее на пороге между свободой и беспределом. Преступление порога приводит к забастовкам, терроризму, революциям. Таким образом, концепция естественного права представляет собой закономерный результат саморазвития социальной системы, инструмент ее самосохранения, природный механизм, сдерживающий опасную монополизацию свободы государственной властью.

В чем заключается этот неделимый минимум свободы? По мнению Спинозы его границы очерчены следующим образом: «...все то, к исполнению чего никто не может быть побужден ни наградами, ни угрозами, не относится праву государства... к праву государства менее относится то, на что негодует большинство» [78, с. 162]. «Здесь не место подробно останавливаться на том, что центральной государственной власти, правительству, надлежит предоставлять своим подданным свободу во всем том, что не относится к прямому ее назначению – к организации власти и ее сохранению, что не связано с внешней и внутренней безопасностью, что не может быть более священной для правительства обязанности, чем предоставление гражданам свободы в такого рода вопросах и их защита, независимо от каких бы то ни было соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе» [49, с. 84]. Конечно, представленные границы нечетки и размыты. Однако таковыми они и являются в пространственно-временном измерении. В разные исторические промежутки на разных участках Земли социум иначе реагировал на «угрозы» и «награды». Различные (вплоть до

противоположных) действия государственной власти вызывали «негодование большинства». И не одни и те же права большинство относило к разряду своей «священной свободы». Неидентичность восприятия социумом своей свободы описана в прошедшем времени, но приведенная иллюстрация в полной мере относится и к настоящему, и к будущему. Не имеет значения, каким конкретно содержанием наполнен естественноправовой минимум социальной свободы. Важен сам факт существования такого минимума. Значение имеет именно то превентивное воздействие, которое данный факт оказывает на экстенсивное стремление государственной власти поглотить всю наличествующую в социальной системе свободу.

Противостоя государственной власти, общество хочет свободы не менее жадно, чем государственная власть. Как следствие, оно постоянно старается превратить отведенный ему минимум в желаемый максимум. Обладая для этого несоизмеримо меньшими по сравнению с государственной властью ресурсами, социум не имеет возможности расширять свою свободу с необходимой ему скоростью. Однако вода камень точит. И непрекращающееся противостояние (латентное ли, открытое ли), направленное на захват и освоение как можно большего количества свободы, не оставляет государственной власти выбора. Поскольку Человек считает лучшей ту социальную систему, которая существует в режиме, обеспечивающем наибольший объем свободы [45, с. 126], – для того, чтобы избежать угрожающих ей флуктуаций, максимально продлить свое существование, государственная власть вынуждена порождать и поддерживать в людях уверенность в том, что установленный ею режим – наилучший. Поэтому ей приходится идти на уступки обществу. То есть определять для него оптимально широкий доступ к свободе (с поправкой на текущие пространственно-временные особенности и недопустимость произвола).

Здесь необходимо отметить, что во имя самосохранения социальная система рождает не только естественно-правовую концепцию – гарантию того, что свобода государственной власти не достигнет взрывоопасного расширения. Охраняющая равновесный порядок внутри социальной структуры система сдержек и

противовесов обуславливает существование и обратно направленного механизма, препятствующего узурпации обществом всей имеющейся свободы и презервирующего таким образом государственную власть от полного уничтожения. Ведь завладение социумом державными свободами и прерогативами действительно угрожает коллапсом государственной власти.

Историческая логика указывает на то, что без государственной власти невозможно и само государство. Последнее, представляя собой «...действительность субстанциональной воли, которой оно обладает, в возведенном в свою всеобщность, особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное» [51, с. 279]. Таким образом, устранение государства равноценно лишению социальной системы ее разума, то есть обесмысливанию общественных отношений, извлечению из них упорядочивающего, организующего начала. Но при этом, «для того чтобы масса людей образовала государство, ей необходимо создать совместную защиту и государственную власть» [49, с. 76]. Эта экзистенциальная потребность общества в государственной власти, непреодолимая зависимость социальных отношений от институтирующей их державы и является тем сдерживающим механизмом, который предохраняет народ от уничтожительного присвоения свободы, предназначенной исключительно для государственной власти.

И тот факт, что социум непрестанно эволюционирует, не отменяет необходимость государственной власти. Последняя может не успевать за общественным прогрессом. Однако это свидетельствует лишь о недостатках государственной власти, которые подлежат устранению, но ни в коем случае не указывает на ее ненужность. «К тому аспекту государства, который принадлежит к сфере случайности, следует отнести характер государственной власти в высшей точке ее концентрации» [там же, с. 77].

В отличие от случайных форм, суть феномена государственной власти закономерна для социума. Государственная власть всегда будет присутствовать в социуме, так как культурный процесс, материальное и духовное производство, не возможны без управления, и отношения типа приказ-исполнение постоянно останутся в их основе [67, с. 293-295]. Могут меняться структура, форма, режим

государственной власти, но сама она не перестанет играть роль одного из главных звеньев социальной системы, постоянного соучастника общественной эволюции.

В обеспечивающую целостность социального организма систему сдержек и противовесов входит еще одна составляющая. Под влиянием всеобщего закона единства и борьбы противоположностей, этим компонентом становится само противоположно направленное стремление к свободе. Парадоксально, но именно желание узурпировать всю присутствующую в социальной системе свободу определяется в качестве четвертого (после трех рассмотренных) сдерживающего инструмента. Будучи присущим и государственной власти, и обществу, данное воление угрожает столкновением указанных субъектов. Разрушительные последствия подобного столкновения непредсказуемы, а значит, и неприемлемы для обоих. Поскольку и государственная власть, и общество хотят избежать повреждений, единственным путем реализации их влечения к свободе является путь компромисса – оптимального распределения свободы, обеспечивающего процветание всей социальной системы и, соответственно, каждой ее части. Консенсуальное совмещение противоположных стремлений к свободе внутри единого, обоюдодовыгодного режима ее использования – естественное состояние социальной системы и залог ее системной целостности, согласованности: «частный интерес не только не согласуется с общим благом, но, напротив, при естественном порядке вещей они взаимно исключают друг друга...» [179, с. 307].

Когда основной задачей государственной власти становится удовлетворение «частного интереса» правящей элиты, когда элита использует свою власть в качестве инструмента для захвата не принадлежащей ей свободы, в обществе обязательно распространяется мнение, согласно которому государственная власть неотъемлема от автопатичной и плеонексичной элиты, а значит, точно также бесполезна и даже вредна [66, с. 7]. Как уже было доказано приверженцами этой мысли, однажды может появиться тот, кому под силу «сказку сделать былью».

С одной стороны, в подобном случае исчезает только элита, а государственная власть как феномен остается на своем месте. С другой стороны, государственная власть не может быть безликой, – она всегда представлена

конкретными людьми, занимающими конкретные должности, то есть в ее структуру всегда входит конкретная правящая элита. Поэтому, сдерживая государственную власть, представленная система противовесов накладывает определенные рамки на свободу именно власть держащих персон. Свободу небольшого числа индивидов, стремящуюся к саморасширению за счет поглощения свободы всего управляемого ими общества. То есть государственная власть испытывает воздействие системы сдержек и противовесов непосредственно через составляющие ее штаты.

Таким же образом сдерживается «частный интерес» конкретных членов общества, которые в канве социальных отношений пытаются разместить свою свободу поверх свободы государственной власти. Данные акты настолько же далеко отстоят от компромиссного, обусловленного общим благом, распределения свободы, как и узурпация, осуществляемая правящей элитой. Поэтому для реализации обоюдовыгодного, консенсуального варианта распоряжения свободой необходимо «...полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины...» [180, с. 161]. Указанными «членами ассоциации» являются и представители государственной власти как отдельного социального института (правящая элита), и представители противостоящего (в контексте настоящего исследования) государственной власти общества (люди и их союзы). Рассматриваемый, единый для всех участников социальных отношений, режим распределения свободы, основанный на принятом ими совместном компромиссном решении, оказывается аутентичной формой существования власти [181, с. 30] (то есть деяний, направленных на управление чьей-либо свободой). Вне такого режима невозможно достигнуть общего блага – той главной цели, ради которой люди объединяются в государство и формируют его институты прежде всего государственную власть. То есть власть как социальная целенаправленная деятельность обесмысливается.

Когда один из субъектов власти полностью низводит второго субъекта до ранга объекта власти, предает последнего тотальному управлению и контролю, отбирая таким образом его свободу, – нарушается компромиссный баланс свободы в социальной системе. Нарушение баланса влечет упразднение внутрисистемного

порядка, что, в свою очередь, чревато хаотизацией и деструкцией всей системы. «Стремление педантично определять все детали, это лишенное подлинной свободы посягательство на управление» [49, с. 84]. Изложенная причинно-следственная обреченность касается обоих субъектов власти, ведь и управляемое государственной властью общество порой старается узурпировать ее свободу. Такие случаи аннексии державной свободы влекут анархию (в негативном смысле этого понятия) в социальных отношениях. Общество обезоруживает регулятора, лишает его свободы действий. А без регулирования наступает анархия.

Свобода воздействует на отношения между государственной властью и социумом на самом элементарном, генетическом уровне этих отношений. Более того, свобода принимает непосредственное участие в формировании данного уровня. Человек является своего рода элементарной структурной частицей, монадой изучаемых отношений. И какой бы характер (позитивный ли, негативный ли, созидательный ли, разрушительный ли) они не принимали, личность всегда будет оставаться их непосредственным участником и даже строителем, самым неотъемлемым и неустранимым фактором. Люди имеют столь фундаментальное значение для рассматриваемых отношений благодаря именно свободе. Во-первых, человек обладает свободной волей и определенной степенью свободы действий, во-вторых, человек испытывает постоянное влияние власти, оно сопровождает человека на протяжении всей жизни во всех отношениях, в которые он вступает. Власть (как социальный фактор, проявляющийся в управлении свободой) формирует его характер, определяет его отличительные черты. Можно сказать, что личность задается властью. И вот свободная, образованная властью (как деятельностью, которая мотивированна свободой) личность, наименьшая социальная единица, использует свою свободу и свою опосредованную властью сущность, чтобы генерировать власть [246, р. 234] (управлять свободой), непрестанно подпитывать ее плодами своей активности. А значит, оказывает элементарное воздействие на отношения (которые оказываются прежде всего, властными) между государственной властью и обществом.

На основании вышеизложенного можно считать абсолютно справедливым мнение о том, что для отношений между государственной властью и управляемым ею обществом свобода приобретает значение критерия, в соответствии с которым производится оценивание всех аспектов данных взаимодействий, прежде всего, определяются качественно-количественные характеристики удовлетворения социальных потребностей [211, с. 116] (данная грань будет изучена в последующих разделах). Взаимоотношения между государственной властью и обществом либо соответствуют данному критерию, либо нет. Если система сдержек и противовесов потерпит фиаско, обуславливающий ее закон равенства сил действия и противодействия может привести к обратным результатам. Среди самых негативных последствий можно выделить репрессии, терроризм, революции, – социальные сдвиги с непредсказуемым исходом, угрожающие масштабным регрессом, как минимум, или деструкцией социальной системы, как максимум. Чтобы избежать таких последствий, есть только один выход – оба субъекта властных отношений: и государственная власть, и управляемое ею общество, – должны привести данные отношения в соответствие с указанным критерием – со свободой. Подобные результаты становятся достижимыми только в условиях компромиссного варианта развития отношений между государственной властью и обществом, переключения их в режим «интеркурсивной власти» [262, р. 63], подчинения их принципу консенсуального, взаимовыгодного, безопасного для социальной системы соблюдения свобод. Таким образом, фактор свободы вынуждает государственную власть и общество развивать свои взаимоотношения на основании стремления к общему благу, которое определяется на договорных началах. Вожденная для указанных двух субъектов власть превращается под влиянием свободы в «цель в себе» [234, р. 63], неотъемлемыми составляющими которой являются компромиссное распределение свобод каждого субъекта и стремление к обоюдному процветанию.

Отношения между державой и обществом, прежде всего, властные. Такая их характеристика – проявление общей нормы, обуславливающей любые связи между людьми. Однако феномен власти испытывает онтологическую зависимость от

свободы. Закон, лежащий в основе социальной жизни, делит всех ее участников на субъектов власти (осуществляющих свою власть) и на объектов власти (испытывающих власть субъекта). Свобода играет ключевую роль в этой дифференциации. Ведь неотъемлемым признаком субъекта власти является его способность подчинить своей воле объект власти, а объект власти, соответственно, определяется как нечто, управляемое субъектом. Управление, в свою очередь, обусловлено свободой. Для того, чтобы управлять, то есть быть субъектом власти, участник общественных отношений должен обладать необходимой для этого степенью свободы. Если возможность принудить объект ему недоступна, находится за пределами свободы его действий, то это означает, что объект им не управляется. Более того, управляя объектом, он тем самым ограничивает его свободу. Лишает его свободы действовать вне навязанного алгоритма. Отсюда следует, что власть можно охарактеризовать как свободу одного управлять свободой другого (свободу отбирать свободу). Таким образом, свобода – обязательное свойство властвующего и непременная составляющая властных отношений.

Любые социальные отношения – это отношения между людьми, а значит их элементарной частицей является человек. Рождение и существование человека обусловлены властью, и, по большому счету, состоят с ней в причинной связи. Власть – один из наиболее важных факторов, участвующих в формировании личности. Если рассматривать власть через призму изложенного выше либертарного толкования, то получается, что Человек появляется и развивается под воздействием свободы. При этом его собственная свобода направлена на управление чужой свободой. То есть свобода как параметр социальной жизни определяет бытие и содержание каждого индивида – каждой наименьшей частицы, принимающей участие в общественных отношениях.

Но власть – не единственный формат, в котором свобода детерминирует Человека. Важным аспектом подобной каузальной связи, которая имеет место между свободой и становлением личности, ее жизнедеятельностью, является свобода выбора. Совершая поступки, в основе которых лежит свободный выбор, люди получают опыт. Таким образом они обучаются, а значит, и развиваются,

совершенствуют свою дальнейшую активность. Отсюда следует, что свобода, обуславливая человеческий выбор, оказывается причиной формирования и трансформирования каждого индивида.

Далее взращенный свободой (через посредство власти и выбора) Человек реализует приобретенные им в ходе онтогенеза либертарно-кратические качества в тех социальных отношениях, в которых он принимает участие. Иными словами, он начинает расширять свою свободу, управляя свободой других лиц. Его потребность в свободе (инстинкт свободы) становится наиважнейшим и, как правило, определяющим фактором, влияющим на его выбор. Поэтому в подавляющем большинстве случаев сотворенный свободой-властью индивид выбирает тот образ действий, благодаря которому он сможет максимально расширить свою свободу.

Для личности такой выбор может быть чреват либо развитием, либо смертью. Но, объединяясь, люди приносят свои качества в формируемые ими социальные субъекты. К последним относятся и государственная власть, и управляемое ею общество. Для них свободный выбор также оборачивается либо приобретением опыта, причиняющего их генезис, либо уничтожением. Однако Человек – лишь наименьший элемент социальной системы, а государственная власть и управляемое ею общество – наиболее значимые для нее подсистемы. И ликвидация одной из них влечет за собой разрушение всей системы.

Как было доказано выше, подобный результат неизбежен, если какой-нибудь из рассматриваемых субъектов (государственная власть и управляемое ею общество) приобретает чрезмерно много свободы, слишком широкие возможности в качестве вариантов для выбора. Выбор любого живого организма (в том числе социального) в подавляющем большинстве случаев направлен на самосохранение – это закон эволюции. Самосохранение, в свою очередь, заставляет субъекта захватывать максимальное количество свободы. Чем меньше субъект ограничен в своих действиях (чем он свободней) тем масштабней доступные ему ресурсы, тем его шансы на выживание выше, а сама жизнь – качественней. Учитывая жесткую ресурсную конкуренцию каждый субъект вынужден не только сохранять, но и экстенсифицировать свою свободу. Отсюда следует, что и государственная власть, и

общество изначально нацелены на то, чтобы выбирать тот способ действий, который принесет им наибольшую свободу.

Таким образом, всебиостромный закон навязывает и государственной власти, и обществу выбор, который ведет к разрушению социальной системы. Избежать столь неблагоприятных последствий последней помогают ее системные параметры: гибкость, приспособляемость, внутреннее согласие (цели подсистем не могут противоречить целям системы), целеполагание (цели подсистемам задает именно система) и нелинейность (реакция элемента на воздействие системы не обязательно должна быть пропорциональна воздействию). Итак, гибкая социальная система приспособляется к инстинкту расширения свободы, которым биостромная надсистема наделила ее подсистемы (государственную власть и общество). Приспособление заключается в том, что социальная система нелинейно реагирует на воздействие надсистемы. Она задает своим подсистемам определенные цели, которые, в силу внутреннего согласия, не могут быть ими отвергнуты, и которые воплощаются во взаимных сдержках и противовесах, ограничивающих свободу подсистем, не допускающих ее (свободы) разрушительного разрастания. Таким образом социальная система формирует собственный закон, действие которого уравнивает эффект надсистемных, биостромных, процессов. И вследствие пронизывающей действительность диалектической противоречивости основной действующей силой данного закона становится та же сила, которая влечет социальную систему к самоуничтожению, – свобода.

Закон этот представляет собой систему сдержек и противовесов, для функционирования которой необходимы два условия: 1) заданный биостромой инстинкт самосохранения, 2) характеризующая всю планетарную надсистему ограниченность ресурсов. Благодаря этим условиям социальная система запускает механизм сдерживания и уравнивания. Во-первых, самосохранение толкает ее подсистемы (государственную власть и общество) на расширение своей свободы за счет завладения все большим количеством ресурсов. Во-вторых, ограниченность ресурсов ограничивает и свободу субъектов. Это ограничение происходит либо

потому, что субъекты останавливают друг друга в ходе поединка за свободу, либо из-за того, что они заключают соглашение о взаимном нераспространении свободы.

При этом необходимо отметить, что самосохранение рано или поздно заставляет их выбрать второй вариант, так как сражение за свободу может причинит ущерб им обоим – вплоть до уничтожения. Но государственная власть не может существовать без управляемого ею общества – в таком случае ей нечем управлять, то есть она теряет свою родовую (властную) принадлежность. Народ, в свою очередь, является таковым только тогда, когда отказывается от части своей свободы (ее внеправовой части) для того, чтобы сформировать государство. А, поскольку для функционирования государства необходима государственная власть, общество нуждается в ней как в организующем начале. Таким образом, ради самосохранения и государственная власть, и управляемое ею общество вынуждены ограничивать распространение своей свободы, этим же самосохранением диктуемое.

Следующим элементом обусловленной свободой системы сдержек и противовесов оказывается идея естественного права. Социальная система задает эту идею подсистеме возглавляемого государственной властью общества в качестве цели, которая достигается в рамках общей цели – самосохранения – установленной для всех своих элементов биостромной надсистемой. Идея естественного права очерчивает тот неприкосновенный минимум свободы, посягательство на который делает жизнь народа невозможной. В ответ на подобные действия под влиянием инстинкта самосохранения (сохранения свободы) общество революционизируется. Потенциальная революционная угроза актуализирует самосохранение уже для государственной власти. В итоге, опасаясь за свою свободу, государственная власть не распространяет ее на тот сегмент свободы общества, который закреплен в идее естественного права. Как видно, данный элемент системы сдержек и противовесов направлен на то, чтобы ограничивать свободу именно государственной власти. Социальная система не случайно выработала для сдерживания державной свободы отдельный механизм. Дело в том, что, как и любая система, она асимметрична. То есть составляющие ее подсистемы неодинаковы по ряду параметров. В частности, государственной власти изначально присуща большая свобода в распоряжении

ресурсами, чем управляемому ею обществу. Следовательно, по сравнению с народом она имеет более широкие возможности для увеличения своей свободы, а значит для уравнивания последней действительно нужен отдельный механизм.

Итак, биострома генерирует внутри себя определенный параметр – самосохранение, которое, однако, не будучи ограниченным, способно нанести ущерб социальной системе. Социальная система вынуждена следовать заданному надсистемой параметру. Но для того, чтобы выжить она нелинейно реагирует на воздействие надсистемы – лимитирует инстинкт самосохранения (сохранения и расширения своей свободы), присущий ее подсистемам: государственной власти и управляемому этой властью обществу. Кроме выше рассмотренных, достижению подобной цели способствуют такие системные параметры, как максимальная эффективность и оптимальность. Используя данные характеристики, социальная система вводит еще один элемент в систему сдержек и противовесов, выработанную в качестве нелинейного ответа на диктуемое бионадсистемой тотальное самосохранение. Сей элемент представляет собою механизм, который функционирует следующим образом. Подсистемы социальной системы (государственная власть и руководимое ею общество) подчиняются системным принципам: максимальной эффективности (когда подсистема стремится достигнуть установленных надсистемой целей настолько интенсивно, что оказывается на грани собственной устойчивости) и оптимальности (для достижения надсистемных целей система избирает наиболее действенные методы). Таким образом, расширяя свою свободу, субъекты (государственновластная и общественная подсистемы) должны максимально эффективно освоить вновь приобретенные объемы свободы. И сделать это они должны наиоптимальнейшими средствами. Эффективности мешают разногласия, которые возникают между подсистемными элементами (людьми) по поводу распределения и использования увеличившейся свободы. Устранить разногласия можно, лишь установив внутрисистемные правила распоряжения свободой. И субъекты вынуждены прибегнуть к данному приему из-за его оптимальности. То есть, экстенсифицируя свою свободу, и народ, и государственная власть вынуждены ее ограничивать разнообразными правилами, которые

составляют оптимальный режим ее использования. Нарушение режима влечет потерю эффективности, а неэффективное обращение со свободой угрожает ее сохранности. Значит, не ограничив свою свободу, государственная власть и общество, не могут соответствовать не только системным принципам эффективности и оптимальности, но и самосохранению (сохранению своей свободы) – цели, которую ставит перед ними бионадсистема. Другими словами, не ограничив свою свободу, они не смогут ее сохранить. Кроме того, неэффективный, не выполняющий поставленной перед ним задачи элемент – лишний, – а, согласно системным принципам слабой связи и отсутствия лишнего, система обязана его упразднить и заменить. Следовательно, во имя выживания государственная власть и общество должны эффективно устанавливать и применять режим использования (сдерживания) свободы – отказываться от одной ее части ради сохранения другой.

Резюмируя выше изложенное, нужно подчеркнуть следующее. В социальной системе идет постоянная борьба за самосохранение, в основе которого лежит стремление сохранить и расширить свою свободу. Государственная власть и управляемое ею общество противостоят друг другу в данной борьбе. Однако то же самое самосохранение, та же самая свобода, которая становится причиной их войны, заставляет их искать мирного урегулирования ею же спровоцированного конфликта, поскольку их столкновение может привести к обратным результатам – утрате свободы. Страх перед подобными последствиями усиливается осознанием ниже перечисленных фактов: 1) государственная власть и управляемое ею общество не существуют друг без друга, 2) узурпация минимума свободы, который воплощен в идее естественного права, может повлечь свержение государственной власти, 3) для сохранения собственной свободы ее нужно ограничить определенными правилами. Соблюдение всех этих условий возможно только в рамках соглашения о совместном режиме использования свободы. В таком соглашении фиксируется либертарный компромисс, к которому пришли государственная власть и управляемое ею общество. Данное соглашение содержит единые для обоих субъектов правила, при помощи которых они ограничивают свободу (и собственную, и своего оппонента). Подобные правила регламентируют взаимное нерасширение свободы, ее

неприкосновенный естественноправовой минимум (для свободы социума), закрепляют основания, по которым держава и народ испытывают друг в друге экзистенциальную потребность. Рассматриваемое соглашение представляет собой результат действия системы сдержек и противовесов, выработанной социальной надсистемой. Его заключение символизирует установление в надсистеме баланса свободы, то есть сохранение надсистемной стабильности, которая является залогом процветания и государственновластной и общественной подсистем.

Выводы разделу 3

Поскольку ошибочный аттрактор (революционный режим) может быть выбран в результате экзогенного воздействия, реформативный аттрактор необходимо исследовать на предмет соответствия условиям, в которых существует социальная система. Реформативный режим может идентифицироваться как оптимальный, только если учитывает их внешние влияния. Для социальной системы они превращаются в навязываемые средой управляющие параметры.

Свобода становится объектом противостояния между государственной властью и обществом, предметом заключаемого ими соглашения именно в силу того, что является условием среды, в которой сформировалась социальная система. Последняя не может не воспринимать свободу как управляющий параметр, а значит оптимальный аттрактор должен ему соответствовать. В качестве условия свобода раскрывается следующим образом: власть (в том числе государственная) – это свобода, направленная на управление чужой свободой (например, управляемого общества); стремление обладать неограниченными размерами такой свободы свойственно всем живым организмам (в частности социальным); нелимитированная свобода – ошибочный аттрактор – если какой-нибудь бионт (будь то государственная власть или общество) ею завладевает, она превращается в его личный беспредел, полную организацию родившей его среды согласно его

представлениям о равновесии; абсолютная организованность, равновесность означает энтропию, тепловую смерть системы.

Нелинейность социальной системы позволяет ей приспособиться к свободе как к управляющему параметру. Для этого в ней образуется определенная диссипативная структура – система сдержек и противовесов, обуславливающая отношения между государственной властью и управляемым ею обществом. Аттрактором для данной системы служит синергийный режим отношений, воплощающийся в обоюдовыгодном соглашении о распределении (взаимном нераспространении) свободы. Но либертарный договор является основой режима реформативных отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Значит, реформативный режим соответствует свободе как условию среды, в которой формировалась социальная система, и даже ею детерминируется.

Раздел 4.

ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА

Поскольку научное задание настоящей работы определяет, что анализ государственной власти в контексте общественных отношений должен быть именно социально-философским, – исследовательский процесс сосредотачивается на наиболее общих началах общественного бытия. Поэтому его следующей стадией является изучение причинности. С точки зрения последней отношения между государственной властью и обществом представляют собой лишь небольшой фрагмент в несметном количестве причинно-следственных связей, которые она охватывает. Причинность (причинно-следственная связь) – это пример глобальной, аутентичной связи феноменов, составляющих реальность [185, с. 3]. Она пронизывает абсолютно все сферы бытия. В том числе социальную сферу, а значит, и поглощаемую данной сферой область отношений между государственной властью и обществом, которым подобная власть управляет. Познание рассматриваемой связи имеет фундаментальное значение для человеческого прогресса, ведь понимание причинно-следственных цепей делает будущее предсказуемым, минимизирует возможность неблагоприятной случайности. Особое место в познании такой тотальной и экзистенциальной характеристики бытия, как причинность, принадлежит философии, поскольку одной из главных задач данной отрасли знания является прогнозирование результатов, к которым людей приводят совершаемые ими поступки [203, с. 18-21]. Философия решает указанную задачу (приобретает возможность постигать грядущие стадии связанных с социумом процессов), проникая вглубь причин и следствий человеческой активности. Кроме того, «в разных областях науки получается, по существу, различное представление об окружающем; наше общее представление о совершающихся явлениях Вселенной носит мозаичный характер» [40, с. 192]. Здесь усматривается еще одно основание, исходя из которого, за философией закрепляется преимущественное право на изучение причинности. Ведь только философия обладает достаточной обобщающей

способностью – достаточной для консолидации разрозненных знаний, особенно знаний о наиболее общих началах бытия, таких, как причинность.

Исследование причинности затруднено определенными факторами. Прежде всего, бесконечной сложностью, неоднозначностью, относительностью самого объекта исследования. Одни и те же элементы действительности постоянно обмениваются своими каузальными ролями, причины превращаются в следствия, которые в свою очередь становятся причинами для других следствий [65, с. 22]. Распознавание связей между явлениями и процессами, осуществляемое в условиях непостоянности, мимолетности и запутанности данных связей, становится нелегкой задачей. Особенно в силу воздействия такого фактора, как несовершенство средств, которыми располагает человеческое познание.

Синтезируясь, перечисленные факторы превращают причинность в «вещь в себе», навсегда лишают человека надежды на достижение полноты в познании данного предмета. Для настоящего исследования анализ причинности значительно облегчается узостью его предмета. Последний лимитирован пределами социальной системы, а значит круг подлежащих изучению причинно-следственных цепей включает в себя лишь общественные явления и процессы. «Общество в целом как система приобретает сверхсложный и иерархический характер: в нем можно выделить различные уровни – в виде подсистем, подподсистем и т.д...» [110, с. 68]. В настоящем исследовании государственная власть и управляемый ею социум выделены в качестве элементов, представляющих собой противоположные подсистемы, состоящие в непрерывном процессе борьбы и единения друг с другом.

Перед исследованием причинных связей внутри столь сложной, нелинейной системы, как социальная, необходимо достаточно ясно и отчетливо определить используемые понятия. Подобное дефинирование обязательно, поскольку понятие «...это целостная совокупность суждений, т.е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта» [97, с. 456], без уточнения коих дальнейший анализ объекта становится запутанным и противоречивым.

Объектом осуществляемого в настоящем разделе исследования является каузальность, которая характеризуется триединством составляющих ее причины, следствия и специфической связи между ними. Специфика данной связи заключается в том, что феномен следствия неотвратно детерминируется феноменом причины [35]. Подобная детерминация, в свою очередь, имеет определенные «существенные признаки». «Причина вызывает, производит, порождает следствие. Утверждение «X есть причина Y» означает, что X порождает Y» [132, с. 211]. Таким образом, первым «существенным признаком» причинной связи оказывается экзистенциальная зависимость следствия от своей причины. Без причины не будет и исходящего из него следствия. Другими словами, отношение между явлениями (процессами), именуемое причинной связью, можно идентифицировать как отношение порождения. Наряду с предопределением возникновения, зависимость следствия от причины раскрывается в отношениях трансформации. Трансформируясь сама, причина неизменно трансформирует и генерируемое ею следствие [153, с.13]. Все превращения, происходящие с причиной, неизменно отражаются в ее следствии, производят в нем соответствующие метаморфозы. Трансформационная зависимость – это второй «существенный признак» причинной связи между явлениями и процессами. В итоге последнюю можно обозначить как отношение, характеризующееся обусловленностью происхождения и состояния (следствия причиной).

После того как была дефинирована связь между причиной и ее следствием, необходимо указать «существенные признаки» других элементов каузального триединства: причины и следствия. Исходя уже из самого определения причинной связи видно, что причина является действующим инициативным началом, преобразующей детерминантой по отношению к следствию. Причина – активна. «При этом нельзя себе представить дело так, что лишь причина активна, а следствие пассивно и никак не участвует в этом процессе... причинно-следственное отношение зависит не только от действующего источника, причины, но и от того явления, на которое действие направлено» [233, с. 11]. Таким образом, если причина – это активное, порождающее и преобразующее явление (процесс), то следствие –

это также активное явление (процесс), которое не только воспринимает, но и отражает влияние причины, оказывая тем самым воздействие и на причинную связь, и на причину. Подобная активная роль следствия представляет собой важную методологическую установку для настоящего исследования.

Еще одной важной методологической установкой является понимание актуальной реальности как воплощения реальности потенциальной [43, с. 85]. То есть все сущее имеет в своей основе нечто, что до определенного момента не существовало в реальном (актуальном) мире, а представляло собой лишь потенциал, который в итоге воплотился в реальном мире – актуализировался. Таким образом, актуальное возникает как результат осуществления потенциального. И вполне естественно, что в рамках подобного соотношения одно может быть познано только при условии познания другого [136, с. 5]. Потенциальное играет роль фактора, определяющего становление актуального [45, с. 74]. Другими словами, потенциальное можно идентифицировать как причину актуального, а актуальное – как следствие потенциального. Данный принцип бытия, его закон – внутреннее, содержательное, имманентное, незаменимое, константное, неизменное, систематическое, действительное, реальное взаимодействие составляющих его феноменов [46, с. 59] – распространяется и на социальные отношения, а значит, и на отношения между государственной властью и подконтрольным ей обществом.

Изучение властных отношений в контексте причинности заставляет рассматривать их как некий механизм. Последний определяется в качестве множества составляющих его частей, которые системно взаимодействуют друг с другом [219, с. 52]. В процессе подобного взаимодействия активность одних частей механизма порождает последствия для других его частей и для механизма в целом. Объектом настоящего исследования являются такие взаимодействующие части социального механизма, как государственная власть и общество. Анализ причинности в подобного рода взаимодействиях должен осуществляться в соответствии с тем объективным фактом, что «...многомерность и сложность социальной жизни неизбежно порождает проблему «полноты» («адекватности») любого вида ее объяснения и описания, подталкивая исследователей к учету как

можно большего количества факторов и условий» [124, с. 108]. Отношения между государственной властью и обществом являются важным фрагментом социальной жизни. Поэтому, следуя указанной исследовательской необходимости, нельзя не учесть эвентуальные причинные связи, которые обуславливают данные отношения. Их выявление и анализ обязательны, поскольку, какими бы многочисленными, разнообразными, труднораспознаваемыми эти эвентуальные факторы не были, отношения между государственной властью и обществом формируются именно в результате их влияния [254, р. 109-110]. Учитывая, что фактор потенциального имеет столь большое значение для отношений между государственной властью и обществом, та концепция, которая определяет его в качестве сути причинно-следственной зависимости [257, р. 344-345], представляется объективной, вследствие чего будет применена в качестве методологической установки для дальнейших изысканий.

К такого рода потенциальным факторам относятся эндогенные причины. Последние оказывают влияние на объект, вызывая в нем внутренние изменения [233, с. 14]. Подобные причины имеют место в социальной системе. Их следствием является преобразование и само существование государственной власти.

Первой эндогенной причиной является спрос. Философское исследование имеет наиболее высокую обобщающую способность, которая позволяет вывести законы, единые для всей системы, из их частных проявлений, замеченных в каком-либо отдельном сегменте данной системы. К таким законам относится формула «спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос» [130, с. 209], которую Карл Маркс составил по результатам изучения исключительно рыночной сферы общественных отношений. Философский взгляд на данное правило открывает его применимость не только для сферы экономических отношений, но и для системы социальных отношений в целом. Значит, механизм воздействия спроса можно проследить в каждой отдельно взятой отрасли социальных отношений, в частности в области отношений между государственной властью и управляемым ею обществом.

Энциклопедическая литература определяет спрос как фундаментальную категорию рыночной экономики, выражающую потребность в неких благах (товарах и услугах). Согласно теории Маркса, если потребности в благах (спроса) не будет, то не будет и самих благ, поскольку не будет необходимости в их создании. Таким образом, спрос можно считать потенциальной эндогенной причиной предлагаемых благ. В контексте причинности суждение «спрос определяет предложение» более корректно и точно звучит в ином варианте: «спрос рождает предложение». В отношениях между государственной властью и обществом спрос, социальная потребность, становится причиной государственной власти, порождает государственную власть, определяет способ ее существования. Если бы общество не нуждалось в благах (и в материальных, и в духовных), которые оно может получить только посредством такого института, как государственная власть, то и сама эта власть не обрела бы бытия в связи с невостребованностью. Здесь функция государственной власти полностью совпадает с основной функцией любого другого социального института – удовлетворением общественных потребностей [193, с. 91].

В методологическом основании настоящего раздела лежит представление о том, что генезис государственной власти является следствием процесса институционализации. Последняя проявляется в структурировании и легитимации каких-либо подсистем социальной системы (в контексте данного исследования, государственной власти), главная профильная задача каждой из которых состоит в реализации необходимых обществу функций «...удовлетворении конкретных общественных потребностей» [74, с. 9]. Таким образом, потребность общества в том, чтобы кто-нибудь выполнял функции государственной власти, является основной причиной ее существования.

В основе подобного спроса лежат свои причины, следствием коих он и является. Искать эти причины необходимо в сфере индивидуальной и социальной психики. Именно психические факторы являются первичными для зарождения общественных отношений и определяющими качество их протекания. Социальные отношения формируются людьми исходя из собственных мотивов, побуждений, заинтересованностей [71, с. 213]. Перетекая в общественные отношения,

перечисленные психические феномены вступают между собой во взаимодействие. Однонаправленные стимулы резонируют. В результате вступившие в резонанс стимулы человеческих поступков значительно увеличивают силу своего воздействия на социальные отношения, ослабляя при этом влияние не вошедших в резонанс разнонаправленных желаний. Сплотившиеся таким образом стимулы, желания, интересы ложатся в основу представлений об общем благе. В качестве таковых они превращаются в параметры, которые управляют социальной системой, активируют ее элементы, контролируют их «творческие дела» и совместные устремления [159, с. 17]. Последние, в свою очередь, детерминируют общественный спрос.

Однако любое социальное устройство (механизм) имеет в своей каузальной структуре не только психически обусловленные заинтересованности, но и элементы социальной действительности, которая функционирует по независимым от подобных интересов правилам [59, с. 85-87]. Поэтому причины спроса на государственную власть стоит искать как в сферах индивидуальной и социальной психики, так и в объективной организации социальной жизни. Последняя требует определенных условий для своего успешного протекания. И создать эти условия, удовлетворить эти требования может только государственная власть – для этого она и нужна обществу [231, с. 209-210]. Таким образом, одной из причин существования государственной власти становится общественный спрос на нее, а причиной спроса оказываются соответствующие социальные потребности, диктуемые реалиями человеческого бытия и удовлетворяемые исключительно государственной властью.

Столь эксклюзивный статус государственной власти вполне естественен. Он обусловлен тем, что власть в целом как явление имеет чрезвычайное значение для всего социума и составляющих его институтов [162, с. 134-135]. Более того, гармоничные отношения между такими институтами были бы невозможны без упорядочивающего воздействия власти. Применительно к организации общественных отношений власть представляет собой основное и необходимое средство [48, с. 123], источник, причину. Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, социум испытывает потребность в самоурегулировании. Во-вторых,

базовым инструментом подобного регулирования является власть. На практике данную потребность удовлетворяет главный субъект социальной власти – государственная власть. Следовательно, с одной стороны, обществу необходима государственная власть как фундаментальная причина его структуризации. С другой стороны, потребность в структуризации, организованности, порядке порождает необходимость в государственной власти, становится причиной ее существования [232].

Для удовлетворения указанных потребностей общественная система должна быть достаточно устойчивой, то есть прочной, надежной, нерушимой. Данные качества как залог человеческого блага превращаются в объект самостоятельной социальной потребности. Спрос на ее удовлетворение становится причиной институционализации. Во время институционализации вырабатываются материальные и ментальные цивилизационные способы достижения перечисленных свойств социальной системы. Среди них наиболее эффективным механизмом удовлетворения описанной потребности становится институт государственной власти. Таким образом, потребность общества в стабильности влечет за собой спрос на государственную власть, который является причиной для последней.

Для удовлетворения потребности в собственной стабильности социальное устройство вынуждено стремиться к достижению следующих общественно-значимых целей: непрерывных самооберегания и самоулучшения [110, с. 74]. Достижение каждой из данных целей трансформируется в социальную потребность. При этом удовлетворение первой обеспечивает предохранение общественной системы от саморазрушения в настоящем, а удовлетворение второй – в изменившихся условиях будущего. Чтобы достичь отмеченных целей, социальная система создает внутри себя определенный механизм. Последний представляет собой определенную структуру, главной задачей которой является организация совместной деятельности всех элементов социальной системы, осуществляемой с целью удовлетворения ее потребностей [225, с. 57]. Наиболее эффективным вариантом подобного механизма оказывается государственная власть, поскольку только она обладает ресурсами достаточными для максимального «усиления воли

первосубъекта» (то есть породившей ее социальной системы) посредством привлечения всех остальных субъектов к исполнению возложенных на них функций, которые, в свою очередь, необходимы для сохранения и эффективной работы социальной системы в целом.

Таким образом, среди причин спроса на государственную власть, наряду с потребностями в самооберегании и самоулучшении, возникает потребность в организации хорошо отлаженного взаимодействия между различными элементами, из которых складывается общество, управляемое государственной властью. Его неоднородность вынуждает решать задачу регулирования совместного труда, осуществляемого всеми составляющими его субъектами (людьми и их группами). Решается данная задача посредством власти [103, с. 16-18]. А наиболее результативным кратическим регулятором, как уже было отмечено, является средоточие социальной власти – власть государственная. Именно она с генерируемыми ею государственными органами, силовыми структурами, институтами права способна сохранять порядок в общественных отношениях, препятствовать хаотизации в социальном бытии. Последнее испытывает потребность в организации беспроблемных интеракций между членами общества, улаживании возникающих между ними коллизий, столкновений, противоречий. Удовлетворение этой потребности – необходимая обязанность, которую социальная система возлагает на государственную власть [245, р. 124] и, соответственно, причина общественного спроса на нее.

Рассмотренные потребности указывают на то, что обществу необходимы регулирование и охрана отношений между его членами. Точнее, потребность в организованности и стабильности становится источником, рождающим потребности в регулировании и охране. Регулирование подразумевает установление обязательных правил, по которым будут осуществляться социальные отношения. Охрана – это постоянный контроль за исполнением данных правил, включающий в себя возможность применения определенных мер для устранения вредных последствий в случае нарушения установленных правил. Последние возникают и функционируют как элементы социального феномена, называемого правом. Право

же, при всех разногласиях в понимании его сути, существует только в неразрывной связи с государством. Регулирование и охрана общественных отношений являются основными функциями права [4, с. 142], а их исполнение ложится на государственную власть. Во-первых, она руководит государством, а значит только ей под силу реализовать взаимозависимость государства и права в практической социальной жизни. Во-вторых, лишь она обладает достаточными для достижения подобной цели ресурсами (прежде всего, возможностью принуждать). Следовательно, удовлетворить общественные потребности в регулировании и охране социальных отношений способна исключительно государственная власть. Что и обуславливает общественный спрос на нее.

Проведенный анализ причин спроса на государственную власть показывает, что данный спрос формировался под воздействием субъективных и объективных факторов, среди которых выделяются психические феномены, регулируемые при помощи феноменов правовых. Будучи детерминированным такой причинностью, длительный процесс развития привел к тому, что государственная власть приобрела духовные и правовые свойства, обуславливающее ее способность регулировать общественные отношения [73, с. 16].

Сам по себе, общественный спрос на государственную власть не может быть достаточной причиной ее существования. Данная причина органично связана с другой, также потенциальной и эндогенной (на этот раз, рождаемой внутри самой государственной власти). Спрос на государственную власть является следствием социальных потребностей, удовлетворить которые в состоянии только государственная власть. Поэтому, если государственная власть не может удовлетворить указанные потребности, то она не соответствует общественному спросу. Такая государственная власть не пользуется спросом, а значит исчезает и рассмотренная выше основная причина ее появления. Но «причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, вызывает его к жизни, генетически обуславливает его возникновение и существование» [3, с. 484]. То есть без спроса не может быть и самой государственной власти.

Но, когда спрос есть, государственная власть не может ему не соответствовать. Поэтому еще одной потенциальной эндогенной причиной является наличие у государственной власти определенных свойств, которые позволяют ей удовлетворять лежащие в основе спроса социальные потребности (или, следуя формуле К. Маркса – реализовывать предложение). Каждое из этих свойств может быть представлено как отдельная причина, которая, подобно спросу, должна корреспондировать принципу необходимости, то есть должна быть необходимой для возникновения следствия [257, р. 346-348].

Первым таким свойством оказывается определенное состояние государственной власти, при котором она готова осуществлять некий акт, необходимый для удовлетворения соответствующей социальной потребности. По этому поводу достаточно метко выразился американский политик А. Гамильтон: «Что есть власть, как не способность или дар что-либо совершить?» [106, с. 90]. Отсутствие уместных в настоящее время и в настоящем месте поступков равносильно отсутствию причин, без которых не может появиться и следствие. Подобная политическая импотенция не в состоянии удовлетворить социальные потребности. Для их удовлетворения нужна активность. В. Мшвениерадзе идентифицировал рассматриваемое свойство как искусство волеутверждения [42, с. 19].

Данная причина обуславливает бытие любого субъекта власти, однако она приобретает особое значение для власти государственной, поскольку последняя вынуждена утверждать свою волю сразу во всем обществе, какой сложной не была бы его структура. Власть в целом можно охарактеризовать как способность произвольного социального субъекта реализовывать свою волю в отношениях с произвольным социальным объектом вне зависимости от его согласия. Для отношений между державой и обществом наибольший интерес представляет власть политическая – фактическая способность воплощать свою волю в политических актах. Таким образом, способность к волеутверждению отождествляется со способностью к насаждению своей политики. Политика является формой, неотъемлемой от содержания рассматриваемой способности. В этом контексте

представляется уместным следующее ее определение – политика есть волевая и систематическая деятельность, направленная от одного игрока ко всем остальным членам общества [2, с.45]. Государственная власть – наиболее сильный игрок – а умение утверждать свою политическую волю – внутренняя эндогенная причина ее существования.

Государственная власть – социальный феномен, и в качестве такового она состоит из множества людей. Соединяясь вместе, образуя из своей совокупности определенную систему, данные человеческие единицы придают государственной власти соответствующий характер. Этот характер в значительной степени зависит от психических свойств тех элементов (людей), которые вошли в систему государственной власти. Именно личностные качества обуславливают (становятся причиной) способ их взаимодействия друг с другом и не только. Сформированный ими субъект (государственная власть), вступая в отношения с объектом (обществом), действует, исходя из тех же причин – собственного психического состава, привнесенного в державу ее же членами. Качество данного состава является реальным фактом, причиной, по которой государственная власть приобретает тот или иной характер.

Указанное выше свойство – искусство волеутверждения – это выражение или, другими словами, следствие подобного характера, а значит, и породивших последний духовных особенностей людей, которые представляют государственную власть. То есть личностные качества оказываются причиной способности либо неспособности государственной власти к волевым действиям, а в контексте ее устойчивости – к удовлетворению социальных потребностей. «Конечно, власть не может быть объяснена только лишь с помощью психологических категорий. Поэтому нельзя не признавать необходимости ее системных, структурно-функционалистских и реляционистских трактовок. Однако власть, в том числе и политическая, это всегда субъектно-объектные отношения, отношения между людьми, со всеми присущими им психологическими качествами и особенностями. Кроме воли к власти, ее субъект должен обладать и иными психологическими предпосылками для реализации своих властных функций. Отнюдь не каждый

человек по своему характеру способен к руководящей деятельности, принятию решений, выходящих за круг его собственных, повседневных интересов» [162, с. 133].

Разнообразие и целевая дифференциация «психологических предпосылок», свойственных представителям государственной власти, накладывают отпечаток и на их «руководящую деятельность», разделяют ее на соответствующие им специальные виды и формы. Каждый вид управленческой деятельности требует определенного уровня развития соответствующих ему психических качеств. Достижение (либо недостижение) этого уровня прямопропорционально влияет на эффективность того или иного типа деятельности, а значит, и на способность (либо неспособность) удовлетворить какую-то социальную потребность. В распоряжении власти имущих лиц есть, например, такие обусловленные их личностными особенностями «специфические человеческие силы и возможности»: установление коммуникации, воздействие на общественное мнение, самоанализ (работа над ошибками), прогнозирование итогов своей политики, перестройка данной политики, осуществляемая на основе проведенных анализа и прогнозирования [31, с. 31]. Каждый из перечисленных видов деятельности необходим для удовлетворения социальных потребностей, и значит, входит в ряд причин спроса на государственную власть. А способность к его осуществлению является причиной бытия самой государственной власти.

Особое место в этом ряду занимает прогнозирование. Его успех позволяет предугадывать последствия державной активности, а его фиаско делает государственную власть незрячей, обрывает связь между нею и будущей социальной реальностью. Именно прогнозирование предоставляет государственной власти возможность своевременно пересмотреть свои планы и поменять программу «руководящих действий» на более удачную. Предупреждение негативных следствий становится причиной появления позитивных следствий. Для государственной власти – это эффективное удовлетворение общественных потребностей. Как абсолютно справедливо сказал Наполеон Бонапарт: «Руководить (управлять) – это значит предвидеть» [32, с. 102]. Соответственно, не предвидеть, не прогнозировать

означает собственноручно нейтрализовывать причину своего управления, лишая себя бытия в качестве государственной власти.

Рассмотренная выше причина государственной власти, способность к волеутверждению, сама является следствием. В основании данного качества лежит своя причина – сила. Данное свойство необходимо государственной власти для того, чтобы преодолевать сопротивление, которое может оказывать объект его волевых действий. Подобное сопротивление может и непременно будет возникать в обществе из-за неоднородности последнего. Несмотря на то, что главным предназначением государственной власти является удовлетворение социальных потребностей, отдельные группы обязательно останутся недовольными. Общественные потребности далеко не всегда синергичны. Зачастую они не только разнонаправлены, но и взаимоисключающи. Государственная власть вынуждена выбирать наиболее важные с точки зрения гомеостаза социального организма потребности. Остальные потребности, будучи неудовлетворенными, становятся причинами бунта против государственной власти, который поднимают испытывающие их общественные группы. Подавление подобного противодействия необходимо для эффективной работы социального механизма. Поэтому государственная власть должна обладать искусством волеутверждения, основой (причиной) которого является сила. Не зря слова «власть» и «сила» используются как близкие по смыслу [145, с. 492; 191 с. 184] и даже по «сущности» [77, с. 55-56].

То же самое можно сказать и о других тесно связанных с властью и силой социальных феноменах, выражаемых словами: «влияние», «права», «полномочия», «авторитет». Но сила играет особую роль. Государственная власть, а вслед за ней и вся общественная система испытывают экзистенциальную причинную зависимость от силы. Не обладающая силой государственная власть не в состоянии обеспечить исполнение своих функций элементами социальной системы, справиться с их саморазрушительным сопротивлением. А ведь в результате выхода из строя нескольких частей могут оборваться системообразующие связи – нарушится целостность всей системы. Высок риск деструкции общественной системы. Поэтому «сильная, карающая власть – это единое, что обеспечивает нынешнее и будущее

существование» [17, с. 161]. Слабой власти не под силу удовлетворить социальную потребность в хорошо отлаженной синергичной работе общественной системы. Такая власть не пользуется спросом. Следовательно, сила как свойство государственной власти является причиной существования последней. «Любое причинное отношение при внимательном его рассмотрении фактически выступает как определенная цепь причинно связанных событий» [3, с. 486]. Причиной искусства волеутверждения является сила, которой обладает государственная власть. Следствием же данного искусства является ее способность изменять социальную реальность.

Как было отмечено выше, государственная власть вынуждена насаждать свою волю для того, чтобы успешно удовлетворять наиболее важные общественные потребности и поддерживать таким образом социальный спрос на саму себя. Удовлетворение потребностей, которые необходимы для функционирования всего общества, может противоречить интересам отдельных его членов и их групп. Последние непременно захотят выразить свое несогласие с государственной политикой, расшатывая тем самым стабильность социальной системы. Поэтому государственной власти должно быть присуще свойство, которым обладает любая власть – умение принуждать объект к поведению для него нежелательному, нехарактерному и на добровольных началах невозможному, другими словами, умение запускать и трансформировать социальные процессы, побуждать их участников к определенным действиям и получать необходимые результаты.

Возмущения некоторых элементов социальной системы представляют собой опасность для ее устойчивости, нерушимости. Следовательно, государственная власть обязана их подавлять для того, чтобы удовлетворить общественную потребность в стабильности: охрана социальной системы от подобного рода посягательств является приоритетной функцией государственной власти, если, конечно, она стремится поддерживать спрос на саму себя. Рассматриваемые риски весьма многочисленны и не похожи друг на друга. При этом социальная система подчиняется законам, общим для всех сложных систем. Если регулятор усилен достаточно, чтобы предохранять систему от рисков столь же вариативно, сколь

вариативны сами риски, то система сохранна и стабильна [230, 376-380]. В социальной системе данным регулятором является государственная власть. Соответственно, для того чтобы удовлетворить общественную потребность в стабильности, она должна не просто принуждать, а принуждать адекватно поступающим вызовам, их множественности, изменчивости. Способность к такому оптимально разнообразному принуждению представляет собой следующую потенциальную причину существования государственной власти.

Рассмотренные выше причинные свойства государственной власти: психические качества ее представителей, искусство волеутверждения, сила, умение принуждать, вносить изменения и делать это с необходимым разнообразием, – становятся причинами для формирования у нее еще одного свойства, обязательного для удовлетворения социальных потребностей. Данным свойством обладают все субъекты социальной власти, и определяется оно как способность управлять человеческими массами [69, с. 26]. Соединяя в себе перечисленные свойства, способность к управлению раскрывается в иных предикатах, которые позволяют государственной власти применить ее в условиях социальной действительности.

Среди таких предикатов, то есть качеств, которые присущи государственной власти, особое значение принадлежит способности нормировать социальную жизнь, устанавливать правила, законы, представляющие собой норму – нормальный режим протекания общественных отношений. Государственная власть обязана иметь «...право указывать как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов» [128, с. 346]. Преступление законов сигнализирует о таком отклонении социальных отношений от нормы, которое угрожает нарушением устойчивости социальной конструкции. Наличие неукоснительных для всех правил позволяет выявлять подобные деформации общественных отношений, своевременно их пресекать и в дальнейшем предупреждать. Таким образом, насаждая в социуме свои законы, государственная власть удовлетворяет общественную потребность в урегулировании человеческой жизни, ее надежности и стабильности.

В условиях, когда повсеместно действуют обязательные для всех законы, девиантное поведение отдельных членов общества и их групп становится

очевидным. А значит, открывается возможность для применения «силы государства» к подобному роду нарушителям и восстановления поврежденных ими сегментов социальной системы. Отсюда следует, что в качестве своего очередного свойства государственная власть «...включает в себя исполнение муниципальных законов общества внутри его самого по отношению ко всему, что является его частями...» [там же, с. 348]. Способность устанавливать законы и способность их исполнять органично связаны между собой и не имеют смысла друг без друга. Только синергично функционируя, они могут удовлетворять указанные социальные потребности, то есть быть причинами государственной власти. Причем данные свойства должны быть единственными в своем роде. Это значит, что по сравнению с другими субъектами власти носитель наивысшей социальной власти, как полагал Н. Луман, обязан обладать исключительным правом на нормирование общественных отношений и на обеспечение исполнения созданных им норм. В случае необходимости, меры такого обеспечения могут быть силовыми, носить принудительный характер [42, с. 82-83].

Государственная власть является именно таким субъектом. Однако здесь возникает определенная проблема. При чем, ее изучение, проводимое с точки зрения причинности, значительно повышает объективность проделанного анализа и достоверность полученных знаний. Применение принудительных мер представляет собой следствие, порожденное общественными потребностями. Последние для своего удовлетворения вызывают к жизни государственную власть. И ее способность принуждать обусловлена необходимостью удовлетворить социальные потребности. Удовлетворение общественных потребностей – это причина для практической реализации данной способности. Соответственно, если государственная власть принуждает, не удовлетворяя тем самым потребности народа в порядке и стабильности, то данное ее деяние становится беспричинным по отношению к обществу. Потеряв свою социальную причину, оно лишается и своего социального основания. Подобное деяние превращается в антисоциальное (приобретают характер социального антивещества). Не имея социального основания, деяние не порождает своего социального следствия – не удовлетворяет

общественную потребность, не поддерживает спрос на государственную власть. Таким образом, исчезает причина существования самой государственной власти. Отсюда можно сделать вывод, что государственная власть идентифицируется исключительно как «...право создавать законы, предусматривающие... строгие меры... для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага» [128, с. 263]. Другими словами, ради удовлетворения потребностей социума, которые являются причинами и самих законов, и их исполнения.

Важность «регулирования и сохранения собственности» можно подчеркнуть, используя методологию формационного подхода. «Регулирование и сохранение собственности» представляет собой существенный аспект отношений в сфере производства и распределения благ. Данная сфера, в свою очередь, рассматривается как суть экономического базиса. Без обеспечения последнего создание и поддержка идеологической надстройки оказываются недостижимыми. Не удовлетворив общественные потребности в «урегулировании и охране собственности» (порядке и стабильности), государственная власть подрывает собственные основы. Когда краеугольная область социальных отношений – экономический базис – не организована, расстраивается и все, что над ним надстроено, в том числе и отношения, обуславливающие государственную власть. В таком случае она не имеет экономического фундамента, а значит, теряет и идеологическое обоснование. Сохранение же экономического базиса, «урегулирование и сохранение» собственности, поддерживает структуру общественных отношений. А некоторым из них придает определенную идеологическую окраску. Прежде всего, это касается взаимоотношений между государственной властью и управляемым ею обществом, где идеологическая окраска приобретает характер повышенного спроса. Таким образом, потребность общества в порядке и стабильности может быть конкретизирована до потребности в экономическом базисе и далее – до потребности в «регулировании и сохранении собственности». И от ее удовлетворения зависит причина, порождающая государственную власть –

общественный спрос. Следовательно, способность («право») государственной власти организовывать и поддерживать экономический базис (удовлетворять обсуждаемую потребность) также является потенциальной эндогенной причиной государственной власти.

Значительной частью экономических отношений является взимание государственной властью необходимых платежей (налогов, сборов, пошлин и т.д.). Эффективное распределение полученных таким образом средств, представляет собой одну из сторон регулирования общественной жизни, сохранения ее стабильности. Поэтому способность к такого рода деятельности должна быть одним из главных свойств государственной власти. А сама эта деятельность должна признаваться исключительным правом государственной власти наравне с правом на общественно необходимое принуждение [106, с. 58]. Тем более, что две эти функции (налогообложение и принуждение) на практике оказываются причинно-связанными – взимание платежей имеет принудительный характер. Принуждение раскрывается как потенциальная причина налогообложения, что еще раз подчеркивает его каузальное значение для государственной власти.

Резюмируя анализ свойств государственной власти, проводимый через призму причинности, можно сделать вывод о том, что главным ее свойством, объединяющим в себе все рассмотренные, является способность властвовать. Последнюю можно представить как консолидированное умение, мастерство устраивать социальные процессы таким образом, чтобы все детали социального механизма достаточно качественно осуществляли свои функции. Обязательной составляющей такой способности оказывается умение принуждать, а целевым предназначением – удовлетворение потребностей, необходимых для социальной системы в целом. Именно эта цель оправдывает избираемые для ее достижения средства, вызывает у населения поддержку и признание проводимой политики [256, р. 103]. Подобные поддержка и признание есть, по сути, причины, по которым государственная власть пользуется спросом в управляемом ею обществе. Правда, эти причины относятся скорее не к потенциальным, а к актуальным, поскольку отвечают не только принципу необходимости, но и принципу достаточности –

следствие возникает практически тогда же, когда возникает причина [257, р. 346-34]. Практически, но не тогда же. Несмотря на то, что признание государственной власти и спрос на нее кажутся феноменами идентичными и появляющимися одновременно, это не так. Признание означает одобрительное отношение. А спрос трактуется, как желание обладать, приобретать. Очевидно, что эти по-разному определяемые типы отношения субъекта к объекту состоят в причинной связи. Стремление завладеть невозможно без одобрения. Но не наоборот. Позитивная оценка, напротив, не нуждается в предшествующем желании приобрести. Такое волеенье было бы направлено на «вещь-в-себе», другими словами, в абсолютную неизвестность, когда качества, от которых зависит решение о желании либо нежелании, не познаны. Не могут быть рассматриваемые феномены и рождающимися одновременно. Несмотря на кажущуюся идентичность и единовременность, один из них (признание) является причиной, а второй (спрос) – следствием, а «...причина предшествует следствию; временной интервал между причиной и следствием может быть очень малым, но он всегда имеется» [132, с. 211-212].

Таким образом, народная поддержка является, во-первых, следствием удовлетворяемых государственной властью социальных потребностей, а, во-вторых, причиной общественного спроса на государственную власть, которая в свою очередь представляет собой причину существования самой государственной власти. Такова причинность последней и ее взаимоотношений с управляемым ею обществом.

Следующим аспектом причинности во взаимоотношениях между государственной властью и обществом являются следствия, порождаемые государственной властью в процессе реализации данных отношений. Таким образом, дальнейшим этапом исследования становится изучение причинной роли, которую играет государственная власть в социуме. Власть в целом, как социальный феномен, имеет огромное причинное значение для человека. «Насмотря на сопутствующий самому понятию власти дурной запах, возникающий из-за злоупотреблений ею, власть сама по себе ни плоха, ни хороша. Это неизбежный

аспект любых человеческих взаимоотношений, и он влияет на все – от секса и работы до машины, которую мы водим, телевидения, которое мы смотрим, надежд, за которыми мы гонимся. И мы – продукты власти в значительно большей степени, чем многие из нас представляют» [209, с.22]. Государственная власть как квинтэссенция социального феномена власти наиболее полно обладает таким, продуцирующим общество, свойством.

С этой точки зрения каждое явление, каждый процесс, каждый объект, имеющий место внутри социальной системы, можно причислить с следствиям, эмиссированным государственной властью. Конечно же, все эти следствия бесконечно многочисленны и разнообразны. Для облегчения исследовательской задачи их необходимо упорядочить. Добиться этого можно при помощи их дифференциации. Благодаря последней выделяются две большие группы следствий: непосредственные и опосредованные. В контексте причинности данные разновидности следствий существенно отличаются друг от друга. Несмотря на вездесущую причинную роль, которую играет государственная власть в общественной жизни, не все социальные явления относятся к результатам ее прямого воздействия. К такого рода следствиям принадлежат те, возникновение которых обусловлено событиями общекультурного характера, а не целенаправленным вмешательством носителя власти [255, р. 305], даже, если главным носителем является обладатель наивысшей общественной власти – государственная власть. В круг непосредственных следствий власти, напротив, входят лишь рождаемые ее таргетинговыми действиями. Поэтому деятели искусства и науки не могут восприниматься в качестве генераторов властных отношений в тех случаях, когда их профессиональные достижения становятся факторами, которые определяют законы, действующие внутри данных культурных сфер [241, р. 194-195]. Для того, чтобы подобные лица считались родоначальниками именно властных отношений, их деятельность должна быть направлена на реализацию сосредоточенной в их руках власти. Если же применение власти не является целью их деятельности, то устанавливаемые ею отношения являются какими угодно, но не властными. Отсюда видно, что властные отношения, так же, как и

непосредственные следствия власти идентифицируются по одному и тому же сущностному признаку – целенаправленности властного действия. Если действие субъекта власти устремлено прямо на объект власти, то возникающее при этом отношение является властным, а следствие – непосредственным. Можно сделать вывод, что властное отношение – это непосредственное следствие, причиной которого оказывается власть. Культурные же феномены (в частности, достижения деятелей науки и искусства) представляют собой промежуточные звенья в причинной цепи, создаваемой государственной властью. Подобная сложность вполне естественна для общественной системы. Внутри последней следствие, как правило, происходит сразу от нескольких причин, а их множественность значительно затрудняет их определение [249, р. 227]. Например, культурные феномены, будучи причинами некоторых следствий, сами являются следствиями, вызванными причинами, в основе которых лежит государственная власть. Таким образом, причинный ряд некоторых следствий включает в себя и культурные феномены, и государственную власть. Последнюю, при этом, можно называть первопричиной, а ее конечное следствие – опосредованным промежуточными причинами.

Общественные отношения обусловлены материальной и духовной достопримечательностью их участников [55, с. 111-112]. Данное качество социальных связей является одной из промежуточных причин, посредством которых государственная власть продуцирует определенные следствия. Таким следствием оказывается управление обществом. Тот факт, что государственная власть добивается управления, указывает на то, что это следствие является в большей степени непосредственным, чем опосредованным. Однако полнота анализа требует выделить в причинности управления как непосредственные причины, так и промежуточные. Стремясь к управлению социумом, государственная власть становится непосредственной причиной подобного управления. Различные действия государственной власти создают ткань общественных отношений, которые получаются диспаритетными. Фактически она управляет обществом через посредство генерируемой ею управленческой асимметрии. Таким образом,

управление народом представляет собой одновременно непосредственное следствие, рождаемое государственной властью целенаправленно, и опосредованное следствие, в промежутке между которым и государственной властью находятся другие, формируемые последней причины, например, диспаритетность общественных отношений.

Подобная причинно-следственная зависимость, имеющая место между государственной властью и управлением обществом детерминирована социальной природой феномена власти, проявлением которого оказывается власть государственная. «Власть в человеческом обществе носит целостный интегрированный характер, внутренне обусловленный действием генетических, биологических, социальных и культурологических факторов как индивидуального, так и группового кратического поведения, подчиненного целостно-мотивационным, нормативно-регулятивным и информационно-коммуникативным механизмам формирования отношений господства и подчинения» [107, с. 267]. Стремление к порождению такого следствия, как управление, имманентно государственной власти. Его причинение представляет собой сущностное свойство государственной власти. Если государственная власть не влечет за собой управление обществом, то она не является таковой. Ее даже можно определить как систему управления, структуру которой составляет державный аппарат [194, с. 37]. Подобная экзистенциальная зависимость от умения управлять делает эту способность необходимым свойством государственной власти, одной из потенциальных, эндогенных причин ее бытия. Не зря более объемное социальное явление – власть в целом, – включающее в себя государственную власть в качестве своей разновидности, отождествляется с искусством управлять [145, с. 492; 192, с. 701; 218, с. 70-71]. Естественно, часть наделена теми же особенностями, что и целое. «Особенное – то, что является общим относительно единичного» [45, с. 72]. Поэтому наиболее важная для социальной системы структура власти – власть государственная – так же определяется через способность управлять.

Управление обществом в качестве следствия государственной власти становится возможным благодаря каузальному соотношению ее собственных

причин. В частности, способность управлять органично связана с рассмотренными выше искусством волеутверждения и умением преодолевать противодействие. Последние два свойства представляют собой сущность социального феномена власти [238, р. 117] и, соответственно, ее самого значительного проявления – власти государственной. Подобная связь потенциальных причин государственной власти (способности управлять, искусства волеутверждения и умения подавлять сопротивление) спровоцирована тем, что в объективной социальной жизни управление требует предварительного устранения общественного сопротивления. Значит, будучи причиной, государственная власть вынуждена породить сначала промежуточное следствие – обезвредить бунтующих – и лишь затем свое основное следствие – управление обществом. Однако управление социумом нельзя считать опосредованным следствием. Несмотря на то, что между причиной (государственной властью) и следствием (управлением обществом) имеется промежуточная стадия (подавление сопротивления), целью государственной власти является именно управление, а не преодоление социального противодействия. А, как было выведено ранее, целенаправленность – это признак непосредственности во властно-причинных связях. Раз воля государственной власти направлена непосредственно на управление социумом, значит последнее представляет собой непосредственное следствие первой. Статус промежуточного следствия – устранения противодействия требует дополнительной классификации для своего определения. Если управление – это цель государственной власти, то преодоление сопротивления – лишь средство для достижения цели. Таким образом, субъективное отношение государственной власти к управлению обществом характеризуется прямым умыслом. Преодоление же социального противодействия рассматривается ею в качестве дополнительной, не обязательной (зависящей от обстоятельств), цели, необходимой только для осуществления цели основной. Подобное отношение можно истолковать как умысел косвенный. А значит, роль, которую играет победа над противоборствующими для причинности управления, является не опосредующей, а косвенной и само это следствие идентифицируется в качестве косвенного.

Выделение категории косвенного следствия в причинности отношений между государственной властью и обществом значительно облегчает дальнейший анализ данной причинности. Дело в том, что управлению обществом предшествует не только подавление сопротивления, но и другие промежуточные следствия, которые государственная власть порождает лишь в качестве средств, необходимых для достижения ее основной цели, – косвенные следствия. В частности, необходимо указать на устанавливаемый государственной властью режим повелевания. Повелевание как режим функционирования любой власти, изначально ею установленный, является необходимым подспорьем для управления, которое она осуществляет в ходе самореализации [181, с. 17]. Будучи причиной, государственная власть так же, как и любая другая власть, продуцирует повелевание в качестве своего следствия. Причем, следствиями государственной власти оказываются как перманентно действующий режим повелевания (то есть такой порядок протекания отношений между государственной властью и обществом, когда первая обладает исключительным и беспелляционным правом предписывать поведение последнего), так и каждый отдельный акт подобного повелевания. Разница между повелеванием и управлением заключается в том, что объект повелевания может сопротивляться его субъекту. Несмотря на то, что право предписывать, указывать, регламентировать закреплено за государственной властью, общество вполне может его нарушить. Управление же (в качестве причиненного, реализованного следствия) *arguōi* предполагает отсутствие таких нарушений. Избавлению от нарушений способствует нейтрализация правонарушителей, то есть усмирение сопротивляющихся. Значит, породив такое следствие, как повелевание, государственная власть еще не достигает главной цели – не управляет обществом. Между следствием-повелеванием и следствием-управлением остается пробел, заполнить который надлежит следствием-подавлением социального противодействия.

Повелевание и подавление сопротивления с необходимостью вызывают к социальной жизни еще одно косвенное следствие государственной власти. Это нивелирование общественных стремлений, осуществляемое государственной

властью в той их части, которая противоречит воле самой государственной власти. По сути, власть можно дефинировать как систему центральных административных повелений, внедряемых в общество, несмотря на то, что они могут противоречить интересам его членов [106, с. 440]. Игнорирование социальных интересов не является основной целью общества. Однако между государственной властью как причиной и управлением обществом как следствием может произойти обрыв причинно-следственной цепи, воплощенный в противоречии между интересами государственной власти и интересами народа. В тех случаях, когда коллизия интересов не может быть ликвидирована, она должна быть проигнорирована. Государственная власть должна повелевать, не обращая внимания на то, что это не устраивает объектов ее повеления. Если же конфликт интересов вызывает общественное сопротивление, то государственная власть должна его подавлять. Иначе она не породит такого следствия, как управление. Таким образом, для того чтобы логика причинно-следственного развития державно-социальных отношений привела государственную власть к управлению обществом, первая обязана генерировать каузально связанные между собой косвенные следствия: повеление, подавление сопротивления и нивелирование противоречащих интересов.

Продуцирование перечисленных косвенных следствий необходимо государственной власти для достижения главного следствия – управления обществом. Последнее играет экзистенциальную роль и для самой породившей его причины – для государственной власти. Общий закон властных отношений таков: один властвует над другим настолько, насколько способен принудить этого другого поступать так, как без подобного принуждения он не поступал бы [243, р. 80]. Другими словами, нет управления объектом – нет власти у субъекта. Данный закон в полной мере касается такой разновидности властных отношений, как отношения между государственной властью и социумом. Значит, для того, чтобы быть, государственная власть обязана управлять обществом. Государственная власть, не управляющая обществом, теряет свою властную сущность. Таким образом, управление в качестве воплощенного в социальную жизнь следствия само становится причиной для государственной власти.

На первый взгляд, подобная ситуация имеет все признаки причинного парадокса ведь «причинная связь или причинное отношение есть отношением между двумя явлениями, событиями, одно из которых выступает в качестве причины, а другое в качестве следствия» [3, с. 483]. В данном же случае следствие становится причиной для породившей его причины. Для разрешения данного парадокса необходимо прибегнуть к помощи историко-логического метода. В целом, существует два способа, посредством которых определенный субъект когда-либо приобретал статус государственной власти.

Первый способ – правопреемственность. В данном случае социальная система уже функционирует в режиме, когда общество управляется государственной властью. Некий субъект лишь замещает собою предыдущих представителей государственной власти. Управление, при этом, остается нетронутым, продолжает реализовываться в прежнем порядке. Сюда можно отнести как легальный переход государственно-властных полномочий, так и разного рода государственные перевороты. Государственная власть в подобных ситуациях не перестает порождать управление общества в качестве своего следствия, а осуществленное управление поддерживает государственную власть, то есть реализовывается в виде ее причины. Здесь причинно-следственные связи работают по принципу замкнутого цикла, имеющего следующие стадии: 1) государственная власть постоянно дает обществу импульсы, содержанием которых является управление; 2) достигая своей цели, импульсы автоматически трансформируются, приобретают качество энергии и перенаправляются обратно государственной власти; 3) последняя использует полученную энергию для продолжения работы. Остановка рабочего цикла разрушает связи между элементами механизма, а значит, и весь механизм со всеми его элементами (государственной властью и обществом).

Между импульсом, посылаемым государственной властью в адрес общества и импульсом, возвращаемым ей в качестве энергии имеется временной промежуток. А значит, соблюдается изложенное выше правило установления причинных связей, согласно которому причина обязательно должна предшествовать следствию. Другими словами, управление-следствие и управление-причина делятся на энное

количество постоянно повторяющихся импульсов, между которыми существуют определенные хронологические отрезки. Абстрактное понятие «импульс» в данных обстоятельствах конкретизируется, во-первых, в виде многочисленных актов, которые производит государственная власть для того, чтобы сохранить управление обществом, во-вторых, в виде реакции – управляемости, которой социум отвечает на каждый из таких актов и на всю их пространственно-временную совокупность. Значит, причина и следствие не совпадают друг с другом. Логический метод показывает, что разные акты государственной власти вызывают разные (по времени, но не по содержанию) реактивные импульсы у населения. Соответственно, для случаев государственно-властной преемственности выявленный выше причинный парадокс можно считать разрешенным.

Существует второй исторически сложившийся способ, при помощи которого некий субъект приобретает статус государственной власти. Это смена не только государственной власти, но и характера ее отношений с обществом. Данный способ может быть реализован как в форме внешней интервенции, так и в форме масштабной социально-политической революции. Оба случая идентичны в том, что какой-то субъект, который ранее не обладал властью над определенным обществом, сначала устраняет предыдущую государственную власть и тут же замещает ее собою, устанавливает свойственный именно ему, новый для данного общества режим повелевания и приступает к управлению только что возглавленным обществом. Здесь причиной становления субъекта в статусе государственной власти является уже сам факт возглавления. Однако факт замещения не влечет за собой автоматического управления. Вновь установившаяся государственная власть может быть сброшена народным сопротивлением. Поэтому до подавления противоборства, молодая государственная власть не имеет причин для своего существования в дальнейшем. Для того чтобы обеспечить собственное будущее, подобная государственная власть должна породить такое непосредственное следствие, как управление, и сопутствующие ему косвенные следствия. После того, как управление становится совершенным фактом, достигнутым следствием, оно ложится в основу государственной власти в качестве причины ее пролонгации. Теперь между

государственной властью и управлением устанавливается причинно-следственная зависимость, функционирующая по описанному выше принципу замкнутого цикла.

Логический метод показал причинную хронологию, имеющую место между государственной властью и управлением обществом, выявил временные промежутки, отделяющие управление-следствие от управления-причины. А значит, помог разрешить сложившийся вокруг управления причинный парадокс: если управление-следствие государственной власти попросту определено времени порождает управление-причину государственной власти, то необходимые требования к каузальности (требование порождения и требование временной разницы) соблюдаются.

До этого момента настоящее исследование было сосредоточено на анализе содержательной стороны причинности, которая обуславливает отношение управления, устанавливаемое между государственной властью и обществом. Теперь же пришло время рассмотреть формальные признаки данного отношения. Изучение указанных признаков также будет ограничено контекстом причинности. С точки зрения последней «...основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения) действий другого агента (объекта) – и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого является следствием каузального отношения» [124, с. 120-121]. Данная форма свойственна всем разновидностям властных отношений. А значит, характеризует и описывает отношения управления. Его первым агентом (субъектом) оказывается государственная власть, а вторым агентом (объектом) – общество. Само по себе отношение состоит в следствии – изменении поведения общества, которое выражается в его управляемости – порождаемой причиной – государственной властью. Подобная интерпретация властного отношения «...обязательно указывает на Б-актора (акторов), над которым (и) власть осуществляется (или может осуществляться)...» [там же, с. 164]. Данная трактовка объективна, поскольку отражает естественное свойство властного отношения.

Для рассматриваемого случая властных отношений «Б-актором» является общество, управляемое государственной властью. И этот «Б-актор» выступает в

качестве необходимого признака отношения управления. Выше было указано, что формальными признаками каузальности в разрабатываемом отношении есть государственная власть как причина и управление обществом как следствие. Однако данная схема не включает в себя неперемнную составляющую – общество, управление которым определяется в качестве следствия и без которого, соответственно, это следствие невозможно. Поскольку ни одно качество не существует без своего носителя. Изменения, происходящие в обществе в ответ на управление невероятно важны с точки зрения каузальной цепи, поскольку в них реализуется ее бесконечное продолжение. Трансформировав внутреннее состояние объекта (общества), следствие (осуществленное управление) само становится причиной дальнейших следствий (метаморфоз, происходящих в социуме). Таким образом, реализуется не имеющая конца очередность каузальных преобразований, происходящих внутри человеческих масс (Б-актора), конечным следствием которых оказывается то или иное воздействие на государственную власть (реформативное либо революционное).

Итак, обозначены следующие формальные признаки каузальности во властном отношении управления: наличие причины (А-актора, субъекта), то есть государственной власти; наличие носителя следствия (Б-актора, объекта), то есть общества; наличие самого следствия, то есть управления обществом. Будучи отношением, последнее предполагает взаимный вклад, который должна внести каждая из его сторон. Вклад общества (как объекта Б-актора) в отношение управления был дефинирован – это изменение, которое происходит внутри него, и которым оно отвечает на воздействие государственной власти (и которое в итоге приводит к трансформациям внутри самой государственной власти). Теперь необходимо формализовать слагаемое, прибавляемое к отношению управления А-актором – государственной властью. В любом властном отношении Б-актор испытывает воздействие А-актора [251, р. 26]. То же самое происходит и во время управления. Такое воздействие (в данном случае управляющее) и есть тем вкладом, который вносится в отношение со стороны государственной власти.

С точки зрения каузальности управление социумом в качестве следствия, причиненного государственной властью, выглядит как состоящее из двух полуследствий: 1) государственновластное воздействие; 2) встречная реакция общества в виде соответствующих внутренних изменений. Среди формальных признаков управления, которое осуществляет государственная власть применительно к обществу, остались не определены значения соотношений между членами формулы, выражающей данное управление. Последнее «...всегда предполагает отношение, стороны которого неравноправны, ассиметричны, где одна из сторон доминирует над другой» [20, с. 95]. Если же одна из сторон доминирует, то вторая автоматически оказывается в подневольном положении [125, с. 7-8], которое является таковым именно по причине воздействия первой стороны. В формализуемом отношении управления первой стороной является государственная власть, а второй – общество. Государственная власть как доминирующая сторона имеет большее значение в соотношении с обществом как подневольной стороной. То же самое касается и соотношения полуследствий, вкладываемых в следствие-управление каждой из сторон: государственновластное воздействие имеет большее значение, чем реактивные изменения внутри социума.

Рассмотренная выше ситуация, когда управление обществом само становится причиной, а государственная власть – ее следствием, – не единственный пример порождения следствий управлением. Другие примеры следствий, которые причиняет управление обществом, становятся очевидными, если абстрагироваться от управления социумом государственной властью и перенести внимание на более общий уровень социальных отношений – на управление любым объектом, осуществляемое любым субъектом. Здесь управление объектом является следствием воздействия, которое оказывает на него субъект. Но следствия управления «...могут относиться не только к объекту, но и к другим людям; они влияют и на людей, и на животных, и на предметы неживой природы. Объектами влияния выступают и социальные отношения. Моральные и политические нормы, традиции и т.д.» [124, с. 149]. Таким образом, следствия, которые влечет за собой акт управления, весьма многочисленны и разнообразны. Это каузальное условие справедливо и для того

частного вида управления, когда субъектом является государственная власть, а объектом – общество.

Объемы понятий «причина» и «власть» в значительной степени пересекаются. При этом определение власти непременно подразумевает достигнутую цель. Власть существует только в отношении между субъектом и объектом. Подобное отношение – властное отношение – не может быть бесцельным. Субъект проявляет власть, то есть воздействует на объект, не просто так, не ради искусства, но для реализации некой, имеющейся у субъекта цели. Вместе с тем, управление «...обычно не является конечной целью власти; скорее оно выступает как метод (инструмент, средство) реализации целей субъекта» [124, с. 176]. То есть несмотря на то что управление представляет собой цель субъекта, эта цель не единственная и не главная. Его можно определить как краеугольную причину, которая влечет за собой наступление основной преследуемой субъектом цели. Таким образом, цель субъекта власти можно дефинировать, как наиболее важное (для субъекта) следствие, причиной которого выступает управление объектом объекта. Именно на данном следствии будет сосредоточено исследование на дальнейшем этапе. Цель вообще – это мысленный образ, модель на воплощение которой рассчитывает субъект [139, с. 263; 214, с. 512]. Цель носителей власти это «...то, к чему стремятся власти, чего они добиваются» [218, с. 391]. Управление является непосредственным следствием государственной власти в силу того, что вся властная деятельность последней направлена непосредственно на его причинение. После порождения управления конечные цели власти достигаются как бы сами собой, беспрепятственно. Данные цели, уже исходя из самой сути того следствия, которое они собой представляют, также как и управление, относятся к категории непосредственных следствий. В эту категорию их определяет присущий им обоим один и тот же признак – сосредоточенная на них целенаправленность причинных деяний государственной власти.

Итак, существует два непосредственных следствия государственной власти: управление обществом и достижение конечной цели. Первое из этих следствий одновременно является причиной для второго. Подобная, бинарная причинность

досталась государственной власти в наследство от власти в целом, как социального феномена. Наличие у власти двух непосредственных следствий: управления и достижения цели, – породило два взаимоисключающих подхода к определению власти. Например, Б. Рассел указывал на возможность идентификации власти через такой признак, как воплощение в жизнь ее намерений [42, с. 136]. М. Фуко считал, что власть – это тот образ, по которому устроена общественная система и сутью данного устройства является волевая реализация каких-то целей [247, р. 227]. Второй подход, напротив, сосредотачивает толкование власти на таком его свойстве, как способность управлять [257, р. 344]. Некоторые исследователи настаивают на согласовании данных подходов в рамках анализа властной причинности [253, р. 18].

Ключ к преодолению подобной двойственности в определении власти содержится в самой структуре причинно-следственной цепи, которая обуславливает властные отношения. Достижение цели в качестве следствия власти абсолютно невозможно без управления объектом, к которому эта власть применяется. Значит, субъект власти не имеет никакого другого выхода, кроме как управлять объектом, для того чтобы добиться от него неких желаемых последствий. С другой стороны, управление ради управления представляло бы собой лишенный какого бы то ни было смысла акт субъектного поведения. Управление как самоцель противоречит природе социальных отношений вообще и властных отношений в частности. Категория последних включает в себя ненамеренное (не обусловленное какими-то целями) воздействие [235, р. 426; 260, р. 817; 263, р. 643]. Это становится очевидным благодаря использованию логического метода. Анализ любого, имевшего место в истории человечества примера, когда субъект управлял объектом, показывает, что управление осуществлялось с какими-то дальнейшими целями. Носило характер тактики, обязательной для реализации стратегии. В контексте настоящего исследования место субъекта занимает государственная власть, а место объекта – управляемое общество.

Итак, властное отношение органично и логично соединяет в себе управление объектом и воплощаемую таким образом цель субъекта [239, р. 57-59]. Каждое из

разбираемых следствий раскрывается полностью только в случае их комплексного изучения (изучения следствий в комплексе друг с другом). Следствие власти – управление – полномерно и всесторонне познается через следствие власти – достижение цели [236, р. 297]. Сущность властного отношения неразрывно связывает между собой управление и достижение цели и связь эта носит каузальный характер. Появляясь, управление-причина уже несет в себе зародыш цели, как своего следствия. А власть-причина изначально продуцирует управление-следствие, определяя для него некую конечную и трансцендентную по отношению к нему цель. Вернее, в момент, когда осуществляется управление-следствие, ген достигнутой цели, ее проект имманентен управлению как своей причине. Но сразу после своего рождения, когда достигнутая цель становится свершившимся фактом, частью объективного мира, она отделяется от своей причины, становится трансцендентной по отношению к ней.

Насколько полно и всесторонне управление-следствие может быть познано через достижение цели-следствия, настолько же достижение цели-следствия становится изучаемым при помощи управления-следствия. С одной стороны, властное отношение требует, чтобы управление влекло за собой достижение некой цели, было средством для воплощения последней. Иначе, в случае несоблюдения этого требования, властное отношение перестает быть таковым [252, р. 30]. Но, с другой стороны, «...осуществление целей субъекта во властном отношении сначала ассоциируется с какими-то изменениями в деятельности объекта, поэтому достижение целей субъекта вне связи с деятельностью объекта не является властным отношением» [124, с. 150-151]. Другими словами, власть имеет место только там, где ее субъект реализует свою цель не иначе, как посредством управления объектом. Тот же самый причинно-следственный порядок детерминирует и взаимоотношения между государственной властью и обществом, как разновидность властных отношений.

Выше было доказано, что управление обществом является не только следствием, но и причиной существования государственной власти. Данный каузальный закон регламентирует любые властные отношения, то есть оказывается

общим для каждой из их отраслей. Однако выведенный алгоритм свидетельствует о том, что причиной власти, в том числе государственной, становится и такое ее следствие, как достигнутая цель. Реализация целей – основное проявление власти, первоочередный признак, по которому можно сделать вывод о том, что она имеет место быть. Таким образом, если цели власти не осуществлены, то нет и самой власти. Субъект, который не смог добиться желаемого от объекта, не обладает властью над последним. Значит, бытие власти напрямую зависит от того, достигает она своей цели или нет. Налицо причинный характер, который приобретает воплощение цели для стремящейся к этой цели власти. Некоторые исследователи считают, что зависимость власти от ее результативности – не подлежащая обсуждению аксиома [261, р. 6].

Но определенное обсуждение все-таки необходимо, поскольку данная зависимость создает видимость каузального парадокса, подобного тому, который усматривался в причинно-следственной роли, играемой для государственной власти управлением. И, хотя этот парадокс можно обнаружить в любых властных отношениях, наиболее наглядно его можно разрешить именно в контексте настоящего исследования: на примере взаимоотношений между государственной властью и обществом. С некоторыми оговорками результаты такого разрешения могут быть использованы в качестве подхода к рассматриваемому парадоксу и в других сферах властных отношений. Разбору каузального парадокса, сложившегося вокруг достигнутой цели поможет тот же метод, который использовался в работе с аналогичным парадоксом управления, – логический метод. Он показывает, что каждый субъект, когда-либо приобретавший статус государственной власти, делал это для реализации определенной цели. Эти цели можно обобщить и классифицировать следующим образом: обогащение, повышение собственной значимости (социального статуса), воплощение неких общественно необходимых (по мнению самого субъекта) благих намерений.

Дальнейшее применение логического метода приводит к следующим каузальным рассуждениям. Определенный субъект стремится к одной или нескольким из перечисленных целей. Для того чтобы породить данное следствие,

ему необходимо быть государственной властью. Субъект начинает добиваться поставленных целей доступными ему средствами. Если его средства оказываются достаточными для порождения в обществе необходимых следствий, субъект становится государственной властью. Если следствия в виде достижения целей данными действиями не причиняются, значит субъект не в состоянии делать то, что под силу только государственной власти. Значит, данный претендент не приобретает статус государственной власти. Таким образом, достижение субъектом целей, воплотить которые способна только государственная власть, автоматически присваивает ему этот статус. Недостижение подобных целей, наоборот, свидетельствует об отсутствии у субъекта указанного статуса. Либо цели реализованы и, сделавший это – государственная власть, либо – не реализованы и сделавший это – не государственная власть. Для того, чтобы добиться целей, необходимо быть к этому способным. Раз субъект их добился, значит он обладает нужным потенциалом. То есть потенциально он уже является государственной властью. И воплощение целей – это лишь актуализация, подтверждение, выявление того, что и так, хоть и латентно, но, тем не менее, объективно существует в действительности.

Следуя методологической установке, согласно которой потенциальная причина не менее важна, чем актуальная, определяем скрытую в субъекте государственную власть как причину. Таким образом, способный к достижению цели субъект уже является государственной властью, а значит, и причиной, порождающей свойственные последней следствия. Вступая во взаимоотношения с обществом, подобный субъект (потенциальная государственная власть) создает следствие (добивается цели) и тем самым актуализирует свою государственно-властную сущность. Далее, подобно такому следствию, как управление, реализация целей начинает работать по циклическому принципу, постоянно поддерживая статус государственной власти. То есть сначала способность добиваться целей, воплощаемых исключительно государственной властью, становится причиной отождествления субъекта с государственной властью. Затем этот субъект осуществляет задуманное, причиняя таким образом следствие, которое начинает

поддерживать его претензии на бытие государственной властью, становясь причиной подобного бытия. В изложенной последовательности событий соблюдены необходимые условия причинности. Во-первых, условие порождения: «каузальное отношение – это такое отношение, в котором одно явление влечет другое явление (следствие)...» [124, с. 111]. Во-вторых, условие временного промежутка: между всеми стадиями описанного цикла существует соответствующая поступательность, сначала возникает причина и только затем – следствие. Парадокс можно считать разрешенным.

Таким образом, управление обществом и реализация собственных целей являются не только главными следствиями, но и основными причинами государственной власти. Играя столь важную роль для любой власти, управление и воплощение целей позволяют выделить в ее каузальном базисе такое свойство, как умение управлять социумом и осуществлять задуманное [258, р. 26]. Данная совмещенная способность представляет собой краеугольную потенциальную причину государственной власти. Имеет для последней экзистенциальное значение, поскольку ее элементы: управление обществом и свершение целей, – формируют суть государственной власти, несут в себе все то, в чем она проявляется.

Итак, во взаимоотношениях между государственной властью и обществом имеет место причинно-следственная цикличность, (когда следствия государственной власти превращаются в ее причины), которая представляет собой отличительную черту, особенность данных отношений. «Особенное – то, что является...единичным относительно общего» [45, с. 72]. Если переместить фокус внимания на более общий уровень социального бытия, то каузальная цикличность в отношениях между государственной властью и народом визуализируется как единичное проявление связей между субъектом отношения и его объектом. Здесь предполагается влияние, оказываемое субъектом и объектом друг на друга и причиняющее в каждом из них следствия в виде обоюдных трансформаций [185, с. 7-11]. Эти трансформации обусловлены диалектикой социальных отношений. Ток последних является переменным: активный участник (оказывающий воздействие) и пассивный участник (воспринимающий воздействие) регулярно и закономерно

меняются местами и, воспринимавший воздействие, начинает его оказывать, а оказывавший – воспринимать [36, с. 121].

Логически познаваемая сфера данной диалектики может быть представлена на примере любой системы. Каждая система основывается на отношениях, которые происходят между их участниками. Те, в свою очередь, могут быть как активными, так и пассивными [225, с.56], одни воспринимают воздействие, другие его оказывают. Объектом настоящего исследования является система отношений между государственной властью и обществом. Эти отношения являются властными. А властные отношения имеют характер силовых, и сила – их неотъемлемое, изначально им присущее свойство [247, р. 227]. В качестве такового она и детерминирует обоюдные трансформации влияющего субъекта и воспринимающего объекта. Ведь сила – это по сути взаимоотношение взаимодействующих сторон [138, с. 240]. В контексте производимого исследования данными сторонами становятся государственная власть и общество. Вступая в данные отношения, они взаимоотношают друг друга, причиняя, таким образом, обоюдные трансформации. Государственная власть – активный субъект – оказывает воздействие на социум – пассивный объект. Последний реагирует на это соответствующими внутренними изменениями, которые становятся причиной дальнейших метаморфоз, постигающих первого.

Диалектика субъект-объектных отношений, влекущих взаимные трансформации государственной власти и общества имеет и историческо-логически познаваемую сферу. Эволюция Человека как существа социального поставила его перед необходимостью совместного проживания. Уже одним только этим обусловлена зависимость членов общества друг от друга. Культура значительно усложнила социальные отношения, дифференцировала их на разнообразнейшие уровни, виды, отрасли. В результате взаимозависимость их участников представляет собой «отношения соответствующей зависимости» [157, с. 25], когда влияние определенного субъекта направлено на определенный объект. Если таким субъектом оказывается государственная власть, место соответствующего ему зависящего от него объекта занимает управляемое им общество. Однако история культурного

развития породила тотальную зависимость, распространившуюся по всей социальной системе, детерминирующую существование каждого ее элемента. В подобных условиях действие субъекта запускает цикл причинно-следственных связей, которые, пройдя через объект, закономерно в том или ином виде возвращаются к субъекту. Акты, создающие зависимость объекта, реверсивно вызывают зависимость субъекта, влекут за собой их взаимные трансформации. Государственная власть, причиняя в обществе некие следствия, сама становится следствием сотворенных ею социальных метаморфоз. Этот исторически сложившийся каузальный порядок властных отношений был подмечен еще на заре европейской цивилизации: «Ты правишь, но и тобой правят!» – писал Плутарх. И давность этих строк свидетельствует о многовековой верификации выражаемого ими знания, то есть о его объективности.

Выводы к разделу 4.

Свобода как условие и управляющий параметр ставит вопрос о том, насколько неизбежным является реформативный режим, насколько безальтернативно его необходимость ограничивает социальную систему в свободном выборе аттрактора, а подсистемы – в свободе действий (взаимодействий), – то есть о том, насколько он детерминирован. Свобода государственной власти и управляемого ею общества ограничена механизмом саморегулирования – системой сдержек и противовесов, которая представляет собой краеугольный камень реформативного режима. Но статистические законы актуализируют фактор случайности, из-за которого на поле свободных возможностей может быть причинено другое следствие – реализована иная модель отношений, нивелирующая эффективность сдержек и противовесов. Утверждение о том, что реформативная модель – оптимальна и естественна для социальной системы – нуждается в обосновании с точки зрения каузальности.

Прежде всего, неизбежность реформативной модели детерминируется внешней (по отношению к государственной власти и обществу) причиной – управляющим параметром социальной системы (общественным одобрением

державных действий). Но эта детерминация (так же как и либертарная) не является жесткой. Данные подсистемы оказываются достаточно независимыми в своих взаимодействиях (что подтверждается историко-логическим анализом) и вследствие своих внутренних причин (внутренней динамики) могут избрать другой вариант отношений. Значит, неизбежность реформативных отношений коррелирует с эндогенными причинами как государственной власти, так и управляемого ею общества, а также с каузальной взаимозависимостью последних.

Общество имеет жизненно важные потребности, удовлетворить которые может только государственная власть. То есть факт удовлетворения потребностей является причиной существования общества в эпоху государственности. Социум существует ровно до тех пор, пока действует эта причина. В конечном итоге, общество оказывается следствием, причиняемым государственной властью. Но причинит ли она это следствие, зависит от ее внутренней динамики, а значит, сопряжено со случайностью. С другой стороны, держава нужна лишь для того, чтобы удовлетворять соответствующие потребности социума. Спрос общества на государственную власть оказывается главной причиной ее бытия, протяженность которого ограничена действием данной причины. Таким образом, именно социум рождает каузальную цепь, в конце которой располагается государственная власть. Способность удовлетворить потребности общества (способность создать предложение) – внутренняя причина последней и внешняя причина спроса на нее же. В результате действия обратных связей государственная власть, не удовлетворяющая потребности социума, становится следствием, причинение которого – нецелесообразно. Отсюда можно заключить, что избирая для себя путь неслужения народу, держава (как система, сформировавшаяся в социальной среде) выбирает неверный аттрактор, который вследствие статистической причинности, вероятней всего, подрвет ее каузальные основания. Соответственно, не удовлетворять важные для общества потребности – нецелесообразно. Однако народ также может проявить свою вероятностную самостоятельность и вопреки рациональности предпочесть ошибочный аттрактор, отторгающий государственную власть, несмотря на то, что в целом она удовлетворяет его потребности. На такое

поведение держава как независимая подсистема способна отреагировать нелинейно: счесть нецелесообразным дальнейшее удовлетворение жизненно важных потребностей общества. Другими словами, прекратить действие причины, детерминирующей его существование. Значит, неподчинение государственной власти, которая работает во благо народа – нецелесообразно, а способность принимать заслуживающую того державу – внутренняя причина бытия последнего и внешняя причина удовлетворения его потребностей. Налицо фундаментальная каузальная взаимозависимость подсистем.

Историко-логический анализ показывает, что государственная власть и общество в подавляющем большинстве случаев следуют соображениям целесообразности. Этот факт свидетельствует в пользу того, что отношения между данными подсистемами детерминированы некой целевой причинностью, заставляющей их среди множества вероятностей выбирать ту, которая гарантирует их сохранение и воспроизведение. Поскольку государственная власть и социум находятся в обуславливающей их существование причинно-следственной зависимости друг от друга, подобная вероятность должна обеспечивать их взаимодействие. Следовательно, формула «спрос формирует предложение, предложение формирует спрос» является ее инвариантом: государственная власть обязана удовлетворять общественные потребности, а социум вынужден ей за это подчиняться. По своей сути приведенная формула тождественна модели идеальных (легитимных) отношений, следовательно, реализована она может быть исключительно при реформативном режиме. Таким образом, реформативный режим детерминирован, во-первых, управляющими параметрами социальной системы, во-вторых, ее внутренней динамикой, а именно, эндогенными причинами ее подсистем и их каузальной взаимозависимостью, в-третьих, целеустремленностью подсистем и всей социальной системы к состоянию гомеостаза.

Конечно, эта детерминация остается зависимой от случайности. Социальная система – сложная и открытая, сквозь неё проходят потоки материи, энергии, информации, которые могут спровоцировать у ее подсистем нелинейную реакцию в виде выбора нецелесообразного аттрактора. Например, поддержка иностранной

державы может снизить степень взаимозависимости государственной власти и народа. Если это внешнее воздействие войдет в резонанс с собственной внутренней динамикой одной из подсистем, она может пренебречь формулой «спрос ↔ предложение» и попытаться узурпировать свободу другой, а значит обусловленная их потребностями внутренняя динамика социальной системы будет нарушена – последняя выйдет из состояния диссипативной упорядоченности и погрузится в фазу хаоса, угрожающего полной дезорганизацией.

Раздел 5.

ОПТИМАЛЬНОСТЬ РЕФОРМАТИВНОГО РЕЖИМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕГО ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ

Итак, государственная власть порождает в обществе изменения, которые становятся причинами трансформаций, начинающихся внутри самой государственной власти. Эти трансформации, с точки зрения причинности, имеют характер следствий. Подобным следствием является ответственность, которую вынуждена нести государственная власть. Ответственность представляет собой результат тех действий, которые осуществляет государственная власть по отношению обществу. Причинные основания ответственности, которую несет государственная власть, неоднозначны. С одной стороны, именно государственная власть производит акты, причиняющие со стороны общества ту реакцию, которая приобретает для нее свойство ответственности. С другой стороны, шаги, непосредственно влекущие за собой ответственность государственной власти, предпринимает общество. Преодолеть сложность каузальной идентификации, сопровождающую державную ответственность, можно при помощи предложенного выше причинно-следственного категориального аппарата. Однако перед этим необходимо проанализировать ряд особенностей, которые присущи ответственности и от определения которых зависит ее каузальная классификация.

Упомянутые особенности содержатся в причинно-следственном составе государственно властной ответственности. В него входят элементы материальные, процессуальные и элементы общего характера. Для понимания логики, согласно которой формируется ответственность государственной власти, анализ ее каузального состава целесообразно начать с материальных причинно-следственных элементов. Поскольку они представляют собой фактические основания (материал) ответственности. Последние делятся на обязанностные и политические. Базовым в структуре государственно-властной ответственности является именно политический причинно-следственный состав. Поэтому его необходимо рассмотреть в первую

очередь. Входящие в него элементы можно определить следующим образом: субъектная причина, объектная причина, субъективная причина, объективная причина. Их анализ, равно как и анализ связующих их каузальных отношений, необходим для того, чтобы понимание государственно-властной ответственности было полным, всесторонним и объективным.

Государственно-властная ответственность является разновидностью более общего социального феномена – политической ответственности. В качестве части ответственность государственной власти обладает всеми свойствами того целого, в состав которого она входит. Выделяются следующие элементы политической ответственности: политическая система. Собственно политика (то есть комплект политических актов) и отношения [225, с. 60-64], для воздействия на которые данные акты осуществляются. Каждый из этих элементов необходим для возникновения политической ответственности – в случае выпадения любого из них политическая ответственность не наступает. Значит, политическая ответственность представляет собой комплексное следствие, в причинном основании которого лежит совокупность данных элементов. Таким образом, перечисленные элементы являются причинами политической ответственности. С точки зрения проведенных выше классификаций они идентифицируются так. Политические акты – объективная причина, набор объективно совершенных субъектом политических действий, причиненных ими последствий и объективная каузальная связь между этими действиями и последствиями. Политические отношения – объектная причина, тот сегмент общественной жизни, на который субъект направляет свое целевое воздействие.

Взаимосвязь между политической системой и политической ответственностью имеет свою специфику. Когда политическая ответственность возникает в специальном случае социальных отношений – в случае взаимоотношений между государственной властью и обществом – политическая система проявляет себя в качестве государственной власти. Последняя становится субъектом, несущим политическую ответственность, а значит, и ее субъектной причиной.

Субъектная причина тесно связана с субъективной причиной. Последняя представляет собой внутренний двигатель, субъективные мотивы, цели, отношение, которые заставляют субъекта осуществлять политическую деятельность применительно к объекту. Субъективный фактор – это неотъемлемый аспект государственно-властной ответственности. Любая ответственность, в том числе и политическая, постигающая государственную власть, раскрывается как «...необходимость выбора средства действия, который диктуется объективными условиями, их осознанием и субъективно поставленной целью, необходимость активной деятельности для осуществления этой цели...» [104, с. 72]. Необходимость выбора – это объективное условие, но сам выбор – это субъективный процесс, а его конечный результат влечет за собой ответственность субъекта. Таким образом, цель субъекта и выбор средств, необходимых для ее достижения, являются внутренними, субъективными причинами государственно-властной ответственности. Отличительной чертой данных причин является их эндогенность (по отношению к субъекту). Они зарождаются и функционируют внутри субъекта. Но причиняемые ими следствия распространяются за пределы субъекта, они постигают объект, выражаются в его трансформациях. Эти самые трансформации и могут повлечь за собой такое следствие, как ответственность субъекта. Для государственной власти, выступающей в роли такого субъекта, «...результат власти проявляется в каких-то изменениях в самом объекте, в его сознании и/или поведении», [124, с. 149] но не только. Произошедшие в объекте (обществе) метаморфозы могут продолжить начатую государственной властью причинно-следственную цепочку и возвратиться к своему источнику в виде трансформирующей его ответственности.

Ключевым моментом для понимания этого каузального процесса является вариантная неопределенность его завершающей стадии. Ответственность, действительно, может только наступить. Ее наступление – это не обязательное следствие для государственной власти. Ответственность в качестве следствия требует предварительного действия порождающих ее причин.

Краеугольная причина ответственности, представляющая собой своеобразную точку невозврата, кроется среди ее субъективных причин. После того, как данная

причина вступает в действие, ответственность становится неизбежной и неотвратимой. Этой причиной является вина субъекта. В научной юриспруденции под виной имеется в виду отношение субъекта к своим поступкам [119, с. 170-171]. Подобная дефиниция абсолютно справедлива и для вины как причины, которая влечет за собой ответственность государственной власти, реализуя в обществе свои политические деяния, государственная власть имеет к ним определенное субъективное отношение. Данное отношение идентифицируется как виновное, если субъект (государственная власть) имеет все возможности и должна осознавать, что ее действия либо бездействие носят негативный для социума характер, но, несмотря на это, продолжает свою общественно вредную политику. Причем, не имеет значения, желает ли государственная власть наступления отрицательных для народа последствий ее деятельности или сознательно их допускает в качестве побочного эффекта, который производится от ее актов. Ключевым моментом для наличия вины является именно осознание каузальной связи между своим поведением и причиняемым им ущербом. Факт осознания отождествляется с возможностью и обязанностью осознавать и свои действия, и их последствия, и причинную связь между действиями и последствиями. О том, что государственная власть наделена обязанностью и возможностью осознавать все выше перечисленное, свидетельствует уже сам факт ее существования. Как было доказано ранее, основной причиной, по которой государственная власть имеет место быть, оказывается общественный спрос на определенные ее функции. Прежде всего, на организацию социальной жизни, что, аргюги, не может быть неосознанным. Спрос наделяет государственную власть обязанностью проводить осознанную политику, а сама суть этой политики несет в себе ее осознанность как имманентную черту. Таким образом, государственная власть имеет возможность и обязана осознавать характер своих деяний. А значит, в том случае, когда эти деяния причиняют обществу вред, государственная власть навлекает на себя бремя вины. Вина же становится той причиной, которая запускает в действие механизм ее ответственности. Итак, определенные причины ответственности субъекта находятся внутри него самого. Соотношение этих субъективных причин выглядит следующим

образом. Государственная власть как субъект политической ответственности, руководствуясь своими внутренними мотивами, осуществляет акт выбора. Этот субъективный выбор и создает ту судьбоносную для государственной власти развилку, одно направление которой ведет к ответственности, а второе – к ее отсутствию. Сначала избирается цель, затем средства для ее достижения. Акт выбора является осознанным и (в случае, когда цель либо средства вредны для общества) виновным.

Политическая ответственность, которую несет государственная власть, по ряду признаков отличается от юридической ответственности. Субъектом последней является не государственная власть, а определенное лицо. Данное лицо входит в состав общества, управляемого государственной властью. И именно она обеспечивает привлечение такого лица к юридической ответственности. Следовательно, для того, чтобы понести юридическую ответственность, государственная власть должна была бы привлечь к ней сама себя. Что абсолютно абсурдно. Кроме того, юридическая ответственность регламентирована юридическими правилами (законами), устанавливаемыми государственной властью. А ответственность государственной власти обусловлена законами более общего порядка, законами, по которым функционирует социальная система в целом – законами природы (живой и не только). Ответственность, которую несут отдельные представители государственной власти, относится к разряду юридической (если это не народный самосуд), поскольку осуществляется государственной властью как целостным субъектом на основании установленных ею законов.

Тем не менее, и юридическая, и государственная ответственность являются классами системы социальной ответственности. А значит, помимо классных отличий имеют общие системные признаки. Подобная системная общность позволяет производить исследование государственновластной ответственности по аналогии с совпадающими свойствами ответственности юридической.

Одним из таких признаков является предшествующее ответственности наличие вины. «Юридическая ответственность по своей родовой принадлежности является охранительным правовым отношением, а по виду – карательная

(наказательная) правовая связь» [19, с. 122]. Наказанию подлежит лишь виновный, лишь от него необходимо охранять всех остальных. Данный принцип распространяется и на политическую ответственность, где виновной оказывается и государственная власть. Именно вина причиняет такое следствие как ответственность, в рамках которой общество наказывает государственную власть и охраняет себя от последствий ее вредной политики. Очевидно, что субъективные причины (мотивы политической деятельности, цели политической деятельности, вина в осуществлении негативной политической деятельности) неотделимы от самой политической деятельности, то есть от объективной причины, которая также входит в политико-каузальный состав государственновластной ответственности. Здесь, как и в случае с виной, уместна аналогия с юридической ответственностью: «юридическая ответственность, с тех пор, как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное деяние. Иначе можно прийти к неприемлемому выводу о том, что лицо, которое не совершило преступление, уже несет правовую ответственность» [182, с.93]. Государственная власть также несет ответственность лишь за реализованную ею ранее политическую деятельность. Последняя в качестве объективной причины не является монолитной. Она сама состоит из нескольких каузально связанных между собой элементов.

Первым таким элементом можно назвать те самые средства, осознанный выбор которых обуславливал вину в рамках комплекса субъективных причин. Объективно эти средства выражаются в конкретных политических действиях или, наоборот, в политическом бездействии. «Политика органично связана с осуществлением власти...» [142, с. 309-310]. И связь эта настолько тесна, что в самом широком смысле понятия «политика» и «социальная власть» можно считать тождественными. Более узкие области данных понятий: «государственная политика» и «государственная власть», – соответственно, также довольно близки, вплоть до взаимозаменяемости. Таким образом, политика государственной власти – это, по сути, ее самореализация. И от того, из каких конкретно актов состоит подобная самореализация, зависит, будет ли государственная власть привлечена к ответственности или нет.

Следующим элементом объективной причины является тот вред, который негативная политика наносит обществу. Данный элемент можно считать краеугольным для всего причинного состава государственновластной ответственности. Объективно нанесенный ущерб завершает собою все цепочки предыдущих причин. Если до этого цепочка могла быть прервана, то после наступления отрицательных для общества последствий политической причинностный состав ответственности становится полноценным, достаточным для порождения такого следствия как ответственность. Именно объективная вредность державной политики, фактически нанесенный социуму ущерб представляет собою те самые изменения, которые, происходя в объекте воздействия, причиняют трансформацию субъекта воздействия. В социальной действительности эта каузальная субъект-объектная зависимость выглядит следующим образом: общество, претерпев негативные последствия от державной политики, подчиняясь универсальному закону (сила действия равна силе противодействия) вынуждает государственную власть ответить за свои деяния. Другими словами, привлекает ее к ответственности.

В совокупности объективных причин есть элемент, который следует особо выделить. Для того, чтобы общество имело возможность подвергнуть государственную власть ответственности, каузальная цепочка должна тянуться от ущерба, нанесенного обществу, прямо к государственной власти. «Если мы исключаем возможность существования между двумя явлениями отношения порождения, то тем самым мы исключаем и наличие между ними отношения причинения» [3, с. 484]. Порождать негативные для общества последствия должна именно государственная власть. Между ее политической деятельностью и нанесенным социуму вредом должна иметь место прямая причинная связь. Непосредственно это звено замыкает каузальную цепь государственновластной ответственности. Благодаря этому, образуется целостный и непрерывный причинно-следственный путепровод, по которому государственная власть приходит к общественному вреду и, который социум, отталкиваясь от закона равных сил,

использует для реверсного каузального процесса – процесса, направленного на привлечение государственной власти к заслуженной ответственности.

Последней причиной в политическом каузальном составе государственновластной ответственности является объектная. Как было отмечено выше – это отношения, на которые государственная власть направляет свое воздействие. Объектная причина точно так же, как и субъектная (политическая система) проявляется в механизме политической ответственности. Не вся целиком, а в специальном качестве. В контексте взаимоотношений между государственной властью и обществом, данным специальным качеством оказывается причастность к удовлетворению социального спроса. То есть объектная причина ответственности раскрывается в тех социальных отношениях, которые устанавливаются с целью удовлетворения народного спроса на государственную власть. Социальную ответственность можно представить в виде корреляции между коллективными потребностями значимыми для них актами [7, с. 81]. Удовлетворение первых зависит от качества последних. Когда подобные акты осуществляются государственной властью, ответственность возникает лишь в том случае, если ее действия не удовлетворяют те общественные потребности, для удовлетворения которых она предназначена. Отношения в сфере удовлетворения социального спроса на государственную власть являются объектам ее политики. Не удовлетворяя спрос, государственная власть причиняет данному объекту вред, поскольку цель рассматриваемых отношений остается недостигнутой. Таким образом, для рождения ответственности необходим объект, на который будут направлены негативные действия субъекта. То есть, должна иметь место та сфера общественных отношений, которой может быть причинен ущерб, внутри которой могут возникнуть отрицательные последствия. Сам факт существования такого объекта является причиной, влекущей за собой ответственность, поскольку без него нечему было бы причинять ущерб. А без ущерба отсутствовали бы и основания для ответственности. Поэтому отношения в сфере удовлетворения социального спроса на государственную власть входят в политико-каузальный состав ответственности,

которая постигает государственную власть, и представляют собой ее (ответственности) объектную причину.

В социальной действительности политическая причинность воплощается в осуществляемом государственной властью деянии. Подобное влекущее ответственность политическое деяние может как прямо нарушать социальные права, так и просто быть социально бесполезным [126, с.231]. Важен сам факт неудовлетворения общественных потребностей, и не имеет значения выражается оно в форме действия или бездействия, носит целенаправленный или (умышленный) или случайный характер. Главное, чтобы состав политической причинности был полным и, чтобы между его элементами наличествовала каузальная взаимосвязь. С точки зрения политико-каузального состава соблюдение этого условия уже влечет за собой наступление ответственности.

Объем, в котором были исследованы политические элементы причинно-следственного состава ответственности, постигающей государственную власть, представляется достаточным для того, чтобы идентифицировать ее (ответственности) каузальную принадлежность при помощи предложенного выше понятийного аппарата. В качестве состоявшегося (причиненного) следствия ответственность является непосредственной для общества и опосредованной для государственной власти. Именно социум направляет свое намеренье, свой прямой умысел на ответственность государственной власти как на цель своих действий – их непосредственное следствие. Государственная власть же, наоборот, не желает и всеми силами пытается избежать наступления таких последствий, поскольку они вредны для нее. Но, несмотря на подобное нежелание, государственная власть оказывается первопричиной, которая запускает механизм собственной ответственности. Последняя осуществляется после реализации ряда опосредующих ее стадий, связанных между собой причинно-следственной зависимостью. Одной из таких стадий является умысел, с которым государственная власть совершает свои деяния. Он направлен совсем не на вредные для самой государственной власти последствия, предстающие в виде ответственности. Наоборот, целью государственной власти оказываются последствия вредные не для нее, но для

общества, а для нее – полезные. Тем не менее, и умысел (формирующий вину), и деяния, и их общественно вредные последствия становятся причинами, опосредующими возникновение такого следствия как ответственность государственной власти. Здесь уместно прибегнуть к аналогии с юридической ответственностью: «...юридическая ответственность – обязанность правонарушителя ответить за совершенное им правонарушение перед обществом и государством и понести, претерпеть действие тех санкций, которые применяет к нему соответствующий орган государства» [202, с. 23]. В изучаемых отношениях само государство в лице представляющей его власти становится «правонарушителем» и несет «обязанность» «претерпеть действие санкций», применяемых к ней социумом. В результате социально вредной политики общество само, против воли державы, превращается из объекта влияния в субъект влияния. И уже социум причиняет для государственной власти следствие в форме ответственности. И вот тут, в постигающих общество изменениях, наступает момент, когда государственная власть теряет контроль над производимыми ею следствиями, когда каузальный процесс приобретает самостоятельность, начинает противоречить ее целям. Именно в этой точке продуцируемые государственной властью следствия перестают быть по отношению к ней непосредственными, а спровоцированные ею внутри общества изменения становятся опосредующим данные следствия фактором. Как было отмечено выше, политические элементы не исчерпывают собою материально-каузальный состав государственновластной ответственности. «Ответственность охватывает не только отношения, возникающие при наличии оснований для нее, но и до наступления этого, в процессе самой реализации обязанности нести ответственность за исполнение функций субъекта управления» [167, с. 138]. Реализация обязанности и ответственность за ее нарушение требует наличия самой обязанности. Если нет обязанности, если нечего нарушать, то и причин для ответственности тоже нет. Таким образом, обязанность нарушителя предшествует самому общественно вредному деянию. А появление обязанности совместно с последующим ее нарушением порождают ответственность для нарушителя. Это значит, что обязанность, наравне с политическими элементами,

представляет собой фактическое основание (материал) для наступления государственновластной ответственности, то есть входит в материально-каузальную структуру последней. Более того, внутрискруктурные отношения, имеющие место между обязанностью и политическим составом, можно охарактеризовать как причинно-следственные. Во-первых, обязанность предшествует вредоносной политике во времени. Во-вторых, является одним из факторов, без которых последняя невозможна. По сути, обязанность государственной власти – это требование, которое общество предъявляет державе и при помощи которого пытается охранить некие свои интересы от потенциального ущерба со стороны государственной власти. Отсутствие обязанности говорит об отсутствии охраны, которое, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии подверженных опасности интересов. Таким образом, если у государственной власти нет обязанности, то и ее политика не может быть социально вредной. Другими словами, обязанность представляет собой один из источников, порождающих политические элементы государственновластной ответственности. Признак предшествования во времени и признак порождения определяют обязанность как причину, а политический состав как следствие.

Видимо, та причинная роль, которую играет обязанность государственной власти для ее ответственности заставила некоторых исследователей дифференцировать ответственность на «негативную» и «позитивную» [112, с. 7]. Обязанность легла в основу позитивного толкования ответственности. Данный подход отождествляет ответственность не с возмездием за общественно-вредные деяния, а с надлежащим исполнением своей обязанности. В научной юриспруденции подобная классификация привела к тому, что ответственность государственной власти стала трактоваться больше как позитивная, нежели негативная. «Есть отрасли, которые в объективно-правовом плане имеют исключительно ретроспективную ответственность...и, наоборот, есть отрасли преимущественно регулятивного содержания, которые опираются преимущественно на позитивную юридическую ответственность. Полярными в этом смысле являются такие отрасли, как уголовное и государственное право...» [29, с. 17]. Прерогатива

социальной философии заключается в том, что она может выйти за юридические пределы позитивной ответственности (то есть обязанности государственной власти) и обозреть находящиеся за этими пределами социально-каузальные связи в структуре которых позитивная ответственность, обязанность, оказывается звеном в причинно-следственной цепи государственновластной ответственности, элементом ее материально-каузального состава.

В юридической литературе содержанием подобной обязанности определяется удовлетворяющая потребности общества государственновластная политика, осуществляемая в соответствии с установленными данной государственной властью законами [140, с. 29; 141, с. 50-51; 172, с. 31]. Специфика юридического исследования не позволяет ему выйти за пределы правовых явлений. Философский же анализ не скован такими границами, вследствие чего способен рассматривать социальные феномены (в том числе правовые) во всей их совокупности и взаимосвязи. Изучение обязанности с точки зрения ее каузальных связей показывает, что соответствие законам государства не является ее неотъемлемым свойством. Установление законов раскрывается как одно из проявлений государственновластной политики. То есть законы, как и державная политика, в целом – это следствия, причиной которым служит государственная власть. Однако, как было отмечено выше, государственная власть сама представляет собою следствие социального спроса на нее, испытываемой обществом необходимости в том, чтобы его потребности были удовлетворены. Таким образом, и государственная власть, и издаваемые ею законы оказываются следствиями, продуцируемыми обществом с целью удовлетворения своих потребностей. Главным же свойством государственной власти является формирующая ее существование суть, обуславливающая ее существование причина – удовлетворение социальных потребностей. В процессе реализации отношений между государственной властью и обществом данная сущностная функция приобретает характер, закрепленной за государственной властью обязанности. Проще говоря, удовлетворение социальных потребностей и есть обязанность государственной власти. Установление законов – лишь часть такой обязанности. Однако часть не может определять целое. Равно как

следствие не может определять причину, – а издание законов как раз и представляет собой следствие того, что у государственной власти есть обязанность удовлетворять общественные потребности. Значит, законы государства являются следствием, а рассматриваемая обязанность их причиной. Поэтому юридические законы как следствия, не лежащие в причинном основании обязанности, а, наоборот, из него произрастающие, составляющие только часть ее (обязанности) сущности, не могут быть для нее определяющими. Итак, философский анализ засвидетельствовал, что именно удовлетворение потребностей социума является базовым и неотъемлемым идентифицирующим признаком государственновластной обязанности. Исполнение же данной обязанности согласно юридическим законам является признаком дополнительным и переменным, поскольку с течением времен законы меняются. Показательно, что причиной их трансформаций оказывается изменение общественных потребностей, для удовлетворения которых они были созданы.

Таким образом, содержанием государственновластной обязанности является соответствие общественному спросу, удовлетворение социальных потребностей. Юридические законы и иные нормативно-правовые акты представляют собой фрагментированную, мозаичную фиксацию данного содержания. Нарушение государственной властью своей обязанности, в том числе и установление антиобщественных законов, влечет за собой наступление ответственности.

Материалом, из которого конструируется ответственность государственной власти, оказывается и ее обязанность, и нарушающая данную обязанность политика. В основе данной конструкции лежит обязанность государственной власти соответствовать общественному спросу на нее – удовлетворять те потребности народа, для удовлетворения которых она существует. А поверх основы надстраиваются антиобщественные поступки государственной власти, то есть та ее политика, которая нарушает указанную обязанность.

В правовой литературе имеет место иной подход к структуризации государственновластной ответственности. Например, она дифференцируется на «конститутивную» и «функциональную». Первая заключается в формировании субъекта, несущего ответственность. Вторая – в возложении на данного субъекта

необходимых обязанностей [126, с. 218-223]. Данный подход не выходя за пределы юриспруденции отображает логическую последовательность возникновения ответственности правящего субъекта. Однако он не раскрывает экзистенциальную специфику государственной власти, ее фундаментальную зависимость от управляемого ею общества и особенности ее бытия внутри взаимоотношений с этим обществом. Вне подобного контекста анализ ответственности является усеченным, фрагментарным. Для полноценного исследования объем исследования нужно расширить от узко направленного юридического до социально-философского. Только философии под силу охватить всю диалектику образования ответственности. Социально-философская разработка определяет место для «конститутивной» и «функциональной» ответственностей в общей структуре государственновластной ответственности и выявляет скрепляющие данную структуру причинно-следственные связи, без понимания которых логическая картина ответственности не может быть до конца объективной. Социально-философский каузальный подход показывает, что «конститутивная» ответственность и «функциональная» ответственность лишь часть от значительно большего количества фрагментов в структуре государственновластной ответственности. Через призму авторской классификации «конститутивная» ответственность идентифицируется как субъектный элемент политико-материального причинностного состава, а «функциональная» ответственность – как обязанностный элемент материального причинностного состава государственновластной ответственности. С учетом каузальных связей между ними первый отождествляется с причиной, а второй – с ее следствием, и оба они представляют собой лишь звено в причинно-следственной цепи, образующей ответственность государственной власти.

Структурирование материала, составление из него государственновластной ответственности должно пройти несколько обязательных этапов. Каждый из этих этапов приближает наступление ответственности. Недостижение очередного этапа означает останову на пути к ответственности, то есть ее ненаступление. Таким образом, каждый из подобных этапов необходим для того, чтобы государственновластная ответственность могла обрести свое существование. Иначе

подобные этапы можно назвать этапами порождения ответственности, временными отрезками, фактическое содержание которых причиняет государственновластную ответственность. Это содержание принципиально отличается от содержания материального состава ответственности. Оно представляет собой правила, по которым государственная власть привлекается к ответственности, своеобразный алгоритм, по которому материальные основания структурируются в форме ответственности. Каждый последующий этап является следствием предыдущего, а все вместе они приводят к наступлению ответственности. Воплощением этой причинности оказывается сам процесс прохождения этапов, образующих алгоритм ответственности. Данный процесс представляет собой процессуально-каузальный состав государственновластной ответственности, элементами которого являются этапы указанного алгоритма. Поскольку обсуждаемые элементы – это правила, общие законы, по которым ответственность функционирует в системе отношений между социумом и государственной властью, – они справедливы и для каждой области данной системы, в частности, для отношений в сфере государственного управления. Поэтому этапы формирования государственновластной ответственности можно проиллюстрировать, воспользовавшись аналогией с ответственностью в государственном управлении. Последняя структурируется «...при помощи процессуальных правил, которые побуждают субъекта ответственности пройти ряд стадий, а именно: 1) дать ответ о проведенной работе; 2) выслушать (принять) оценку компетентного органа; 3) понести в случае негативной оценки какие-нибудь неблагоприятные последствия» [25, с. 68].

Все эти обязательные для прохождения стадии предопределены одной общей для них процессуальной причиной-инстанцией ответственности. «Дать ответ», «принять оценку» и «понести последствия» было бы невозможно, если бы не существовал соответствующий «компетентный орган», наделенный способностью спрашивать, оценивать и применять санкции. То есть наличие такого «органа», инстанции ответственности, открывает возможность быть для оговариваемых процессов. Отсутствие же подобной инстанции, наоборот, не дает начаться процессу возникновения ответственности. Таким образом, инстанция ответственности

является потенциальной причиной, порождающей, дающей начало процессуальным этапам ответственности. Последние же раскрываются как непосредственное следствие этой причины.

В научных трудах, предметом изучения которых является социальная ответственность, инстанция ответственности идентифицируется как носитель тех самых полномочий: «спрашивать», «оценивать», «налагать санкции» [60, с. 32]. В системе взаимоотношений между государственной властью и социумом такой инстанцией оказывается общество. Структура данного отношения определяет, что носителем, субъектом, таких его (отношения) функций, как требование ответа, оценивание, применение санкций, если их объектом является государственная власть, может быть только общество. Таким образом, социум в качестве обладателя и исполнителя указанных функций (то есть общество, как инстанция ответственности) порождает обуславливаемые этими функциями процессуальные стадии государственновластной ответственности. Принимая на себя роль подобной инстанции, социум сам становится процессуальной первопричиной для каждого из этапов формирования государственновластной ответственности. Именно этот, инстанционный, режим субъектного бытия делает общество процессуальной причиной, продуцирующей непосредственные процессуальные следствия. Указанные этапы относятся к категории непосредственных следствий, поскольку эмитирующая их первопричина (социум) стремится к их наступлению. Для общества, как для инстанции ответственности, процессуальные элементы ответственности являются непосредственными целями. Их достижение – залог удовлетворения потребностей социума.

Причинно-следственная цепочка выглядит следующим образом. В системе отношений общество ↔ государственная власть самопроизвольно устанавливаются фактические основания (материал) державной ответственности, а именно, обязанность государственной власти. Как было отмечено выше, эта обязанность заключается в удовлетворении социального спроса. Нельзя сказать, что закрепление данных обязанностей – осознанный акт общества как творящего субъекта. Скорее, это результат естественного протекания каузального процесса, когда каждая

причина порождает определенное, заложенное в ней генетически, следствие. Каждое будущее звено подобной цепи детерминировано предыдущим. Социальный организм как форма жизни имеет необходимые для поддержания своего существования потребности. Поэтому, появляясь, общество сразу обременяется жизненно необходимыми потребностями. Которые, соответственно, должны быть удовлетворены, так как в противоположном случае социальная экзистенция попросту прекратится. Для удовлетворения потребностей общество нуждается в некоем инструменте. Инструмент этот развивается и меняется одновременно с генезисом общества. Однако проявляется ровно в тот момент, когда возникает социум, поскольку иначе жизненно необходимые потребности не были бы удовлетворены в начальный период его бытия. То есть начальный период стал бы окончательным. Тот факт, что общество продолжает существовать, свидетельствует о том, что потребности были удовлетворены, а значит инструмент их удовлетворения появился своевременно. Учитывая, что потребности, обеспечивающие жизнь, возникают с самим живущим (с социумом), можно сделать вывод: инструмент их удовлетворения был сформирован практически одновременно с самими обществом. В процессе исторического развития инструмент менялся одновременно с обществом, внутри которого он возник. В итоге специфика социальных трансформаций потребовала соответствующего качества от инструмента. Наделенный таким качеством инструмент идентифицируется как государственная власть. Таким образом, обязанность государственной власти (удовлетворение общественного спроса) появилась раньше самой государственной власти. Последняя унаследовала данную обязанность от предыдущих (предшествовавших ей) органов удовлетворения социальных потребностей. Процесс же унаследования разворачивался в форме долговременной исторической причинности. То есть закрепление за государственной властью ее обязанности не носило характер осуществляемого обществом волевого акта, все этапы которого объединены изначально преследуемой социумом целью.

С точки зрения роли, которую играет причинность во взаимоотношениях народа и государственной власти, это означает, что материально-каузальный состав

державной ответственности (а именно, его обязательный элемент) начал формироваться еще до появления государственной власти. Оставшийся материал для построения ответственности предоставляет сама государственная власть. Это политические элементы материально-причинного состава. После того, как государственная власть своим политическим деянием причинит обществу вред, это деяние должно быть оценено социумом (как инстанцией ответственности). Когда общество оценивает подобный акт как виновный и влекущий ответственность, данный вердикт становится процедурным этапом, процессуальной причиной, структурирования ответственности. Однако сама эта причина является следствием, происходящим из другой процессуальной причины. В литературе, освещающей юридическую ответственность, данный феномен изучается вне каузального контекста. Но емкость и лаконичность юридических формулировок позволяют использовать их и для настоящего социально-философского исследования. Юридически рассматриваемый элемент ответственности истолковывается как подотчетность и подконтрольность субъекта ответственности [200, с. 74]. Однако вне каузального контекста невозможно определить место данного элемента в системе ответственности. Понимание причинности позволяет проследить процесс и логику формирования ответственности от начала и до конца. С точки зрения причинно-следственной зависимости подотчетность и подконтрольность – это процессуальная стадия составления ответственности. Не пройдя через этот этап социум (как инстанция ответственности) не может приступить к следующему – к оцениванию государственной политики на предмет ее виновности. Значит, этап оценивания проистекает из предшествующего этапа отчета и контроля. То есть является его следствием.

Контроль и отчет можно назвать этапом лишь условно. На практике отношения между государственной властью и социумом должны протекать в режиме постоянного контроля и подотчетности. Эти процессы должны носить перманентный характер. Только так инстанция ответственности сможет выявить фактические основания для привлечения государственной власти к ответственности. Только так контроль и подотчетность могут причинить оценивание этих

фактических оснований. О контроле и подотчетности как о процессуальном этапе можно говорить лишь в тех случаях, когда заданный ими режим отношений позволил выявить конкретный виновный политический акт, подлежащий дальнейшему оцениванию. В этом смысле суть отчета и контроля становится более ясной, если ее рассматривать через призму каузальности – как процессуальную причину, порождающую процессуальное следствие (стадию оценивания). Оценивание действий государственной власти как виновных и общественно вредных влечет за собой закономерное процессуальное следствие – государственная власть должна претерпеть негативные санкции. Это следствие неоднозначно. Наоборот, оно вариативно – общество может наложить на государственную власть два вида санкций. Однако обязательной составляющей санкционного следствия (какой бы вид санкций не был избран социумом) является утрата легитимности. Данную составляющую можно считать самостоятельным этапом, через который должна пройти материализация ответственности, а значит, и элементом процессуально-каузального состава государственновластной ответственности. В свою очередь, утрата государственной властью своей легитимности порождает варианты дальнейших санкций. Наиболее жестким вариантом является радикальное, революционное изменение государственной власти. Причины и последствия такой санкционной разновидности были рассмотрены выше. Однако даже в самом жестком регуляторе социальных отношений – уголовном праве, – закреплен принцип, согласно которому тяжелые санкции не есть неотвратимыми. Неотвратима лишь сама ответственность [119, с. 342-344]. Этот уголовно-правовой принцип является отражением общесоциального закона, стоящего над юридическими нормами, исходящего из самой сути межчеловеческих отношений. На уровне отношений между государственной властью и народом этот закон позволяет привлечь державу к ответственности, не подвергая ее радикальным, революционным изменениям. Инстанция ответственности (общество) вольна избрать другую более мягкую разновидность санкций – эволюционное изменение государственной власти посредством ее поступательного реформирования. Критерием выбора между санкционными разновидностями является размер ущерба,

причиненного обществу виновными политическими действиями государственной власти.

Итак, негативная оценка деяний государственной власти становится причиной утраты ею своей легитимности. Утрата легитимности причиняет наступление негативных санкций: либо революционных, либо реформативных.

Система отношений между государственной властью и управляемым ею обществом является подсистемой глобальной социальной системы. Следовательно, процессы и феномены, имеющие место в данной подсистеме испытывают на себе действие общесистемных факторов. Эти факторы детерминируют развитие системы, зарождение внутри нее различных систем и процессов. Без таких факторов обуславливаемые ими явления и процессы не осуществились бы. Значит, общесистемные факторы играют роль потенциальной причины для тех феноменов и процессов, которые формируются в соответствии с ними.

Государственно-властная ответственность – один из тех феноменов, структурирование которых определяется факторами, общими для всей социальной системы в целом. Поэтому подобные законы входят в каузальный состав государственно-властной ответственности. Выше они были классифицированы как элементы общего характера. Такие потенциальные причины достаточно многочисленны и разнообразны. Вместе с тем, рассмотрение их всех и причинностных связей между ними и другими каузальными элементами государственно-властной ответственности не обязательно для решения задач, стоящих перед данным исследованием. Для их решения целесообразно проанализировать лишь те факторы, понимание которых необходимо для того, чтобы в работе причинностного механизма ответственности не оставалось белых пятен.

Подобные пятна остались в понимании механизма, посредством которого образуются некоторые субъективные элементы материально-каузального состава государственно-властной ответственности. В частности, вина государственной власти. Объяснить формирование вины, не выходя за пределы материально-каузального состава невозможно. Дело в том, что причины, по которым деяние

государственной власти определяется как виновное, содержатся вне границ материально-каузального состава. Они воплощены в элементах общего характера, то есть в факторах, детерминирующих социальные отношения в целом (а значит, и те, которые имеют место между государственной властью и управляемым ею обществом).

Одним из таких элементов является циркуляция информации, которая пронизывает социальную систему. На уровне взаимоотношений между обществом и государственной властью данный элемент принимает форму так называемых «обратных связей» [69, с. 7]. Эти связи представляют собой информационные каналы, по которым субъект управления получает данные об объекте управления. Здесь значение имеет сам факт существования таких каналов и проистекающий из него вывод о том, что государственная власть осведомлена о состоянии управляемого ею социума. Отсюда следует, что государственная власть знает о своей обязанности удовлетворять потребности общества и знает, какими своими действиями она нарушает эту обязанность. Таким образом, если государственная власть наносит вред народу, этот ее поступок является осознанным и, более того, умышленным. Умышленное же нанесение ущерба, по определению, является виновным. В противном случае, если бы государственная власть не была осведомлена о своей обязанности или о том, что ее действия влекут негативные для общества последствия, то ее неведение служило бы для нее оправданием и исключало бы ее вину, то есть было бы причиной ее невиновности. Однако обратные связи функционируют. А значит, отсутствует причина невиновности. Раз отсутствует причина, не возникает и следствие – общественно-вредные акты государственной власти характеризуются как виновные. И причиной их виновности оказываются именно осведомленность государственной власти, которая, в свою очередь, рождается как следствие обратных связей. Последние, как было отмечено выше, – лишь форма циркуляции информации, действующая на уровне взаимоотношений между субъектом и объектом управления.

Вновь выявленный (не освещавшийся ранее в настоящем исследовании) причинностный элемент – осведомленность государственной власти о своей

обязанности и о вредоносности своей политики – является частью субъективных представлений государственной власти, а значит, относится к субъективным элементам материально-каузального состава ответственности. Как видно на схеме, вина – это следствие осведомленности.

Таким образом, циркуляция информации в форме обратных связей становится причиной для вины, которая, в свою очередь, необходима для запуска санкционного этапа в процессе структурирования государственновластной ответственности. Обратные связи в результате такого процесса причиняют революционные либо реформативные изменения государственной власти. Для последней подобная роль циркуляции информации является экзистенциальной, поскольку «не может быть жизнеспособной социальная система, не изменяющаяся в зависимости от результатов собственной деятельности. И в этом случае органы государственной власти взаимодействуют с управляемым объектом – обществом, выносят решения, которые становятся следствием реакции общества на ранее претворенные в жизнь управленческие влияния» [37, с. 131-132]. Подобное взаимодействие – это модель позитивной политики государственной власти, которая не причиняет социуму ущерба и не влечет за собой негативные санкции, то есть не входит в каузальный состав ответственности. Если же государственная власть игнорирует общественную реакцию, поступающую к ней благодаря обратным связям, ее жизнеспособность уменьшается синхронно со структурированием каузального состава ее ответственности, то есть с ущербом, который наносится социуму в результате такого игнорирования.

Следующим элементом общего характера, то есть фактором, детерминирующим структурирование материальных элементов государственновластной ответственности, является свобода выбора. В этом смысле можно сказать, что «свобода и ответственность – это две стороны одного целого – сознательной человеческой деятельности... ..Свобода порождает ответственность, ответственность направляет свободу» [104, с. 72]. Свобода, характеризующая всю человеческую деятельность, определяющая общество людей, обуславливает и выбор, в том числе, и выбор, как субъективный элемент материально-каузального

состава ответственности. Не осветив каузальную связь между выбором и свободой, невозможно понять причины, по которым выбор влечет за собой сначала вину, а затем и ответственность. Когда любой субъект осуществляет свою деятельность в условиях несвободы, он, по сути, не имеет выбора. Его поступки подчинены некому навязанному извне алгоритму. Таким образом, он лишается своей субъектности, превращается в объект стороннего воздействия, в инструмент, при помощи которого какой-то другой субъект добивается своей цели. Однако объект, средство, инструмент не могут нести ответственность за действия использовавшего их субъекта. Ответственности подлежит сам манипулятор, но не деталь от механизма манипуляции. И причиной, по которой фактор идентифицируется как субъект (несущий ответственность) либо как объект (не несущий ответственность) является фактором свободы. При отсутствии свободы отсутствует возможность выбирать. Государственная власть подлежит ответственности, только, если она вольна выбирать ту или иную политику. Когда государственная власть имеет возможность выбирать между нарушением и исполнением своей обязанности, ее негативный выбор становится субъективным элементом в материально-каузальном составе ответственности. А причиной, по которой негативный выбор входит в данный состав оказывается тот факт, что выбор был свободным. То есть свобода, – причина выбора, причина его виновности и, в конце концов, элемент общего характера в каузальном составе ответственности. В этом смысле «социальная ответственность (и ответственность государственной власти как разновидность социальной ответственности – О.А.) есть категория для обозначения меры свободного проявления социальным субъектом своей обязанности и права выбирать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [157, с. 8]. Таким образом, «свободное проявление обязанности выбирать» составляет ответственность, то есть является ее причиной, вернее одним из элементов каузального состава ответственности.

Выводы к разделу 5.

Анализ отношений между государственной властью и управляемым ею обществом указывает на то, что данные отношения не симметричны. Государственная власть изначально наделена большими возможностями, и играет более активную причинную роль. В контексте идеальной легитимности это накладывает на нее больший объем обязанностей: именно она должна совершать действия, вызывающие у народа поддержку. Поскольку в реальности идеальное удовлетворение социальных потребностей невозможно, действия государственной власти воспринимаются обществом как перманентно нарушающие (недостаточно хорошо исполняющие) указанную обязанность. Следовательно, она непрерывно подлежит привлечению к ответственности. Если социальная система устроена согласно оптимальной модели отношений, то к государственной власти применяется ответственность в виде склонения к реформам. Привлечение к реформативной ответственности представляет собой средство постоянной оптимизации отношений, сложившихся между государственной властью и обществом. Иначе говоря, реформативная ответственность – суть оптимального режима данных отношений. Фундаментальные свойства ответственности обусловлены ее причинно-следственной структурой, которая представляет собой систему каузальных связей между ее элементами. В целом, ответственность можно идентифицировать как структуру, вырабатываемую социальной системой в ответ на угрозы ее сохранности (и эндогенные, и экзогенные). Поэтому исследование реформативного режима на предмет оптимальности требует отдельно рассмотреть такой аспект ее детерминации (неизбежности), как ее причинная структура.

Данная структура состоит из следующих элементов (причин и следствий), каузальная связь между которыми является инвариантом реформативной ответственности: 1) материальных – фактических оснований (материала) ответственности; 2) процессуальных – правил и стадий, по которым структурируются материальные элементы, и которые отличают данную ответственность от революционной; 3) условий внешней среды, которые за счет

своей когерентности влияют на внутреннюю динамику социальной системы, в том числе и на процесс структурирования ответственности. Обрыв каузальной связи с любым из этих элементов влечет ненаступление ответственности, а значит, и остановку процесса оптимизации отношений между государственной властью и обществом.

Материальные элементы дифференцированы на политические и обязанностные. Обязанностные элементы представляют собой ее целевое предназначение, которое определяется как обязанность удовлетворять потребности управляемого ею социума. Политические элементы – это наносящие обществу вред (нарушающие обязанность) политические деяния государственной власти. Они делятся на субъектную причину (субъект действий (бездействия) – собственно государственная власть), объектную причину (неудовлетворенные потребности социума), объективную причину (политические деяния, нанесенный ущерб и каузальная связь между ними), субъективную причину (субъективное отношение государственной власти к составным частям объективной причины, включающее ее вину, цели и мотивы).

Процессуальные элементы классифицируются следующим образом: 1) создание инстанции ответственности – учреждение реформирующего субъекта в среде гражданского общества; 2) установление режима подконтрольности, при котором государственная власть вынуждена отвечать перед реформирующим субъектом; 3) сам ответ о показателях удовлетворения потребностей; 4) оценивание деяний государственной власти, осуществляемое реформирующим субъектом; 5) утрата государственной властью некоторой степени своей легитимности в результате негативного оценивания; 6) применение необходимых санкций (принуждение (в отличие от державного – неформальное и гораздо более мягкое) к соответствующим реформам).

К когерентным условиям внешней среды, наиболее сильно воздействующим на причинно-следственное структурирование ответственности, относятся наличие обратных связей и свобода выбора. В результате первого условия государственная власть получает от управляемого общества информацию о его потребностях и о

вреде, наносимом ее деяниями. Второе условие устанавливает, что она могла соблюсти свою обязанность, но намеренно этого не сделала. Эти элементы обуславливают виновность державной политики (субъективный элемент), являются причинами, по которым ее субъект подлежит ответственности, а значит, представляют собой неотъемлемую часть каузальной структуры данной ответственности.

Материальные и когерентные элементы присущи любой модели отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Процессуальные же элементы характерны лишь для реформативной модели. Если социальная система упорядочена в соответствии с этим аттрактором (если государственная власть проводит предложенные обществом реформы), то все причинные элементы ответственности в ней уже присутствуют, а каузальные связи между ними – достаточно устойчивы для того, чтобы обеспечить ее целостность и сохранение основных свойств. Значит, механизм оптимизации – реформативная ответственность – многократно апробирован, что подтверждается историко-логическим анализом. Таким образом, фундаментальное свойство реформативной ответственности, обуславливаемое ее каузальной структурой, – это ее неотвратимость. Подобный атрибут представляет собой существенный фактор детерминации и с необходимостью указывает на неизбежность реформативного режима, что можно рассматривать как весомое доказательство его оптимальности.

Раздел 6.

ОБЩИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕФОРМАТИВНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В УКРАИНЕ

В предыдущих разделах были исследованы некоторые (важные с точки зрения автора) аспекты взаимоотношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Теперь необходимо синтезировать выведенные выше положения применительно к украинским особенностям данных отношений. Идеальный образец социально-державных отношений выглядит так: государственная власть организует все множество человеческих стремлений в единую структуру, основной функцией которой является всенародное процветание [128, с. 263-266, 270-273] или, другими словами, удовлетворение потребностей, испытываемых всею социальной системой в целом. К сожалению, качество отечественных общественно-державных отношений далеко от идеального. Украина все еще находится на этапе перехода к демократии, то есть к такому режиму протекания отношений между социумом и государственной властью, когда удовлетворение потребностей народа (демоса) становится главной кратической задачей. На данной стадии достаточно велик риск того, что политические структуры (прежде всего те, которые образуют государственную власть) могут отвернуться от народных потребностей и забыть об исполнении своей первоочередной обязанности (удовлетворении данных потребностей) [163, с. 78-123].

Подобный исход вполне реалистичен. Государственновластные институты как разновидность социальных организмов обладают инстинктом самосохранения. Это означает, что им свойственно стремление законсервировать свое текущее состояние и обеспечивающие его условия окружающей социальной среды. Для данной среды, то есть для социальной системы, такая консервация чревата застоєм, отсутствием динамики – энтропией. Развиваясь на постсоветском пространстве (следовательно, и в Украине) «...этот процесс, снижая эффективность формальных институтов, созданных в 1990-х – начале 2000-х годов, одновременно способствует

стабилизации институциональной среды» [222, с. 6]. Таким образом, деятельность государственных структур оказывается результативной только для них самих, но не для украинского народа. А значит, обязанность государственной власти – удовлетворение потребностей общества (а не своих собственных) – была нарушена государственной властью. Ее политика уже нанесла ущерб социальным отношениям; каузальный состав государственновластной ответственности начал формироваться – его материальные элементы уже имеют место быть. «Страна безмерно настрадалась от безответственной власти, ее произвольных экспериментов. Сделать власть ответственной – необходимое предусловие спасения и благополучия общества» [186, с. 16]. Другими словами, преодолеть причиняемую государственной властью стагнацию, вернуть державу на путь исполнения своей обязанности можно, лишь сформировав состав ее ответственности до конца.

И этот процесс неизбежен, поскольку является одним из следствий универсального закона, определяющего бытие Вселенной, закона, который гласит, «что космос управляется разумом (своим собственным), что благодаря этому в общей картине мира мы ничего не видим, кроме совершенного» [224, с. 306]. И совершенствование государственной власти, даже в границах одной конкретно взятой страны, – необходимый и закономерный вклад во вселенскую гармонию. Закономерный, поскольку социальная система управляется собственным воплощением космического разума – социальным разумом. А значит, совершенствование этой системы – естественное следствие подобного управления, а совершенствование государственной власти – обязательная часть совершенствования, включающей данную власть социальной системы. Субъектом совершенствования может быть только тот, кто вступает в отношение с государственной властью, поскольку совершенствование – это разновидность подобного отношения. Совершенствовать, не вступая в отношения с объектом совершенствования – невозможно. Очевидно, что оговариваемым субъектом является управляемое государственной властью общество. И так же, как совершенствование государственной власти представляет собою часть совершенствования всей социальной системы, осуществляемая внутри общества

теоретическая разработка, представляет собой часть этого совершенствования. И хотя «теоретическая разработка – первый этап оптимизации, но не сама оптимизация», [118, с. 170] без нее совершенствование (оптимизация) не реализуемо. Настоящее исследование, в свою очередь, становится маленькой частью такой теоретической разработки.

Поскольку политические проступки уже были допущены государственной властью, привлечение ее к ответственности становится необходимой частью ее совершенствования. Безднаказанность порождает рецидив. Поэтому, только привлекая государственную власть к ответственности, можно предупредить совершение ею деяний, мешающих совершенствованию социальной системы, препятствующих общественному прогрессу. Власть, не допускающая антинародных действий, сама приближается к идеалу. И чем меньше она склонна к подобным актам, тем она совершенней.

Таким образом, управляемое социальным разумом общество (и ведомое этим разумом к совершенству) не имеет другого выхода, кроме как совершенствовать свою государственную власть, привлекая ее к ответственности за антисоциальную политику. Как было отмечено в предыдущей главе, подобная политика причиняет одно из двух эволюционных следствий: революционное либо реформативное изменение государственной власти. И претворять эти изменения в жизнь – совершенствовать государственную власть – должно управляемое ею общество. Перед социумом встает выбор – какой способ воздействия на власть предпочтительней, революционный или реформативный. Выбор этот носит экзистенциальный для социума характер, поскольку его последствия могут быть катастрофическими и необратимыми. Попытка совершенствования может привести к противоположному результату – обрушению всей социальной системы. Предотвратить столь неблагоприятный исход необходимо еще на стадии теоретической разработки. Именно в возможности прогнозирования последствий заключается ценность данного этапа. Поскольку в рассматриваемом властном отношении (отношении, в котором общество изменяет государственную власть), субъектом оказывается украинский народ, у последнего нет другого выхода, кроме

как действовать в соответствии с алгоритмом «предиктор-корректор» [64, с. 85-87]. При этом, и прогнозирование последствий, и коррекция прогноза должны осуществляться в рамках проводимой обществом научной разработки. Таким образом, достаточно полная и объективная научная разработка является залогом единственно-правильного выбора, который должен сделать социум в пользу одного из вариантов изменения государственной власти. Ошибка, допущенная в ходе подобного прогнозирования, может оказаться роковой. Поэтому качественное прогнозирование должно основываться на максимально полных и объективных представлениях о сути как революционных, так и реформативных изменений, как радикального нигилизма, так и поступательного реформирования. В противном случае общество будет «...принимать за луну палец, который всего лишь указывает на нее» [201, с. 56], а осуществляемый выбор будет столь же ошибочен, сколь неверны, лежащие в его основании представления.

Представления о революционном и реформативном способах воздействия на государственную власть были рассмотрены в предыдущих главах. Спрогнозировать революцию практически невозможно. И это стало основной причиной, по которой авторская позиция склонилась в сторону эволюционного реформативного пути. Кроме непредсказуемости, у революции есть и другое (подробно описанное П. Сорокиным) свойство, без осознания которого невозможно сложить о ней достоверное мнение. Этим свойством является стирание «исторической памяти» [56, с. 170] – стремление считать текущую революцию началом истории. Представление о революционном способе воздействия обязательно должно включать в себя данное свойство. Равно, как и его возможные последствия. Народ, лишенный «исторической памяти», лишен и опыта, необходимого для объективных рассуждений о себе, своих потребностях, своем будущем. Представления такого социума являются удобным объектом для манипулирования. Таким людям можно навязывать любые представления даже абсолютно несоответствующие социальной действительности. Некоторые авторы приводят исторические примеры подобной масштабной подмены понятий, имевшие место в «странах Южного конуса» [89, с.

140-141]. В таких случаях изменения государственной власти несли в себе не удовлетворение общественных потребностей, а, наоборот, их тотальное попрание.

«Историческая память», являясь основой народного самосознания, оказывается необходимым условием его (народа) субъектности – способности не быть объектом чужих манипуляций, а, наоборот, самому производить изменения, объектом которых выступает государственная власть, и от которых зависит его благополучие. «Непрерывная цепь прогресса в человечестве держится осознанной преемственностью ее звеньев. Пока что только создается будущая целостная общность, сам прогресс ее создания требует взаимной моральной связи поколений, из-за которой одно не только идет следом за другим, но и наследует его» [195, с. 435]. Необходимая для прогресса непрерывность, тянущееся из прошлого через настоящее в будущее, совместима, скорее с эволюционным реформативным вариантом привлечения государственной власти к ответственности. Революционный же способ, напротив, угрожает разрывом цепи прогресса, так как ему свойственно стремление отказаться от прошлого. И мы, украинцы, должны учитывать этот недостаток революционного пути, равно, как и указанное достоинство реформативного пути, еще на стадии теоретической разработки.

«В нравственном отношении причиной события представляется власть; в физическом отношении – те, которые подчиняются власти. Но так как нравственная деятельность немыслима без физической, то причина события находится ни в той, ни в другой, а в соединении обеих» [208]. Однако в рассматриваемом случае причиняемым «событием» является изменение государственной власти. Осуществление такого «события» и в «нравственном» и в «физическом» отношениях ложится на плечи «тех, которые подчиняются власти» – на плечи украинского общества. Подобная, двойная, субъектность требует для своей реализации больше, чем просто сохранение «исторической памяти». (Учитывая непредсказуемость революционных изменений, а также их потенциальную несовместимость с сохранением «исторической памяти», а значит, и народной субъектности, как таковой, – далее настоящее исследование будет сконцентрировано исключительно на реформативных изменениях). Народной

(существующей для народа) государственная власть может стать только благодаря культурным особенностям самого народа [207, с. 237]. Эти особенности могут формироваться лишь при условии сохранения «исторической памяти» и вместе с нею становятся факторами, определяющими субъектность общества, когда оно вступает в реформативное отношение с государственной властью. Указанные особенности проявляют себя «...в относительно стойкой, исторически сложившейся, системе социальных связей, ценностных ориентаций, норм общественного поведения» [111, с. 97], другими словами, в качествах, которыми характеризуется гражданское общество.

«Гражданское общество – социальная система, в которой функции целого осуществляются через взаимодействия автономных индивидов, то есть граждан, с учетом размерности их бытия, их прав, обязанностей, возможностей, интересов. Таким образом, как реальный «механизм» вырабатывается в ходе социальной эволюции по мере того, как стандарты человеческих взаимодействий выявляют свою подконтрольность и зависимость от сил и способностей кооперированных общественных индивидов. Подсистемы общества, структуры, институты, социальные позиции обнаруживают «прямую» связь с индивидуальной и совместной деятельностью людей, с ее общими измерениями. Зависимость же индивидов от позиций, институтов и подсистем общества оказывается «обратной» связью, определяемой изменениями общества. Таким образом, индивидуальное бытие людей становится практически действующей социальной силой, обуславливающей эффективное разделение и интеграцию общества как системы связей» [85, с. 103-104]. Разновидностью таких связей являются исследуемые в настоящей работе взаимоотношения между государственной властью и управляемым ею обществом, в частности реформационное отношение, – когда социум преобразует государственную власть. И субъектом, обуславливающим данную связь (причиняющим ее установление и реализацию) оказывается «индивидуальное бытие», которое на определенной стадии социальной эволюции превращается в гражданское общество. Именно от него институт государственной власти «выявляет свою подконтрольность и зависимость». Таким образом, на текущем этапе исторического

развития субъектной причиной государственновластной ответственности (в ее реформативном формате) становится гражданское общество.

Именно на этом этапе находится современная Украина. А значит, только развитие гражданского общества может привести причинно-следственную цепочку нашего прогресса к позитивным эволюционным результатам – к реформированию руководящей нами государственной власти в духе удовлетворения наших потребностей. Основным свойством гражданского общества является его свобода. Если точнее, отношения, образующие гражданское общество, должны быть свободны от государственного регулирования. Это отношения в области как материального, так и нематериального человеческого бытия, устанавливаемые в результате свободного и самостоятельного волеизъявления вступающих в них индивидов [63, с. 30]. Причинным основанием гражданского общества, то есть не подлежащих государственному контролю межиндивидных отношений, оказывается та (рассмотренная в предыдущих главах) ключевая роль, которую играет свобода для взаимоотношений между государственной властью и управляемым ею социумом. Государственная власть оставляет вне сферы своего вмешательства некоторую часть общественных отношений. Эта доля независимости удовлетворяет человеческий инстинкт свободы. И вместо революционализации социум использует ее для формирования гражданского общества, то есть для структурирования отведенного ему лимита в развитую систему самоуправляемых им отношений. Таким образом, субъектность изначально заложена в феномене гражданского общества в виде независимости от государственной власти. Значит, для того, чтобы быть субъектом в отношениях с государственной властью, украинский народ должен развивать внутри себя гражданское общество, а для этого он должен правильно структурировать выделенный ему объем свободы.

Для того, чтобы развивать украинское гражданское общество, указанную свободу нужно структурировать в определенном направлении. Только так можно создать в себе субъектную причину государственновластной ответственности. Процветающие народы пошли по пути формирования недержавных организаций, предназначенных для постоянного мониторинга государственновластной

активности [186, с. 19]. Подобные структуры необходимы для того, чтобы установить режим подконтрольности и подотчетности в отношениях с государственной властью. Без этого каузального элемента ответственность государственной власти не может достигнуть полноты своего состава, а значит, становится неосуществимой. Западным странам вообще свойственен паритет в отношениях между различными социальными институтами [242, р. 40-54], в том числе, когда одним из институтов является государственная власть. Очевидно, что мониторинговые организации – один из факторов обуславливающих данный паритет. Поэтому украинскому народу следует реализовывать свою свободу, создавая и совершенствуя сигнальную систему (систему, сигнализирующую о вредоносных проявлениях государственновластной политики) негосударственных организаций, которые должны войти в гражданское общество в качестве обязательного и немаловажного сегмента.

Однако перенятие положительного иностранного опыта – не единственное направление, в котором необходимо развивать гражданское общество. Целесообразно также культивировать институты, которые уже давно являются частью отечественных отношений между социумом и государственной властью, но, функционируя лишь формально, не представляют для данных отношений должного значения. Речь идет, прежде всего, о профсоюзах, а также о некоммерческих общественных организациях. Для гражданского общества подобные структуры играют незаменимую роль. И развивать последнее возможно только при условии актуализации их потенциала. Соблюдение этого условия обязательно для того, чтобы гражданскому обществу был присущ статус субъекта в производственных, трудовых и других экономических (и не только экономических) отраслях взаимоотношений с государственной властью.

Таким образом, наличествующая у социума свобода как основа его субъектности изначально ограничена необходимостью осуществлять деятельность, без которой невозможно сохранить ни субъектность, ни саму свободу. Налицо еще одно социальное воплощение универсального закона единства и борьбы противоположностей. Свобода общества для того, чтобы быть, нуждается в

несвободе, в давящей над ней необходимости трудиться. Работать, чтобы сохранять себя в качестве свободного субъекта – в качестве гражданского общества. Человеческая реальность такова, что быть гражданским обществом – это искусство, которое требует от социума значительных знаний и навыков. И овладеть этим искусством, воспитывать в себе гражданское общество получится, только приобретая и апробируя эти знания и навыки на практике – в отношениях между индивидами и между составленным данными индивидами народом и государственной властью. Искусство быть гражданским обществом можно освоить, лишь вступая в необходимые для этого отношения, неизменным участником которых является государство [5, с. 22]. Такая непрерывная тренировка (вырабатывание качеств гражданского общества) является залогом самосовершенствования – воспитания в себе неоспоримой субъектности в реформативных отношениях с государственной властью.

Деятельность, направленная на развитие гражданского общества должна быть осмысленной и разумной. Разумность организации отношений между свободными индивидами является неотъемлемым свойством гражданского общества. Это свойство отличает гражданское общество от неосмысленной человеческой массы, от толпы. «Толпа – согласно В.Г. Белинскому – есть собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету» [147, с. 33]. Гражданское общество противоположно толпе. В отличие от последней оно представляет собой ассоциацию свободных индивидов, живущих и рассуждающих не «по преданию и авторитету», а по велению разума, который объективно отражает социальную действительность и моделирует адекватный ей образ действий. Толпа не может быть субъектом во взаимоотношениях с государственной властью. Наоборот, вследствие своей слепой, неразумной веры в «предания и авторитеты», она является несамостоятельной, зависимой от тех иллюзий и указаний, которые навязывает взаимодействующий с ней субъект (в нашем случае – государственная власть). В отношениях с государственной властью толпа, скорее, играет роль объекта, а не субъекта.

Не быть объектом, но быть субъектом равнозначно тому, чтобы не быть толпой, но быть гражданским обществом. Для этого любой народ должен

поддерживать и развивать в себе эту энергию, ту искру разумности, которая превращает толпу в гражданское общество. Такая разумность должна стать неотъемлемым свойством народной ментальности. Другими словами, ментальность народа должна содержать в своем ядре разумность, осознание необходимости в свободе и субъектности, то есть должна быть структурирована в соответствии с качествами гражданского общества. И украинскому народу следует формировать у себя такую ментальность для того, чтобы быть гражданским обществом, поскольку наша ментальность во многом сохраняет признаки толпы.

От подобного мировоззрения существует действенное противоядие. В его основе лежит философия. Последняя носит, бесспорно, элитарный характер, а формируемая ею ментальность становится матрицей дальнейшего социального развития [228, с.12-13]. Элита *aristocri* противоположна массе, а философствующая элита – толпе. Следовательно, философия как элитарное занятие противоположна тому, что свойственно толпе. А значит, чтобы не быть толпой необходимо заниматься философией. Изложенные рассуждения приводят к двум заключениям. Во-первых, для того, чтобы преодолеть синдром толпы в рамках украинской ментальности нужно формировать философию гражданского общества. Последняя будет создавать и осмысливать модальности свободы, разумности, субъектности – генерировать гражданское общество изнутри. Во-вторых, ядро гражданского общества должна составить элита, занимающаяся такой философией. Вследствие своей генетической несовместимости с толпой – с зависимой, несамостоятельной, руководствующейся навязанным, неосознанным мировоззрением массой – подобное ядро будет притягивать к себе только свободных, разумных, стремящихся к субъектности индивидов, будет генерировать отношения между ними, будет концептуализировать данные отношения. Концепция же гражданского общества, разработанная с учетом местных, украинских, особенностей, станет для народной ментальности структурирующим началом.

Еще одним средством, которое вместе с философией противодействует мировоззрению толпы и способствует его трансформации в ментальность гражданского общества, является история. «История – это коллективная память

народа, источник нравственности и национального самосознания, источник преемственности поколений. Воспитательный уровень исторических знаний реализуется в процессе обучения в средней и высшей школе через учебные программы, планы, учебную литературу и деятельность преподавателей. Их задача – формировать граждан своей страны, воспитывать любовь и уважение к ней. Нейтральной истории не бывает. Она во многом способствует превращению толпы в нацию, способствует укреплению государства. Национально ориентированное, серьезное государство нигде не пускает на самотек процесс формирования трактовок исторических событий» [91, с. 45-46]. Не должны их пускать на самотек и свободные разумные индивиды. История («трактовка исторических событий»), будучи «источником национального самосознания», оказывает непосредственное влияние на народную ментальность. В истории каждого народа имеются примеры борьбы с попирающей его потребности государственной властью. И примеры, венчающего эту борьбу привлечения державы к революционной либо реформативной ответственности. Подобные примеры вдохновляют индивидов быть свободными от влияния государственной власти, быть воздействующими на нее субъектами. Таким образом, история представляет собой корневую систему, из которой ментальность гражданского общества произрастает, и без которой она попросту не может появиться. В украинской истории было достаточно событий, правильная трактовка которых может стать основой для формирования ментальности отечественного гражданского общества. Значимость подобных толкований заставляет выделить роль, которую играют для развития гражданского общества историки. Если философы разрабатывают концепцию гражданского общества, то историки создают пространственно-временную канву для данной разработки. Создавая ментальность гражданского общества, историки наряду с философами являются его генераторами – необходимым элементом субъектной причины, позволяющей привлекать государственную власть к реформативной ответственности – а значит, и фактором, заставляющим державу удовлетворять социальные потребности. Отсюда несложно сделать вывод о том, каким должно

быть отношение украинцев к философскому и историческому знанию и к носителям этого знания.

Рассмотрев изменения, необходимые отечественному субъектному элементу государственной ответственности, обратимся к метаморфозам, которым стоит подвергнуть объект данной ответственности. Подобно развитию гражданского общества реформирование украинской государственной власти должно протекать по нескольким направлениям.

Первым и главным направлением является заполнение государственной власти кадрами, которые обладают качествами, необходимыми для удовлетворения социальных потребностей. Институционализация государственной власти, осуществляемая через комплектование ее штата, – неременный этап ее реформирования. «Социальный аспект институционализации связан с формированием системы отношений между людьми, которые определяют себя профессионалами в данной предметной отрасли» [74, с. 9]. Реформативная институционализация государственной власти должна быть связана с внедрением в ее состав профессионалов в области удовлетворения общественных потребностей. При этом, очень важно, чтобы особенности удовлетворения потребностей именно украинского народа являлись обязательной частью их профессионализма.

Существует только один способ реформативной институционализации государственной власти. Народовластие (режим протекания властных отношений, при котором субъектом оказывается общество) проявляется в выборах [5, с. 21-22; 210, с. 2-18]. Выборы – инструмент реформ, средство, с помощью которого представителями государственной власти становятся профессионалы. Следовательно, старая государственная власть эволюционирует и перерождается в новую, более квалифицированную. Однако для того, чтобы воспользоваться этим инструментом в полной мере, для того, чтобы достигнуть той цели, для которой он предназначен (кадровая оптимизация государственной власти), социум должен обрести необходимый объем субъектности. Составляющие гражданского общества индивиды должны развить в себе такой аспект свободы, как независимое, самостоятельное мышление. Степень их разумности должна быть достаточной для

того, чтобы осуществляемый ими выбор характеризовался как осознанный и объективный. Таким образом, прежде чем провести выборы, формирующие качественную государственную власть, украинский народ должен создать внутри себя субъектную причину, имеющую достаточный реформативный потенциал.

Индивиды, основываясь на своей свободе и разумности, должны выявлять в общей массе кандидатов на места в государственной власти тех, которые соответствуют определенным критериям. Этим кандидатам они и должны отдать предпочтение на выборах. Эти кандидаты и должны стать носителями государственной власти. Критерии, детерминирующие народный выбор, весьма разнообразны. Однако все они консолидируются в рамках одного мета критерия – будущие представители государственной власти должны быть профессионалами в удовлетворении какого-либо сегмента социальных потребностей. Из таких вот претендентов на посты в государственной власти, каждый из которых является профессионалом в своей области, общество и должно составить мозаику удовлетворения своих потребностей. Таким образом, государственная власть, соответствующая народному спросу может быть только элитарной. «Элита – наиболее видные представители какой-л. части общества...» [190, с. 582]. В данном случае под «какой-либо частью общества» следует понимать сообщество профессионалов, специализирующихся в удовлетворении социальных потребностей (какой-нибудь их отрасли). И в государственную власть необходимо выбирать «наиболее видных» из этих профессионалов.

В основе метакритерия (профессионализма в удовлетворении потребностей) лежат индивидуальные качества, которые социум в обязательном порядке должен выявлять у избираемых кандидатов. Не обладая такими качествами, должностное лицо не будет исполнять свои обязанности как представителя государственной власти. Следовательно, от наличия либо отсутствия данных свойств зависит, стоит ли допускать определенного президента к отправлению государственновластных полномочий.

Прежде всего, к обсуждаемым качествам относится особого рода воля – «...социальный аспект способности человека целеустремлять деятельность на

достижение общественнозначимой цели, осуществлять саморегуляцию собственных психических и умственных способностей» [152, с. 91] Другими словами, избираемое в государственную власть лицо должно обладать волей к исполнению главной державной обязанности – к удовлетворению социальных потребностей. Подобное стремление служит движущей силой для осуждаемого профессионализма. Без нее любые знания и навыки оказываются бесплодными. Именно она побуждает носителей государственной власти трудиться на благо народа. Труд, вообще, определяется как выполнение общественно полезной работы [214, с. 468]. Для представителя государственной власти эта работа заключается в осуществлении масштабных, имеющих всенародное значение, актов, направленных на удовлетворение социальных потребностей. Способность работать в таком формате, то есть трудиться на благо жителей своей страны, является следующим качеством, лежащего в основе избирательного метакритерия.

Социум представляет собой сложную открытую нелинейную саморазвивающуюся систему. Данная система подвержена бесконечным флуктуациям, вследствие чего функционирует в перманентном режиме «вызов-ответ». «В случае, если «ответ» не найден, в социальном организме возникают аномалии, которые накапливаясь, приводят к «надлому», а затем и к дальнейшему «распаду». Выработка адекватной реакции на изменение ситуации есть социальная функция так называемого творческого меньшинства, которое выдвигает новые идеи и самоотверженно проводит их в жизнь, увлекая за собой остальных» [206, с. 24]. Наиболее целесообразно (с точки зрения стабильности всей социальной системы), чтобы этим «творческим меньшинством» оказались представители государственной власти, поскольку именно они руководят обществом, а значит, обладают всеми необходимыми силами и средствами для своевременного выявления «вызовов» и формирования требуемого «ответа». Таким образом, творчество идентифицируется как неотъемлемая составляющая той работы, которую кандидаты в государственную власть должны будут выполнять во благо общества после своего избрания. Следовательно, творчество (способность творить) относится к тем качествам, которые лежат в основе метакритерия, определяющего пригодность либо

непригодность тех или иных претендентов к вхождению в государственную власть. Это еще раз подчеркивает объективно необходимую элитарность последней. Каждое творческое социально значимое деяние совершается либо отдельной личностью, либо «творческим меньшинством» [259, р. 214]. Наиболее видные профессионалы и так представляют собой меньшинство по сравнению с общей массой желающих приобрести государственновластные полномочия. А те из них, кто владеет творческим потенциалом достаточным для выработки «ответа» на флуктуационные «вызовы», и вовсе единичны. И субъект, реформирующий государственную власть, – электорат – вынужден отталкивать подобный эксклюзив среди кандидатов. Стоящая перед избирателями задача оказывается трудноразрешимой: среди всех претендентов необходимо отобрать тех, кто лучше остальных освоили знания и навыки, требуемые для удовлетворения общественного спроса, тех, кто интенционально стремятся трудиться (реализовывать свой профессионализм) на пользу социума, имеют для этого достаточные творческие способности. Однако для жителей Украины эта проблема вполне преодолима. Трудолюбие и творческая энергия нашего народа являются общеизвестными, не подлежащими сомнению фактами. А значит, выделить среди украинцев достойную управлять обществом элиту – вполне достижимая цель. Правда, для ее осуществления необходимо применить те же качества (воля, трудоспособность, творческий подход) к развитию внутри себя реформативного субъекта – гражданского общества.

Однако, привлекая государственную власть к реформативной ответственности, реформируя ее этот субъект должен учитывать, что «творческая работа (а именно такова работа управления) вряд ли возможна лишь под угрозой санкций уже по той причине, что страх наказания неминуемо сковывает творческую инициативу, нередко (особенно в хозяйственной деятельности) связанную с разумным риском» [126, с. 230]. Творческий аспект государственновластной деятельности налагает табу на определенные разновидности режимов, в которых общество может привлекать государственную власть к реформативной ответственности. В предыдущих разделах даже отмечалось, что творчество

неотделимо от свободы. Свобода является необходимой предпосылкой творчества. Следовательно, осуществлять «творческую работу» возможно только в режиме, обеспечивающем для этого достаточную свободу. Режим, не представляющий государственной власти нужную для творчества степень свободы, будет лишь мешать ей эффективно руководить социумом. Чрезмерно ограниченная в своей свободе элита не сможет реализовать свой творческий потенциал. А значит, ни профессионализм, ни воля работать для народа не воплотятся в «ответах» на флуктуационные «вызовы». Таким образом, если украинское общество изберет для себя путь давления на государственную власть, оно рискует расшатать собственную стабильность, нарушить собственное благополучие. Тирания, вне зависимости от того, кто является ее субъектом (представители государственной власти или народа), расценивается как негативное явление.

Держава и социум – два полюса в системе общественных отношений. Их дуализм рождает свободных индивидов [92]. Входя в структуру государственной власти, те из них, кто обладает описанными выше элитарными качествами, привносят в нее не только свои профессионализм, волю, творчество, но и свою свободу. И попытка нивелировать эту свободу влечет за собой уничтожение творчества, без которого профессионализм, воля и труд не достигают своей общественно значимой цели. Свобода как залог державной эффективности требует от украинцев, чтобы реформирование государственной власти проходило в рассмотренном в предыдущих разделах компромиссном режиме, когда оба субъекта (и украинский народ, и государственная власть) предоставляют друг другу тот объем свободы, который необходим для достижения общего блага.

Компромиссный режим привлечения государственной власти к ответственности предполагает персональный подход. За общественно вредную политику должны отвечать лишь те государственновластные деятели, которые виновны в ее осуществлении. И даже с каждым из них необходимо разбираться отдельно. Избирая меру ответственности, нужно исследовать соотношение между профессионализмом обвиняемого, его волей к общественно полезному труду, творческими способностями, – с одной стороны и допущенным социально опасным

поступком, – с другой стороны. Если подобное сопоставление выявит, что державная деятельность обвиняемого оценивается больше как позитивная, чем как негативная, то совершенно необязательно реформировать государственную власть, изгоняя нарушителя из ее рядов. Такое лицо целесообразней оставить в системе управления, а меру ответственности для него следует определять индивидуально, учитывая при этом, что «...для кого-то значимым является, за что он отвечает, для кого-то – перед кем отвечает, для кого-то – что ему угрожает за нарушение и насколько реальна данная угроза...» [113, с. 36]. Принимая во внимание данные факторы (соотношение общественной полезности и вредности, индивидуально-психологическое отношение к своей ответственности), избираемая мера ответственности может быть довольно мягкой и вместе с тем достаточно действенной. В частности, если в основе нанесенного политическим актом ущерба лежит недостаток профессионализма, мера ответственности может быть связана с обязыванием нарушителя заняться профессиональным самосовершенствованием либо с перемещением его на тот уровень государственновластной структуры, который соответствует его знаниям и навыкам [126, с. 232-233].

Как видно, компромиссный вариант взаимоотношений между государственной властью и обществом, в том числе, его сущностное проявление – реформативное воздействие на государственную власть, привлечение ее к реформативной ответственности – может быть достаточно лояльным и не потерять при этом своей эффективности. Его преимущества (по сравнению с бескомпромиссным, революционным, радикальным) были рассмотрены в предыдущих разделах. Также ранее было проанализировано чувство меры как обязательное условие, не соблюдая которое, государственная власть не обретет легитимность. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что чувство меры является необходимым условием не только для легитимности, но и для безопасного протекания отношений между державой и социумом вообще. Нарушение меры равнозначно нарушению компромиссного режима в указанных отношениях. Негативные последствия, причиняемые конфликтизацией державно-социальных отношений, были отмечены выше. Для того, чтобы их избежать, не

только государственная власть должна соблюдать чувство меры по отношению к обществу, но и общество вынуждено оставаться в пределах меры во время воздействия на государственную власть. Безмерность противоречит самой сути реформирования, поскольку является свойством противоположных ему радикальных социальных процессов. Умеренность представляет собой характерную черту украинского народа. А значит, соблюдение чувства меры, требуемого для компромиссного режима державно-общественных отношений, для реформ, посредством которых государственная власть привлекается к ответственности, – является для нас, украинцев, наиболее органичным и приемлемым аспектом взаимодействия с правящей элитой. Следовательно, консенсус с государственной властью, реализуемый в форме ее эволюционного реформативного изменения, для нас естественен и представляет собой аутентичный вариант сосуществования с нею.

Реформирование государственной власти посредством улучшения ее кадрового состава, замена тех ее представителей, которые не справляются с удовлетворением общественных потребностей, на более квалифицированных – процесс перманентный. Человеческий фактор обрекает феномен государственной власти подчиняться закону «вечного возвращения». Своекорыстие, тщеславие, карьеризм заложены в глубине человеческой природы. Они представляют собой появление животных инстинктов, при помощи которых наши примитивные предки боролись за «место под солнцем». Поэтому среди лиц, стремящихся влиться в государственную власть, всегда будут такие, которые расценивают ее в качестве главного ресурса, завладев которым они смогут удовлетворять свои личные потребности. Интересы общего блага для них чужды. Привлекать к ответственности государственную власть, насыщенную подобными субъектами, лишать их незаслуженных ими высоких полномочий – это необходимость, с которой гражданское общество будет сталкиваться непрерывно.

Но существует еще один способ подвергнуть государственную власть качественным внутренним изменениям. И хотя его реализация возможна лишь в долгосрочной перспективе, тем не менее ее результаты, в отличие от кадрового очищения, имеют свойство окончательных и не требуют постоянного обновления.

Речь идет о значительном увеличении той роли, которую играет местное самоуправление в структуре государственной власти. «Так или иначе, социализм (а социализм в контексте настоящего исследования можно определить как такой режим отношений между обществом и государственной властью, при котором последняя функционирует исключительно для того, чтобы удовлетворять потребность первого – О.А.) должен будет сделаться более народным, более приблизится к форуму (народному вече), чем представительное правление. Он должен будет менее зависеть от представительства и подойти ближе к самоуправлению» [120, с. 102]. Самоуправление является более предпочтительной формой отправления власти с точки зрения удовлетворения общественных потребностей, поскольку здесь исполнение данной обязанности напрямую зависит от самого носителя потребностей, то есть от социума. К тому же при таком образе властной организации открывается возможность учитывать потребности разномасштабных социальных групп – от всенародных до потребностей наименьших общин и даже коллективов.

Однако не следует отождествлять самоуправление с абсолютно прямым народовластием. Его нельзя воспринимать как нечто схожее с той разновидностью самоуправления, которая практикуется в разных неправительственных организациях и объединениях. По сути, его можно охарактеризовать как еще одну ветвь государственной власти, которая совместно с другими ветвями формирует целостную государственновластную систему [23, с. 46].

Исторически сложилось так, что самоуправление всегда играло важную роль в восточнославянских культурно-институциональных процессах [61, с. 142]. Результаты этого социально-эволюционного развития видны и в современной Украине. В частности, статус органов местного самоуправления закреплен в основном законе нашего государства [99]. Однако та модальность, в которой функционирует нынешнее отечественное самоуправление, не удовлетворяет потребности региональных общин. Следовательно, данная ветвь государственной власти подлежит привлечению к реформативной ответственности как нарушающая свою основную обязанность. И содержанием реформ должны стать пересмотр и

значительное (но поэтапное) расширение полномочий органов местного самоуправления.

Реформирование государственной власти (привлечение ее к реформативной ответственности) включает в себя не только качественное изменение ее структуры. Для того, чтобы устранить вредные последствия, нанесенные обществу девиантной державной политикой, недостаточно одной лишь кадровой реорганизации. Помимо этого, необходимо определить, какова должна быть правомерная (удовлетворяющая потребности украинского народа) политика. Дальнейшее исполнение государственной властью своей основной обязанности должно значительно лучше отслеживаться субъектом, налагающим ответственность – отечественным гражданским обществом. Для этого, указанный в предыдущем разделе режим подконтрольности и подотчетности должен быть оптимизирован. И первым этапом его совершенствования является уточнение главной государственновластной обязанности. Удовлетворение наших потребностей должно быть конкретизировано и представлено в виде достаточно ясной и четкой стратегии. Дефинирование и систематизация фундаментальных державных обязанностей облегчает гражданскому обществу его задачу – надзор за государственной властью, выявление совершаемых ею политических нарушений, своевременное предотвращение причиняемых ими вредных последствий.

В соответствии с марксистской концепцией первым блоком стратегических требований, предъявляемых к государственновластной политике, является экономический (базис социальной жизни оказывается именно экономическим). Похожих взглядов придерживаются и ученые США. По их мнению о качестве социальной жизни (о степени удовлетворения общественных потребностей) можно судить, исходя из показателей экономического прогресса [13]. Более близкий украинскому менталитету представитель восточно-славянского сциентифического пространства Н.Г. Чернышевский еще в позапрошлом веке говорил о социально направленном экономическом развитии как об обязательной составляющей державной политики [15, с. 34-35].

Однако процессы, происходящие в современном отечественном экономическом базисе можно охарактеризовать не как прогрессивные, а, скорее, как застойные. Еще в начале XXI столетия эти процессы были направлены больше в сторону количественного увеличения, а не в сторону улучшения качества. И уже тогда данный способ производства в значительной степени утратил свою продуктивность [121, с. 3]. В середине второй декады нынешнего века ситуация изменилась мало. Экономика продолжает оставаться преимущественно экстенсивной. При этом, одним из наиболее беспощадно эксплуатируемых ресурсов оказывается украинский народ. Многочисленные налогоплательщики, находящиеся в основании экономической пирамиды, работают для того, чтобы удовлетворять потребности ее верхушки. Такова структура «толпо-элитарного общества» [196, с. 35]. Структурирующим фактором здесь являются экономические отношения, а именно способ распределения собственности. В соответствии с данным базисом строится взаимодействие между нижним и верхним социальными классами. К сожалению, отечественная экономика организована так, чтобы отношения между классами складывались по «толпо-элитарному» образцу. Элиту в данном случае представляют не наиболее видные профессионалы, специализирующиеся на удовлетворении общественных потребностей, а наиболее крупные собственники. Средний же класс, который мог бы уравновесить распределение удовлетворения потребностей между малочисленной элитой и многочисленным народом, в Украине так и не сформировался. Вернее, степень его развития недостаточна для восполнения подобной балансирующей функции.

Одним из наиболее очевидных доказательств того, что украинская социальная система отягощена извращенным, «толпо-элитарным», наполнением, является порабощающая народ и обогащающая имущественную элиту общегосударственная кредитная политика. Еще на заре демократической государственности подобная направленность экономических отношений была заклеяна как патологическая, нарушающая гомеостаз социального организма: «с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые таким образом утрачивают то свое назначение, ради

которого они были созданы: ведь они возникали ради меновой торговли, взимание же процентов ведет к росту денег. Как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных же знаков. Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» [16, с. 395].

Естественно, содержанием экономической стратегии реформирования должен стать поворот народного хозяйства в сторону удовлетворения его (украинского народа) потребностей [114, с. 61-62]. Данную стратегическую цель необходимо конкретизировать в уточняющих ее задачах, которые задавали бы направления для социально-экономического реформирования Украины. Исследование соответствующей научной литературы (например, [70, с. 63-66; 86, с. 87-93; 151, с. 56; 204, с. 150-173]) позволяет определить и систематизировать эти взаимосвязанные и предполагающие друг друга задачи. Задачей наиболее сложного теоретического уровня является разработка планов экономического развития и комплекса мер, обеспечивающих их выполнение. От качества этих планов, и мер от их реалистичности, соответствия объективным возможностям реформируемой государственной власти зависит то, насколько успешно будут решены остальные стратегические задачи. Вслед за разработкой планов должны идти организация их осуществления и контроль за таким осуществлением. Наиболее актуальным для украинской экономики аспектом планирования, а значит, и одной из главных стратегических задач, оказывается проведение децентрализации. Однако передавая на места экономические полномочия, важно не ослабить центральную государственную власть сверх меры. Экономическая вертикаль должна сохранять определенную степень жесткости. Таким образом, задача децентрализации неразрывно связана с соблюдением равновесия – лишать экономических полномочий государственную власть можно ровно до тех пор, пока это не начинает угрожать ее функционированию как общегосударственного экономического регулятора. Ведь вслед за нарушением данной функции дестабилизируется и экономика всей страны в целом и каждого ее региона в отдельности. Не менее значимой по сравнению с децентрализацией, и органично с ней взаимосвязанной задачей является планирование в сфере товарооборота. Оно должно производиться

как в масштабах всей страны, так и на уровне локальных рыночных отношений. Товарооборот должен быть регламентирован даже на нижних ступенях. Механизм соперничества между лицами, предлагающими товар, должен быть отлажен в соответствии со спросом. И сделано это должно быть с учетом особенностей каждой конкретно взятой местности и разновидности экономических отношений. Борьба за долю рынка, противоречия интересов в области производства сбыта, торговой деятельности не должны выходить за рамки удовлетворения социальных потребностей. Обогащение рыночных конкурентов должно быть остановлено, как только оно начинает мешать общему благу (удовлетворению потребностей украинского народа). Именно поэтому планирование обязано учитывать все уровни товарооборота. Однако интересы общего блага требуют, чтобы планирование было умеренным и не превращалось в зарегулирование, которое, наоборот, сковывает рыночные отношения, а значит, и препятствует удовлетворению общественного спроса. Предыдущие задачи (децентрализация и управление системой спрос – предложение) не могут быть решены без эффективного, с точки зрения удовлетворения социальных потребностей, перераспределения собственности. Последнее рассматривается как самостоятельная стратегическая задача. Речь, конечно же, идет о мягком, поступательном, производимом исключительно легальными и легитимными экономическими мерами перемещении собственности. Если чрезмерная концентрация собственности в каком-либо месте препятствует достижению общего блага, то ее необходимо направить туда, где она будет приносить наибольшую пользу. Здесь возникает такая задача, как развитие украинского среднего класса. Его представители обязательно должны занять свою уравнивающую нишу между крупнейшими и наимельчайшими собственниками. Без этого стабилизирующего экономические отношения распределения ни децентрализация, ни рыночное планирование невозможны. В условиях экономического дисбаланса, когда ресурсы сосредоточены у крупных собственников, децентрализация не будет эффективной, наоборот, она будет способствовать их дальнейшему выгодоприобретению, но не общему благу. А рыночная конкуренция сведется к борьбе монополий, которая не будет подвластна

государственной власти, поскольку участвующие в ней стороны будут превосходить государственную власть по своей силе. Распределение собственности рождает новую стратегическую задачу – правильное сочетание разных форм собственности в процессе экономического реформирования Украины. Здесь также очень важно соблюдать определенную грань. Всеобъемлющая приватизация лишает государственную власть возможности контролировать стратегические отрасли экономики. Подобная ситуация угрожает национальной безопасности, поскольку ее обеспечение находится в ведении государственной власти. А не управляя необходимыми для охраны державных интересов сегментами народного хозяйства, государственная власть лишается основных средств для обеспечения национальной безопасности. Если же национализация превышает объективно требуемые пределы, то, тем самым государственная власть нарушает рассмотренный выше режим распределения свободы в социуме. Свобода же является условием развития рыночных отношений. Засилье государственной собственности, ограничивая роль частной собственности, подавляет конкуренцию, что ведет к стагнации рынка, замедлению товарооборота, нарушению системы спрос-предложение – то есть к неудовлетворению наших потребностей.

Представленная стратегия содержит лишь наиболее общие направления для реформирования отечественной державной экономической политики. Более подробное изучение хозяйственных преобразований выходит за рамки, которыми ограничена предметная область настоящего исследования. Однако даже при поверхностном рассмотрении становится очевидным, что краеугольным аспектом реформативно-экономической стратегии является философская категория меры. Такие, по большей части, экономические проблемы, как децентрализация, управление рынком, собственностью, требуют соблюдения меры для своего успешного разрешения. Это означает, что даже над достаточно общими экономическими вопросами находится еще более общий уровень их философского осмысления.

Сложившаяся в украинской экономике ситуация, когда интересы народа нивелируются в угоду имущественной элите, соответствует той, которая более ста

лет назад имела место с США. «Они (корпорации) играют основную роль, и большинство людей являются слугами корпораций. Вы знаете, что происходит, когда вы являетесь слугой корпорации. Вы не располагаете доступом к людям, действительно определяющим политику этой корпорации. Если корпорация занимается деятельностью, которой ей не следовало бы заниматься, вы не имеете права голоса в этом вопросе и должны подчиняться приказам и зачастую вынуждены с позорным смирением сотрудничать в деятельности, которая, по имеющимся у вас данным, противоречит общественным интересам. Ваша индивидуальность поглощается индивидуальностью и волей могущественной организации...В действительности мы находимся во власти огромной безжалостной системы...Американская индустрия больше не является свободной...Американская предприимчивость не пользуется свободой...Почему? Потому что законы нашей страны не запрещают сильному подавлять слабого. В этом кроется причина, и в связи с тем, что сильные раздавили слабых, они теперь доминируют в промышленности и в экономической жизни страны» [75, с. 66-67]. В современном украинском законодательстве имеется достаточно лазеек, используя которые крупные собственники заставляют экономику всей страны работать на удовлетворение своих, а не народных, потребностей. Если же обойти закон не представляется возможным, то олицетворяемая в корпорациях имущественная элита не пренебрегает и прямым нарушением действующих правовых норм.

Таким образом, удовлетворение общественных потребностей напрямую зависит от качества национальной нормативно-правовой системы и от того, насколько равны перед ней представители разных социально-экономических классов. Следовательно, вторым блоком требований, предъявляемых к стратегии реформирования государственновластной политики, является правовой блок. Суть этих требований сводится к обеспечению законности. Законность – это такой порядок в общественных отношениях, при котором они протекают в строгом соответствии с правилами, установленными государственной властью и соблюдаемыми всеми участниками социальных взаимодействий. [173, с. 130]. Обратная же ситуация, когда нормы национального права настолько ущербны, что

регулирование общественных отношений находится за пределами их возможностей, или, когда участники социальных отношений не соблюдают державные установления (какими бы совершенными они не были), – угрожает государственности, как таковой. «Государство – аппарат управления обществом, наделенным властью, опирающийся на силу закона или на органы принуждения. Как правило, деятельность Г. оформляется соответствующими законами, а реализация власти Г. сопряжена с применением насилия» [85, с. 102]. «Сила закона» и «принуждение» являются для государственной власти экзистенциально значимыми свойствами. Та каузальная роль, которую они играют для феномена государственной власти, была проанализирована в предыдущем разделе. Их исчезновением уничтожаются и признаки государственности.

Из изложенного можно сделать следующие выводы: во-первых, осуществлявшаяся до этих пор законодательная политика не удовлетворяла народные потребности, то есть влечет за собой ответственность для проводившей ее государственной власти; во-вторых, неналожение на виновную государственную власть заслуженной ответственности – нереформирование законодательной политики – угрожает украинской государственности, разрушение которой причинит стремительный регресс в удовлетворении наших потребностей.

Итак, необходима реформативная стратегия, целью которой является увеличение «силы закона» настолько, насколько это необходимо для социально-экономического процветания Украины. Достижение данной цели – установление законности – предполагает разрешение следующих реформативных задач: 1) создание целостной нормативной базы, уровни юридической силы и правовые отрасли которой должны быть разумно скоординированы между собой; 2) определение и официальная фиксация прав и обязанностей для каждого субъекта социальной жизнедеятельности; 3) обеспечение в государстве такого режима, при котором лица, входящие во вторую задачу, будут соблюдать нормы, составляющие суть первой задачи [105, с. 63].

Человеческие законы являются продолжением универсальных законов природы. Правила, по которым существует социум, рождены правилами,

обуславливающими бытие в целом, а значит, предрасположены функционировать по образу и подобию последних. Другой формат действия на них недопустим. Законы, сплетающие ткань Вселенной, всеобъемлющи – нет ни одного участка времени и пространства, которые не определялись бы этими законами. И качество данного детерминирования отличается целостностью и гармоничностью. Предписания, регулирующие жизнь общества, вынуждены наследовать указанные характеристики у законов природы. Поэтому для них имманентно стремление к единству и взаимной скоординированности. Каждое социальное отношение должно быть урегулировано синергичной системой правовых норм. От степени достаточности и синергии последних зависит эффективность первых. Так же, как выход какого-либо сегмента реальности из подчинения универсальным законам означал бы хаотизацию всей Вселенной, – неорганизованность некоего общественного отношения посредством государственных установлений влечет извращение его целевого предназначения, его мутацию в антиобщественное, которая вносит дисгармонию в социальную жизнь в целом. Именно наличие белых пятен в системе правовых норм позволяет некоторым участникам социальных отношений (прежде всего крупным собственникам) использовать эту систему в своих личных целях, а не в целях общего блага. Отсюда следует: для того, чтобы воспрепятствовать подобным субъектам, необходимо устранить нерегламентированные участки общественных отношений, то есть урегулировать их при помощи гармонично скоординированных правовых норм.

Подобно тому, как универсальные законы детерминируют положение вещей в природе, определяют место для каждого сущего феномена, – правовые нормы должны фиксировать статус каждого субъекта общественных отношений. Белые пятна в дефинировании прав и обязанностей позволяют некоторым участникам социальных отношений злоупотреблять своими правами и пренебрегать своими обязанностями. Недостаточно подробное закрепление правового положения само по себе провоцирует социальных функционеров действовать исключительно в своих интересах, даже если они причиняют ущерб общему благу. И чем крупнее поступающая таким образом фигура, тем значительней вред, который результаты ее

деяний наносят социальной системе. Если же статус каждого субъекта общественных отношений будет максимально конкретизирован, то окно провокационных возможностей закроется. Случаи своекорыстного, антисоциального поведения станут гораздо более редкими. Определение прав и обязанностей, установление их посредством соответствующих нормативных актов, таким образом, профилактирует девиантную активность со стороны предрасположенных к этому лиц. Даже, если последними оказываются наиболее крупные собственники. Значение данной профилактической задачи можно проиллюстрировать на примере обуславливающего ее мирового порядка: если некий объект вдруг утратит свое место в общей структуре бытия, то тем самым будет запущен эффект домино, вследствие которого связи между элементами начнут разрушаться - в итоге, во вселенной воцарится хаос. Точно так же дезорганизуется и государственное социальное устройство в случае, если правовое положение составляющих его субъектов неопределено. Конечно же, государство является достаточно гибкой самоорганизующейся системой, вследствие чего ему удастся сохранять себя в достаточно широком диапазоне недефинированности прав и обязанностей. Однако качество жизни в государстве с конкретизированными и официально зафиксированным статусом каждого субъекта общественных отношений резко отличается от жизни в том государстве, где правовое положение субъектов размыто, в результате чего открываются широкие возможности для злоупотреблений. Эта разница становится очевидной, если сравнить уровень жизни в Украине и, например, в ФРГ.

Создание целостной скоординированной нормативно-правовой базы и формализация правового статуса участников общественных отношений – вполне разрешимые задачи. Сложнее дело обстоит с обеспечением режима, при котором субъекты будут действовать по предписанным законам, не выходя за рамки своих прав и обязанностей. Здесь недостаточно установить правила, по которым будут протекать социальные отношения, и указать их субъектам на предназначенные для них места в этих отношениях. Необходимо каким-то образом заставить их соблюдать и нормы, и права, и обязанности. Помимо правовых актов и положений

нужно, чтобы государственная власть обладала свойством, называемом политической волей. Кроме того, ей должны быть присущи описанные в предыдущих разделах свойства, такие, как умение принуждать, внушать, убеждать, прогнозировать и т.д. Без активного участия гражданского общества соблюдение законов, прав и обязанностей может быть достигнуто лишь в условиях жесткой диктатуры. Любой диктаторский режим является антидемократическим, а значит он аргументально не может способствовать удовлетворению народных потребностей. Для того, чтобы уравновесить правовую политику государственной власти, удержать ее в пределах социально-безопасной меры, гражданское общество должно обладать достаточной степенью реформативной субъектности. Безусловно, все эти факторы необходимы для того, чтобы в государстве был установлен режим, при котором носители правового статуса придерживаются юридических норм. Но и сами по себе формализация правил, конкретизация правового положения представляют собой задачи, без решения которых такой режим невозможен. Если участникам общественных отношений не предоставлены законы, права и обязанности, то и соблюдать им нечего.

Реализация указанных реформативно-правовых стратегических задач может происходить по следующим векторам: 1) совершенствование системы правовых норм, возлагающих на субъекта обязанность воздерживаться от совершения недопустимых действий; 2) повышение регулятивной способности исторически сложившихся неписанных законов [44, с. 89]; 3) реформирование национальной нормативно-правовой системы на основе достаточно апробированного, доказавшего свою эффективность опыта развитых демократических государств.

Выделение запрещающих правовых норм среди других (дозволяющих, обязывающих) вполне естественно. Именно эти нормы налагают на свободу общества наиболее значительные ограничения. Следовательно, привлекая государственную власть к реформативной ответственности, внося в ее правовую политику реформативные изменения, гражданское общество должно выяснить, какую роль играли действовавшие ранее запрещающие установления в нанесении ущерба украинскому народу. Выявление каузальной связи между подобными

актами и неудовлетворением человеческой потребности в свободе – чрезвычайно важный аспект в разработке реформативной стратегии, поскольку (как было заключено в предыдущих разделах) свобода представляет собой наиглавнейший фактор в превращении общества из объекта державной политики в субъекта; воздействующего на государственную власть. Обнаружив в системе запрещающих норм недостатки, препятствовавшие удовлетворению социальных потребностей (прежде всего, потребности в свободе), реформирующий субъект должен определить меры по их устранению. При этом, необходимо следовать задачам реформативно-правовой стратегии: целостности и скоординированности. Исправление дефектов нормативно-правовой базы не должно нарушать ее внутреннее единство, создавать в ней разрывы, которые оставляют неурегулированными какие-либо секторы общественных отношений.

Реализация двух других реформативно-правовых векторов обусловлена универсальным законом единства и борьбы противоположностей. Использование передового зарубежного нормотворческого опыта и местных украинских традиций – полярно направленные методы. Но при этом их объединяют общая цель (реформирование правовой политики) и тот факт, что они оба необходимы для достижения данной цели. Для того, чтобы противоположные по своей сути векторы не противодействовали друг другу в ходе реформирования государственновластной политики, их совместное применение должно быть детерминировано некоторой мерой. Последнюю стоит применять, исходя из принципа целесообразности. В случае, если в урегулировании какого-либо отношения возникает коллизия между имплементируемой иностранной нормой и сложившейся исторически, традиционной нормой, то выбирать следует ту, которая сделает это отношение наиболее эффективным. Однако нужно иметь в виду, что социальные отношения, как правило, имеют свои сущностные аборигенные особенности. И невозможно удовлетворить потребности конкретного народа, не согласовав государственные установления с указанными особенностями, не устранив противоречия между внедряемыми предписаниями и региональными свойствами общественных отношений. Поэтому перенимаемый в других странах правовой опыт оказывается

приемлемым для местных отношений значительно реже, чем сложившееся исторически, соответствующее местным традициям нормирование. Каждый народ обладает уникальной, присущей только ему ментальностью, которая «...есть мирозерцание..., соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [94, с. 149]. Исторически сложившиеся нормы (традиции) формируются в тесной взаимосвязи с народной ментальностью. Сверх того, представляют собой наиболее яркие «проявления национального характера», отражающие самобытность последнего. Естественно, такие нормы вызывают у субъектов социальных отношений наименьшее отторжение, напротив, воспринимаются ими органично, как часть их собственной ментальности. Поэтому традиции обладают огромным регулятивным потенциалом, который обязательно должен быть актуализирован в государственной нормативно-правовой базе. Кроме того, складываясь внутри определенного народа в процессе его эволюционного развития, стихийные нормы изначально участвуют в структурировании его жизненного уклада. Таким образом, организация устанавливаемых в народе отношений, в значительной степени зависит от рассматриваемых правил [205, с. 29-35]. Отсюда следует, что исполнение третьей реформативно-правовой стратегической задачи – обеспечение режима, при котором субъекты социальных отношений соблюдают предписанные им нормы, права и обязанности, – должно основываться на аутентичном для данного общества порядке, выражающемся в привычных для него традиционных нормах.

Условия, в которых развивался украинский социум, создали в нем ряд культурных особенностей, которые отличают нашу ментальность от других народов. Следовательно, и необходимая нам правовая организация не может полностью совпадать с юридическими системами других стран, поскольку действующие в этих странах установления соответствуют, прежде всего, ментальности населяющих их людей. Касается это и развитых западных демократий. Действующее в них законодательство основано на выстраданной веками традиции народовластия. Среди прочего, оно закрепляет за государственной властью обязанности, нарушение которых влечет для нее наступление

ответственности, а также механизмы привлечения государственной власти к заслуженной ответственности [98; 123; 220]. Бесспорно, данные правовые институты доказали свою эффективность, функционируя в породивших их государственных системах. И конечно же, их имплементация в нашу нормативную базу представляет собою достойную цель для отечественного правотворчества. Однако, по сравнению с жителями Запада, украинцы склонны к большему патернализму во взаимоотношениях с государственной властью. Резкий переход к несвойственным нам сверхлиберальным моделям рискует войти в противоречие с нашим мировоззрением. Реформы, насаждаемые на неподготовленную почву, могут породить ментальный конфликт, который, в свою очередь, вызовет неизбежную реакцию – сопротивление неприняемым инновациям.

Очевидно, что правовые задачи реформативной стратегии не могут быть решены, не будучи воспринятыми и осмысленными через призму философской категории меры. Последняя обуславливает применение политических методов, при помощи которых реализуются указанные задачи. Для того чтобы не претерпеть падение, государственно-правовая политика должна быть равновесной. Ей необходим баланс между державными запретами и социальными свободами, между местными традициями и чужеземными заимствованиями. И балансиром здесь является мера, детерминируемая эффективностью общественных отношений, которая, в свою очередь, выражается в степени удовлетворения общественных потребностей.

Выводы к разделу 6

Оптимальность реформативной модели требует исследовать ее в контексте украинской специфики. Не секрет, что отечественные отношения между государственной властью и управляемым ею обществом нуждаются в оптимизации. И первым шагом здесь должна стать междисциплинарная концептуализация реформирования, способная создать единые теоретические основания для дальнейшего практического повышения эффективности данных отношений.

Используя социально-философский подход, можно предложить некоторые общие положения подобной концепции.

Приоритетным направлением оптимизации является совершенствование реформирующего субъекта (инстанции реформативной ответственности). Значит, свободу, полученную украинским народом по соглашению с государственной властью, следует направить на развитие институтов гражданского общества – среды, в которой образуется данный субъект. Смысл гражданского общества состоит в том, что оно независимо от государства, то есть субъектно по отношению к государственной власти. Субъектность требует, чтобы оно радикально отличалось от толпы, так как толпа в силу своей неразумности и неорганизованности – это объект сторонних манипуляций, слепо верящий в навязанные ему авторитеты. Таким образом, развивать гражданское общество целесообразно с помощью тех методов, которые способствуют повышению его разумности и организованности. Философия – неприемлющий авторитетов инструмент оттачивания разума. История создает национальную идею – основу для организации социума. Совершенствуя гражданское общество, нужно популяризировать философию и историю. А в состав реформативного субъекта обязательно должны входить люди, профессионально ими занимающиеся.

Разумный, должным образом организованный субъект способен эффективно реформировать государственную власть. Сами реформы можно разделить на два направления: структурные и политические. Реорганизация державной структуры предполагает, во-первых, модификацию ее элементов, во-вторых, преобразование отношений между ними. Подсистему государственной власти должны покинуть лишние компоненты, не соответствующие управляющим параметрам социальной системы, атрибуты которых не удовлетворяют ее реляционному концепту. На их место предстоит отобрать обладающих творческим потенциалом профессионалов, которые специализируются в удовлетворении потребностей именно украинского народа. В отношениях между составляющими государственную власть подсистемами необходимо поменять пропорцию: роль отечественных институтов самоуправления следует сделать гораздо более значительной.

Реформы, которые требуется проводить в отношении державной политики, условно дифференцируются на экономические и правовые. Оба блока реформ тесно связаны между собой, и оптимизировать один можно лишь в корреляции с другим. Так, низкий уровень удовлетворения наших экономических потребностей обусловлен пробелами и коллизиями в действующем законодательстве. А потребности в организации, которая выражается в соблюдении режима законности, не могут быть удовлетворены в условиях сильного экономического дисбаланса.

Лейтмотивом реформативной концепции должна стать философская категория меры, так как умеренность – это ядро реформативного режима как реляционного концепта социальной системы, свойство, которое отличает его от революционного. Чрезмерное вмешательство в державную политику может оказаться той случайностью, которая вызовет у государственной власти нелинейную реакцию, а рожденные данной реакцией флуктуации вытолкнут социальную систему из поля притяжения оптимального аттрактора, в результате чего она погрузится в состояние хаоса. Столь значимая роль меры свидетельствует в пользу того, что реформативная модель является оптимальной для Украины, ведь умеренность – исконная черта нашего народа.

ВЫВОДЫ

Государственная власть и управляемое ею общество – отдельные подсистемы социальной системы, взаимодействующие между собой. Легитимность – недостижимое в связи со своим совершенством значение атрибутивного параметра социальной системы, совокупность управляющих ею параметров и идеальный режим отношений между ее подсистемами. Его обуславливают и составляют свойства и функции государственной власти, достигшие своих наивысших параметрических показателей.

Оптимальный режим определяется при помощи реляционного системного параметра – сравнения атрибутивной структуры, удовлетворяющей идеальному реляционному концепту социальной системы (легитимности), с аналогичными системными дескрипторами, которые удовлетворяют реально возможным реляционным концептам (революционному и реформативному). Наиболее изоморфный идеальному является оптимальным.

Оптимальный режим должен быть детерминирован внутренней и внешней причинностью социальной системы. К внешней относится соответствие свободе как условию среды, где сформировалась социальная система. К внутренней – статистические законы и устремленность к самосохранению и самовоспроизведению, определяющие внутреннюю динамику социальной системы и ее подсистем (то есть состояние государственной власти и общества, а также характер отношений между ними). Свойство оптимального режима, обуславливаемое структурой его причинно-следственных связей, не должно противоречить его детерминированности.

Режим реальных отношений между государственной властью и управляемым ею обществом отличается от идеального (от легитимности). Существуют два режима реальных отношений: революционный и реформативный. Причина их образования – несоответствие атрибутивных параметрических значений, присущих государственной власти, атрибутивным параметрическим значениям идеального режима, принятым социальной системой в качестве управляющих. В точке

бифуркации социальная система должна самоорганизоваться, избрав один из реальных режимов в качестве аттрактора, значение атрибутивных параметров которого максимально приближены к легитимности.

Революционный режим непредсказуем, так как предполагает неопределенный период отсутствия государственной власти, характеризующийся продолжением хаоса и сильных флуктуаций, которые могут необратимо дезорганизовать социальную систему. Реформативный режим основан на диссипативном порядке, предсказуемости и взаимодействии подсистем, которое выражается в соглашении о компромиссном использовании свободы и умеренном реформировании государственной власти. От имени народа в соглашении участвует специально образованная в среде гражданского общества диссипативная структура – реформирующий субъект. Реформативный режим соответствует управляющим параметрам социальной системы (легитимности) больше, чем революционный, следовательно он – оптимальный. Возможный выбор революционного режима объясняется ошибкой.

Свобода представляет собой условие среды, в которой формировалась социальная система, и ее управляющий параметр. Оптимальный режим общественных отношений должен ему соответствовать. Каждая подсистема стремится к неограниченному расширению своей свободы за счет узурпации чужой свободы. Но обладатель беспредельной свободы способен привести социальную систему к энтропии. Нелинейность социальной системы обуславливает ее самосохранение: она вырабатывает диссипативную структуру – систему сдержек и противовесов, – которая ограничивает свободу подсистем. Аттрактором этой системы становится их взаимодействие, воплощаемое в соглашении о компромиссном использовании свободы, которое лежит в основе реформативного режима отношений между ними. Следовательно, с точки зрения свободы как условия внешней среды реформативный режим отношений между государственной властью и управляемым ею обществом – оптимальный.

Неизбежность реформативного режима детерминирована управляющими параметрами социальной системы. Но свобода как условие внешней среды

определяет независимость подсистем в их взаимодействии. Вследствие вероятностной причинности они могут выбрать иной (нереформативный) режим отношений. Удовлетворяя фундаментальные потребности общества, государственная власть становится его причиной. Ее же основной причиной является общественный спрос. Способность удовлетворить потребности общества – внутренняя причина ее существования и внешняя причина спроса на нее. Способность поддерживать заслуживающую того государственную власть – внутренняя причина существования управляемого ею народа и внешняя причина удовлетворения потребностей последнего. Обе подсистемы испытывают сущностную каузальную взаимозависимость.

Их отношения детерминированы также целевой причинностью, заставляющей выбирать ту вероятность, которая обеспечивает им сохранение и воспроизведение. Каузальная взаимозависимость определяет, что достигнуть этой цели они могут только в условиях синергийного взаимодействия. Последнее является основой реформативного режима отношений между государственной властью и управляемым ею обществом, значит он неизбежен, а его детерминированность одновременно внешней, вероятностной и целевой причинностями подтверждает его оптимальность.

Отношения государственной власти и общества не симметричны. Государственная власть наделена высочайшими полномочиями, но ей вменена неисполнимая обязанность – удовлетворять социальные потребности в режиме идеальной легитимности. Поэтому она перманентно подвержена ответственности за нарушение данной обязанности. При реформативном режиме – склонению к реформам. Реформативная ответственность – суть реформативного режима. Ее фундаментальные свойства обусловлены структурой ее же причинно-следственных связей. Каузальная структура состоит из следующих элементов: 1) материальных – фактических оснований (материала) ответственности; 2) процессуальных – правил и стадий, по которым структурируются материальные элементы; 3) условий внешней среды, которые за счет своей когерентности влияют на внутреннюю динамику социальной системы, в том числе и на образование ответственности.

Если социальная система упорядочена в соответствии с реформативным аттрактором, то все элементы ответственности в ней уже присутствуют. Фундаментальным свойством, которое обуславливается причинной структурой реформативной ответственности, оказывается ее неотвратимость. Подобный атрибут представляет собой существенный фактор детерминации и с необходимостью указывает на неизбежность реформативного ртежима, что можно рассматривать как весомое доказательство его оптимальности.

В основу украинской модели реформирования должна лечь соответствующая научно-прикладная концепция, способная обосновать оптимизацию отношений между государственной властью и управляемым ею обществом. Свободу, полученную украинским народом на условиях компромиссного взаимодействия с государственной властью, необходимо использовать для развития гражданского общества, которое является основой для структурирования реформирующего субъекта. Возращение гражданского общества целесообразно с помощью философии и истории как средств, которые способствуют формированию его сущностных свойств: независимости, разумности и организованности. Философия – основанное на независимом мировосприятии средство воспитания разума. История генерирует национальную идею, на которой основывается организация народа. Процессы самоорганизации гражданского общества и структурирования в его среде реформирующего субъекта должны включать распространение этих знаний и видов деятельности как управляющий параметр.

Реформирование государственной власти включает улучшение ее состава и политики, которую она проводит. В ее структуре выделяются два объекта реформирования, в соответствии с которыми определяются направления реформирования: 1) элементы (репрезентанты государственной власти должны быть подвергнуты ротации – электоральному отбору по признаку способности удовлетворять потребности украинского общества), 2) связи подструктур (необходимо установить паритет в отношениях между центральными органами государственной власти и институтами самоуправления). Политические реформы

классифицируются как экономические и правовые, но они достаточно релятивны, поэтому разграничивать их можно лишь формально.

Наифундаментальнейшим философским основанием, на котором должна выстраиваться реформативная концепция, является философская категория меры. Именно умеренность является отличительной чертой реформативного режима. Превышение меры во время привлечения государственной власти к реформативной ответственности способно причинить изменение ее внутренней динамики, вследствие чего может возникнуть флуктуация, более сильная чем действие оптимального аттрактора, которая разрушит диссипативную упорядоченность и повернет социальную систему либо к состоянию хаоса, либо к ошибочному аттрактору. Но умеренность свойственна украинцам, что упрощает задачу концептуализации реформативного режима и доказывает его оптимальность для отечественных общественных отношений.

Полученные результаты могут быть использованы в междисциплинарных и философских исследованиях сферы отношений между государственной властью и обществом, а также при разработке и чтении курсов социальной философии, философии права, политологии, специальных курсов, посвященных философии государства и права.

Предложенные выводы представляют интерес для исследовательской практики в области социальной философии. Выдвинутые и обоснованные в диссертационном исследовании идеи и положения могут быть использованы не только в философском знании, но и в широкой системе современного научно-теоретического познания – в сфере правоведения, конфликтологии, психологии.

Список использованной литературы

1. Августин А. Исповедь : пер. с латин. / А. Августин ; общ.ред. и ст. А. А. Столярова. – М. : Канон + , 1997. – 464 с. – (История христианской мысли в памятниках).
2. Алексеев П. В. Социальная философия / П. В. Алексеев. – М.: ТК Велби : Проспект, 2005. – 256 с.
3. Алексеев П. В. Философия / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М. : Проспект, 2005. – 608 с.
4. Алексеев С. С. Государство и право / С. С. Алексеев // Собр. соч. В 10 т. Т. 8 / авт. примеч. С. А. Степанов, Н. П. Зарипова. – М. : Статут, 2010. – С. 93-246.
5. Алексеева Т. А. Демократия как идея и процесс / Т. А. Алексеева // Вопросы философии. – 1996. – № 6. – С. 16-35.
6. Алексеева Т. А. Личность и политика в переходный период: проблемы легитимности власти / Алексеева Т. А. // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 58-65.
7. Антоненко В. Г. Відповідальність соціальна / В. Г. Антоненко // Соціальна філософія : короткий енциклопедичний словник / [ред.: В. П. Андрущенко, М. І. Горлач та інш.]. – 2-ге вид., випр. і доп. – Київ ; Харків : Рубікон, 1997. – С. 81-82.
8. Антонов О. В. Государственная власть как объект эволюционных изменений, субъектом которых является общество / О. В. Антонов // American Journal of Scientific and Educational Research. – New York, 2014. – Vol. II, № 1 (4). – P. 423-430.
9. Антонов О. В. Роль и место свободы во взаимоотношениях между государственной властью и обществом / О. В. Антонов // Перспективи соціально-політичний журнал. Серія: Філософія. – 2015. – № 3 (65). – С. 14-22.
10. Антонов О. В. Социально-философский анализ условий легитимности государственной власти (1) / Антонов О. В. // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 42-45.

11. Антонов О. В. Социально-философский анализ условий легитимности государственной власти (2) / О. В. Антонов // Грані. – 2014. – № 4 (108). – С. 54-60.
12. Антонов О. В. Философский взгляд на государственную власть как на объект социальной революции / О. В. Антонов // Перспективи : соціально-політичний журнал. – 2013. – № 4 (58). – С. 5-10.
13. Антонович И. И. Социальное развитие и проблема прогресса. Критика новейших буржуазных концепций / И. И. Антонович. – Минск : Беларусь, 1977. – 388 с.
14. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 2-е изд. – М. : Питер, 2006. – 528 с. : ил.
15. Арефьев М. А. Культура российского самоуправления : идеи и традиции / М. А. Арефьев, И. Д. Осипов. – СПб. : СПбГАУ, 1996. – 38 с.
16. Аристотель. Политика / Аристотель ; пер. С. А. Жебелева // Соч. В 4 т. Т. 4 / общ.ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – С. 375-644.
17. Артхашастра или наука политики : пер. с санскрита / изд. подгот. В. И. Кальянов ; [ред. ком. В. В. Струве (отв. ред.) и др.]– М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 793 с. – (Литературные памятники).
18. Асланов Л. А. Культура и власть [Электронный ресурс] : философские заметки. Кн. 1 / Л. А. Асланов. – М. : Изд-во ИТРК, 2001. – 493 с. – Режим доступа : <http://www.kara-murza.ru/vlast/KulturaVlast007.html> (дата обращения: 24.05.2016).
19. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность как охранительное правоотношение / Б. Т. Базылев // Советское государство и право. – 1980. – № 8. – С. 122-125.
20. Байрачная Л. К. Власть: содержание, структура, функции (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Байрачная Лариса Кимовна. – Харьков, 1992. – 179 с.

21. Бакунин М. А. Государственность и анархия / М. А. Бакунин // *Философия. Социология. Политика* : [сборник] / М. А. Бакунин ; [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Ф. Пустарнакова]. – М. : Правда, 1989. – С. 291-526.
22. Баллестрем К. Г. Апории теории тоталитаризма / К. Г. Баллестрем // *Вопросы философии*. – 1992. – № 5.– С. 16-28.
23. Безобразов В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть : статьи В. П. Безобразова / В. П. Безобразов. – СПб. : в тип В. Безобразова и Комп., 1882. – XXVIII, 737 с.
24. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма : новая всемирно-политическая экономия / Ульрих Бек ; пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника ; [послесл. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой]. – М. : Прогресс-Традиция : Территория будущего, 2007. – 459, [1] с. : ил, табл. – (Университетская библиотека Александра Погорельского. Серия Социология. Политология).
25. Бельский К. С. Персональная ответственность и дисциплина в государственном управлении / Бельский К. С. // *Советское государство и право*. – 1984. – № 3. – С. 65-73.
26. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев // *Философия свободы. Смысл творчества* / Н. А. Бердяев ; [вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова]. – М. : Правда, 1989. – С. 254-580.
27. Бистрицкий Є.К. Пропедевтика поняття свободи / Є. Бистрицкий // *Проблеми сутності свободи: методологічні та соціальні виміри* : матер. наук.-теорет. конф. (Київ, 26 жовтня 2007 р.) / Інститут філософії ім. Г. Сковороди НАН України. – К., 2007. – С. 8-29.
28. Блауберг И. В. Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // *Проблемы методологии системного исследования* / ред. коллегия: И.В. Блауберг и др. – М. : Мысль, 1970. – С. 7-48.
29. Боброва Н.А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты) / Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская ; [науч. ред. В. С. Основин]. – Воронеж : Изд-во Воронеж.ун-та, 1985. – 152 с.

30. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / ред.-сост. В. В. Соколов. – М. : Мысль, 1970. – С. 144-147.
31. Болл Т. Власть / Т. Болл // Психология и психоанализ власти : хрестоматия. В 2 т. Т. 1 / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ, 1999. – С. 29-41.
32. Большая книга афоризмов / [сост. А.П. Кондрашов, И.И. Комарова]. – М. : РИПОЛ Классик, 2008. – 1215 с.
33. Борінштейн Є. Р. Правова свобода як ціннісна орієнтація сучасного суспільства / Є. Р. Борінштейн // Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2013. – Вип. 1 (30). – С. 19-25.
34. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббея ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – 2-е изд. – М. : Весь Мир, 2007. – 672 с.
35. Булатов М. О. Причинність / М. Булатов // Філософський енциклопедичний словник / ред. кол.: В. І. Шинкарук (голова редколегії), Є. К. Бистрицький, М. О. Булатов [та інш.]. – К. : Абрис, 2002. – С. 523.
36. Булгаков С. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / С. Н. Булгаков ; [вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. С. С. Хоружего]. – М. : Наука, 1993. – 603 с. – (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
37. Введение в философию. В 2 ч. Ч. 2. Теория и методология: проблемы, понятия, принципы / Фролов И. Т. (рук. авт. кол.), Араб-Оглы Э. А., Арефьева Г. С. [и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – 639 с.
38. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер ; пер. с англ. А. И. Кравченко // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147-156.
39. Вербицька І. В. Влада як феномен екзистенції : дис. ... канд. філос. наук : 09.00.04 / Вербицька Ірина Володимирівна. – Київ, 2007. – 201 арк.

40. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский ; [сост. Н. А. Костяшкин, Е. М. Гончарова ; предисл. Р. К. Баландина]. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 576 с. – (Библиотека истории и культуры).
41. Власть и общество. Пути партнерства. /Алексеев С. И., Киселев В. Н., Лебедев Г. Н., Сперанский В. И. – М. : ООО Темпо, 2005. – 222 с.
42. Власть. Очерки современной политической философии Запада : научное издание / В. В. Мшвениерадзе [и др.] ; отв. ред. В. В. Мшвениерадзе ; Ин-т философии АН СССР. – М. : Наука, 1989. – 327 с.
43. Возможность и действительность / М. А. Парнюк, А. С. Кирилюк, В. В. Кизима; отв. ред. М. А. Парнюк ; АН УССР. – К.: Наукова думка, 1989. – 288 с. – (Материалистическая диалектика).
44. Воловик В. И. Идеологическая деятельность: диалектика традиций и новаторства / В. И. Воловик. – М. : Акад. общ.наук при ЦК КПСС, 1990. – 170 с.
45. Воловик В. І. Вступ до філософії / В. І. Воловик. – Запоріжжя : Просвіта, 2001. – 160 с.
46. Воловик В. І. Філософія історії : монографія / Воловик В. І. – Запоріжжя: Видавництво ЗДІА, 1997. – 126 с.
47. Воронкова В. Г. Метафізичні виміри людського буття : [наукова монографія] / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя : Павел, 2000. – 176 с.
48. Гаджиев К. С. Политология / К. С. Гаджиев. – М. : Высш. образование, 2007. – 460 с. – (Основы наук).
49. Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии / Гегель // Политические произведения / Гегель ; [ред. кол.: Д. А. Керимов (отв. ред.), Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц]. – М. : Наука, 1978. – С. 65-184.
50. Гегель Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве / Гегель // Политические произведения / Гегель ; [ред. кол.: Д. А. Керимов (отв. ред.), Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц]. – М. : Наука, 1978. – С. 185-275.

51. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* : [пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель ; [ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц ; пер. с нем. Я. Г. Столпнера и М. И. Левиной]. – М. : Мысль, 1990. – 524, [2] с. – (Филос. наследие ; т. 113).
52. Гедікова Н. П. Особливості сучасного процесу системної трансформації українського суспільства / Н. П. Гедікова // *Перспективи : соціально-політичний журнал*. – 2014. – № 1 (59). – С. 44-48.
53. Гельвеций К. А. *О человеке* / К. А. Гельвеций // *Соч.* В 2 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. Х.Н. Момджяна. – М. : Мысль, 1974. – С. 5-567.
54. Гоббс Т. *Левіафан, або Суть, будова і повноваження держави церковної та цивільної* : пер. з англ. / Томас Гоббс ; [пер. Р. Димерця, В. Єрмоленка, Н. Іванової та інш.]. – К. : Дух і Літера, 2000. – 606 с.
55. Гобозов И. А. *Философия политики* / И. А. Гобозов. – М. : ТЕИС, 1998. – 154 с.
56. Голосенко И. А. *Питирим Сорокин : судьба и труды* / И. А. Голосенко. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 246, [2] с. : ил. – (Истоки).
57. Горбатенко В. П. *Політико-правові цінності: теоретичне підґрунтя і державотворчий процес* / В. П. Горбатенко // *Правова держава : щорічник наук. пр.* – 2008. – Вип. 19. – С. 54-62.
58. Гребіневич О. М. *Ціннісно-нормативна легітимація політичної системи* : дис. ... канд. філос. наук : 09.00.03 / Гребіневич Оксана Михайлівна. – К., 2006. – 185 арк.
59. Греков Л. И. *К вопросу о механизме действия и использования социальных законов* / Л. И. Греков // *Вопросы философии*. – 1982. – № 3. – С. 81-90.
60. Грядунова Л. И. *Социальная ответственность личности в условиях развитого социализма* / Л. И. Грядунова. – К. : Вища школа, 1979. – 134 с.
61. Давыденкова А. Г. *Философия личности и культурно-институциональные процессы* : монография / А. Г. Давыденкова. – СПб. : ЛГУ, 2005. – 220 с.

62. Дащаківська О. Ю. Політична еліта України: проблема легітимації : дис. ... канд. політ. Наук : 23.00.02 / Дащаківська Оксана Юріївна. – Львів, 2006. – 200 арк.
63. Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества / Дмитриев Ю. А. // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 28-34.
64. Достаточно общая теория управления : постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики – процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета (1997-2003 гг.) / Новосиб. ин-т концептуальной аналитики. – Новосибирск : Ин-т концептуальной аналитики, 2003. – 394 с.
65. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Твори : пер. з 2-го рос. вид. У 50 т. Т. 20 / К. Маркс і Ф. Энгельс. – К. : Політвидав України, 1965. – С. 3-318.
66. Энгельс Ф. Лист до А. Бебеля / Ф. Энгельс // Твори : пер. з 2-го рос. вид. У 50 т. Т. 19 / К. Маркс і Ф. Энгельс. – К.: Політвидав України, 1964. – С. 3-9.
67. Энгельс Ф. Про авторитет / Ф. Энгельс // Твори : пер. з 2-го рос. вид. У 50 т. Т. 18 / К. Маркс і Ф. Энгельс. – К.: Політвидав України, 1964. – С. 292-295.
68. Ершова-Бабенко И. В. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности : (концептуальная модель) / Ершова-Бабенко Ирина Викторовна . – Винница : NOVA KPIHA, 2005. – 360 с.
69. Ефимов В. А. Основы эффективного управления / В. А. Ефимов, И. В. Солонько. – 2-е изд., стер. – СПб. : СОЛО, 2008. – 68 с.
70. Ефимов В. А. Потребности общества и проблемы воспроизводства трудового потенциала АПК и сельских территорий / В. А. Ефимов, И. В. Солонько // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 9. – С. 63-66.
71. Здравомыслов А. Г. Интерес / А. Г. Здравомыслов // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 213-214.

72. Зимовець Р. В. Феномен влади в культурі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. техн. наук : спец. 09.00.04 „Філософська антропологія, філософія культури” / Зимовець Роман Віталійович. – Київ, 2001. – 19 с.
73. Иванников И. А. Эффективность государственной власти в России: проблемы теории и практики : монография / И. А. Иванников. — Ростов-на-Дону: Антей, 2004. — 136 с.
74. Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем / О. И. Иванов. – СПб. : Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2003. – 80 с.
75. Иवानян Э. А. Белый дом: президенты и политика / Э. А. Иवानян. – М. : Политиздат, 1976. – 432 с.
76. Ильин В. В. Власть и деньги / В. В. Ильин. – К. : Книга, 2008. – 560 с.
77. Ильин М. В. Власть / М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль // Психология и психоанализ власти : хрестоматия. В 2 т. Т. 1 / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ, 1999. – С. 53-80.
78. История политических и правовых учений : хрестоматия / авт.-сост.: Е. А. Воротилин и др. ; под ред. О. Э. Лейста. – М. : Городец, 2000. – 512 с.
79. Ільїн В. В. Влада: модус елітності / В. В. Ільїн // Еліта: витоки, сутність, перспектива / В. Г. Кремень, В. В. Ільїн, С. В. Пролєєв [та ін.] ; за ред. В. Г. Кременя. – К. : Т-во «Знання» України, 2011. – С. 61-126.
80. Ільїн В. В. Фінансова цивілізація в перспективах розвитку людини і суспільства / В. В. Ільїн // Наукова еліта як соціально-економічний фактор розвитку держав в умовах глобалізації : зб. матеріалів Міжнар. наук.-практ. конф. (Україна, Київ, 27–28 жовт. 2010 р.) / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова, Ін-т екол. екон. права, Нац. центр «Мала академія наук України». – К. : ТОВ Інформаційні системи, 2010. – Вип. 2. – С.110-114.
81. Калюжна Ю. І. Легітимація та делегітимація політичної влади: український контекст : автореф. дис. на здоб. наук. ступ. канд. політ. Наук : спец. 23.00.02 «Політичні інститути та процеси» / Ю. І. Калюжна. – Харків, 2015. – 20 с.

82. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Иммануил Кант // Соч. В 6 т. Т. 6 / под общ.ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1966. – С. 5-23.
83. Кант И. Метафизика нравов в двух частях / Иммануил Кант // Соч. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ.ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1965. – С. 107-438.
84. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / Иммануил Кант // Соч. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ.ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1965. – С. 59-106.
85. Кемеров В. Е. Государство. Гражданское общество / В. Е. Кемеров // Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М. : Академический Проспект, 2003. – С 102–104.
86. Кириленко И. Г. Рыночная экономика и государственное регулирование / Кириленко И. Г., Макаренко П. М., Мельник Л. Е. – Днепропетровск : Пороги, 1997. – 457 с.
87. Кириченко В. М. Порівняльне конституційне право / В. М. Кириченко, О. М. Куракін – К. : Центр учбової літератури, 2012. – 256 с.
88. Классен, Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма [Электронный ресурс] / Х. Дж. М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н. Н. Крадин и др. – М. : Логос, 2000. – С. 6-23. – Режим доступа : <http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/claessen.htm> (дата обращения: 10.06.2016).
89. Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф / Наоми Кляйн ; пер. с англ. М. Завалова. – М. : Добрая книга, 2009. – 656 с.
90. Коваленко И. Н. Наука и искусство власти менеджера / И. Н. Коваленко, Н. П. Коваленко. –3-е изд., стереотип. – Одесса : Фенікс, 2016. – 512 с.
91. Козлов Н. Д. Национальная идея и историческое сознание / Н. Д. Козлов // Ключ : альманах Пушкинского центра аналитических исследований и прогнозирования : вып. 1 / под.общ. и науч. ред. В. Л. Обухова. – СПб. : [Химиздат], 2009. – С. 36-48.

92. Козловски П. Общество и государство : неизбежный дуализм / Петер Козловски ; [пер. с нем. Петренко Е. Л.]. – М. : Республика, 1998. – 368 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия).
93. Кокорська, О. І. Легітимність влади та довіра в суспільстві, що трансформується: теоретико-методологічні проблеми / О. І. Кокорська // Наукові записки. Том 31, Політичні науки / Національний університет "Києво-Могилянська академія". – К., 2004. – С. 37-42.
94. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 361, [3] с. – (Язык и время ; вып. 2).
95. Колодій А.М. Конституційно-правове регулювання в Україні: Перспективи розвитку / А. М. Колодій // Стратегічні пріоритети: науково-аналітичний щоквартальний збірник. –2008. – № 2 : Конституційний процес в Україні. – С. 135-140.
96. Комаров М. С. Институционализация / М. С. Комаров // Российская социологическая энциклопедия / под общ.ред. Г. В. Осипова. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 160.
97. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков ; [отв. ред. Д. П. Горский] ; АН СССР, Ин-т философии. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – 717, [3] с. : ил.
98. Конституции государств Европейского Союза / под ред. Л. А. Окунькова. – М. : Инфра-М, 1997. – 816 с.
99. Конституція України [Електронний ресурс] : Закон від 28.06.1996 № 254к/96-ВР : документ 254к/96-вр, чинний, поточна редакція – тлумачення від 15.03.2016 / Верховна Рада України // Офіційний веб-портал Верховної Ради України. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (дата звернення: 11.06.2016).
100. Конт О. Основные законы социальной динамики, или Общая теория естественного прогресса человечества / Огюст Конт // Философия истории : антология / сост., ред. и вступ. статья Ю.А. Кимелева. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 116-130.

101. Концепция самоорганизации. Синергетика [Электронный ресурс] : общие положения // Сайт С. П. Курдюмова / редакция сайта: АНО «Центр междисциплинарных исследований» – Режим доступа :<http://spkurdyumov.ru/what/koncepciya-samoorganizacii-sinergetikaobshhie-polozheniya/> (дата обращения: 24.05.2016).
102. Корнієнко В. О. Особливості, значення та умови реалізації діалогу в просторі політичних відносин / Корнієнко В. О., Денисюк А. В. // Гілея: збірник наукових праць. – К., 2015. – Вип. 100. – С. 241-244.
103. Королёв А. И. Государство и власть / Королёв А. И., Мушкин А. Е. // Правоведение. – 1963. – № 2. – С. 15-26.
104. Косолапов Р. И. Свобода и ответственность / Р. И. Косолапов, В. С. Марков. – М. : Политиздат, 1969. – 96 с.
105. Котюк В. О. Основы державы і права / В. О. Котюк. – Вид. 3-тє, допов. і перероб. – К. : Атіка, 2001. – 431 с.
106. Кравченко А. И. Политология / А. И. Кравченко – М. : Академия, 2001. – 336 с.
107. Кравченко В. И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе : монография / В. И. Кравченко. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – 271 с.
108. Кравченко И. И. Институционализация / И. И. Кравченко // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2001. – С. 125.
109. Крадин Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов [Электронный ресурс] / Н. Н. Крадин // История и Математика. Модели и теории : [альманах] / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – М. : ЛКИ : URSS, 2008. – С. 166–200. – Режим доступа : http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=51&Itemid=1 (дата обращения: 10.06.2016).
110. Крапивенский С. Э. Социальная философия / С. Э. Крапивенский. – 3-е изд., испр. и доп. – Волгоград : Комитет по печати, 1996. – 352 с.

111. Красин Ю. А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу / Ю. А. Красин // Полис. – 1992. – № 5-6. – С. 97-105.
112. Краснов М. А. Ответственность власти (государство в открытом обществе) / М. А. Краснов. – М. : Магистр, 1997. – 56с. – (Политика и право).
113. Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства : монография / М. А. Краснов ; РАН, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1992. – 224 с. – (Юрид. науки).
114. Краснокутский А. В. Студенчество и власть: детерминанты взаимодействия в современной Украине / Краснокутский А. В. // Актуальні проблеми культури сучасного студентства України : матеріали обласного "круглого стола" (29 листопада 2002 р.). – Запоріжжя: ЗДУ, 2003. – С. 53-68.
115. Кресіна І. О. Вплив децентралізації на ефективність публічної влади/ Ірина Кресіна // Віче. – 2015. – № 12. – С. 11-13.
116. Кресіна І. О. Держава і громадянське суспільство: проблеми взаємодії / І. О. Кресіна // Держава і право. – 2013. – Вип. 62. – С. 378-383.
117. Кресіна І. О. Політична відповідальність: особливості предмета дослідження / І. О. Кресіна, А. А. Коваленко // Держава і право. – 2012. – Вип. 57. – С. 485-489.
118. Кривега Л. Д. Мировоззренческие ориентации личности в условиях трансформации общества / Л. Д. Кривега. – Запорожье : ЗГУ, 1998. – 189 с.
119. Кримінальне право України. Загальна частина / Г. В. Андрусів [та ін.] ; ред. П. С. Матишевський [та ін.] ; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. Юридичний факультет. – К. : Юрінком Інтер, 1999. – 506 с.
120. Кропоткин П. А. Современная наука и анархия : пер. с фр. / П. Кропоткин. – Пг. ; М. : Голос труда, 1920. – 316 с.
121. Кучма Л. Д. Утверджувати інноваційну модель економічних перетворень : виступ Президента України Л. Кучми на науково-практичній конференції 21 лют.2003 року / Л. Д. Кучма // Урядовий кур'єр. – 2003. – 25 лютого (№ 36). – С. 3-5.

122. Ламетри Ж.О. Опыт о свободе высказывания мнений / Ж.О. Ламетри // Соч. / общ.ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1983. – С. 296-348.
123. Лафитский В. И. Основы конституционного строя США / В. И. Лафитский. – М. : Норма, 1998. – 272 с.
124. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М. : РОССПЭН, 2001. – 384 с.
125. Ледяева О. М. Власть как предмет социально-философского анализа : автореф. дис. на соиск. науч. степ.канд. филос. наук : спец. 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм» / О. М. Ледяева. – Иваново, 1989. – 19 с.
126. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) : монография / О. Э. Лейст. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 240 с.
127. Лисеенко Е. В. Политическая ментальность современного украинского общества / Е. В. Лисеенко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. – Харків : Видавничий центр ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – С. 214-217.
128. Локк Дж. Два трактата о правлении / Джон Локк // Соч. В 3 т. Т.3 / Джон Локк ; [ред. и сост. тома, автор примеч. А. Л. Субботин]. – М. : Мысль, 1988. – С. 135-406.
129. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли ; пер. Г. Муравьевой // Избр. соч. / вступ. ст. К. Долгова ; сост. Р. Хлодовского ; коммент. М. Андреева, Р. Хлодовского. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 301-378.
130. Маркс К. Сочинения. В. 50 т. Т. 25, ч. 1 / К. Маркс и Ф. Энгельс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1961. – VI, 545 с.
131. Масуда Й. Комп'ютопія / Масуда Й. ; пер. з англ. В. Ляха // Філософська і соціологічна думка. – 1993. – № 6. – С. 36-50.
132. Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика / под общ.ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова ; В. П. Бранский и др. ; отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев. – 1981. – 374 с. : ил.

133. Миненков Г. Я. Социальная эволюция / Г. Я. Миненков // Всемирная энциклопедия. Философия / [главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов]. — М. : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2001. — С. 991.
134. Монтень М. Опыты : избр. гл. / Мишель Эйкем де Монтень ; сост., вступ. ст. Г. Косикова ; примеч. Н. Мавлевич. — М. : Правда, 1991. — 656 с.
135. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Шарль Луи Монтескье ; сост., пер. и коммент. А. В. Матишук. — М. : Мысль, 1999. — 672 с.
136. Мостепаненко М. В. Что такое возможность и как она превращается в действительность / Мостепаненко М. В. — М. : Госполитиздат, 1957. — 52 с.
137. Музиченко Г. В. Трансформаційні процеси в Україні: роль громадянського суспільства / Г. В. Музиченко // Перспективи : соціально-філософський журнал. — 2014. — № 2 (60). — С. 77-81.
138. Муляр В. І. Проблема становлення особистості в системі “індивід – суспільство” (філософсько-культурологічний аналіз) : дис. ... д-ра філос. наук : 09.00.03 / Муляр В. І. — Житомир, 1999. — 362 с.
139. Надольний М. І. Мета і засоби мети / Надольний М. І. // Соціальна філософія : короткий енциклопедичний словник / В. П. Андрущенко [та ін.] ; загал. ред. В. П. Андрущенко, М. І. Горлач. — 2-ге вид., випр. й доп. — Київ ; Харків : Рубікон, 1997. — С. 236-237.
140. Назаров Б. Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности / Б. Л. Назаров // Советское государство и право. — 1981. — № 10. — С. 29-38.
141. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П. Е. Недбайло // Правоведение. — 1971. — № 3. — С. 44-53.
142. Никитин С. А. Политика / С. А. Никитин // Социальная философия : словарь / сост. и общ.ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. — М. : Академический Проспект, 2003. — С. 309-310.
143. Николко М. В. Коммуникационная природа легитимационных процессов : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Николко Милана Владимировна. — Симферополь, 2004. — 203 с.

144. Новая Российская энциклопедия. В 12 т. Т. 4 (1). Винчестер – Гамбург / гл. ред. А. Д. Некипелов ; ред. Б. В. Ананьич, В. И. Данилов-Данильян. – М. : Энциклопедия : ИНФРА-М, 2008. – 480 с. : ил.
145. Новий тлумачний словник української мови : 42000 сл. У 4 т. Т. 1. А-Є / уклад. [та передм.]: Василь Яременко, Оксана Сліпушко. – К. : Аконіт, 1998. – 910 с. – (Нові словники).
146. Общество и власть / С. И. Алексеев [и др.]. – М. : Темпо, 2005. – 221 с.
147. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы / В. В. Одинцов. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1988. – 172 с. : ил.
148. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / Мансур Олсон ; пер. с англ. Борис Пинскер ; ред. Юрий Кузнецов. – М. : Новое издательство, 2012. – 212 с.
149. Олсон М. Диктатура, демократия и развитие / М. Олсон // Теория и практика демократии : избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. – М. : Ладомир, 2006 – С. 375-382.
150. Отбор естественный [Электронный ресурс] // Генетика. Энциклопедический словарь / Н. А. Картель, Е. Н. Макеева, А. М. Мезенко. – Минск : Белорусская наука, 2011. – Режим доступа : http://genetics_dictionary.academic.ru/3527 (дата обращения: 10.06.2016).
151. Павловський М. А. Стратегія розвитку суспільства: Україна і світ (економіка, політологія, соціологія) / М. А. Павловський. – К. : Техніка, 2001. – 312 с.
152. Пазенок В. С. Воля / В. С. Пазенок // Соціальна філософія : короткий енциклопедичний словник / заг. ред. і уклад.: В. П. Андрущенко, М. І. Горлач. – Київ ; Харків : Рубікон, 1997. – С. 91-92.
153. Парнюк М. А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме / Парнюк М. А. // Современный детерминизм и наука : сб. статей. В 2 т. Т. 1: Общие проблемы детерминизма / отв. ред. Г. А. Свечников. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 5-34.
154. Перегуда Є. В. Розвиток механізмів взаємодії центральних та місцевих органів виконавчої влади України в умовах суспільно-політичної модернізації:

- автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра політ. наук : спец. 23.00.02«Політичні інститути та процеси» / Перегуда Євген Вікторович. – К., 2013. – 36 с.
155. Плавич В. П. Сучасна правотворчість: проблеми теорії та методології : монографія / В. П. Плавич, С. В. Плавич. – Одеса : Астропринт, 2013. – 276 с.
156. Платон. Государство / Платон ; пер. А. Н. Егунова // Соч. В 4 т. Т. 3 / общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1994. – С. 79-420.
157. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности / А. Ф. Плахотный. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. – 191, [1] с.
158. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 1 /Плутарх; изд. подгот. С. П. Маркиш и С.И. Соболевский. – М. : АН СССР, 1961. – 503 с. – (Литературные памятники).
159. Подсевная А. П. Общественная воля, её место и роль в жизни общества : автореф. дис. на соиск. науч. степ.канд. филос. наук : спец. 09.00.01 «Диалектический и исторический материализм»/ А. П. Подсевная. – Иркутск, 1973. – 27 с.
160. Политический режим [Электронный ресурс] // Экономика и право: словарь-справочник / авт.-сост.: Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – М. : Вуз и школа, 2004. – 1072 с. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/11137/ПОЛИТИЧЕСКИЙ_РЕЖИМ (дата обращения: 10.06.2016).
161. Политический словарь / под ред. проф. Б.Н. Пономарева. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958. – 703 с.
162. Политология / под ред. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. – М. : Высш. образование, 2007. – 692 с.
163. Політичні режими сучасності та перехід додемократії / С. Давимука, А. Колодій, Ю. Кужелюк, В. Харченко. – Львів : [б. и.], 1999. – 168 с. : 15 табл.
164. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. Чары Платона / Карл Поппер ; пер. с англ. под общ.ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, 1992. – 448 с.

165. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы/ Карл Поппер ; пер. с англ. под общ.ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, 1992. – 528 с.
166. Пригожин И. Р. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс, 1999. – 266 с. : ил.
167. Проблемы ответственности в управлении : Круглый стол административистов СССР и ГДР // Советское государство и право. – 1979. – № 4. – С. 138-141.
168. Пролеев С. В. Ідея і тема влади у філософському дискурсі: античний контекст // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ : науково-теоретичний журнал. – 2007. – Спеціальний випуск №3. У 4-х ч. Ч. 1 : Ідея права і держава. – С. 47-61.
169. Пролеев С. В. Метафізика влади : монографія / С. В. Пролеев ; НАН України, Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди. – К. : Наукова думка, 2005. – 324 с.
170. Пролеев С. В. Феномен влади: сутність, генезис, типи легітимації (соціально-філософський аналіз) : дис. ... д-ра філос. наук : 09.00.03 / Пролеев Сергій Вікторович. – К., 2006. – 440 арк.
171. Пунченко О. П. Цивилизационное измерение истории человечества : [монография] / Олег Петрович Пунченко – Одесса : Астропринт, 2013. – 448 с.
172. Пятаков А. В. Ответственность по советскому трудовому праву / Пятаков А. В. // Советское государство и право. – 1981. – № 12. – С. 29-37.
173. Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави / П. М. Рабінович. – 5-е вид., зі змінами. – К. : Атіка, 2001. – 176 с.
174. Радько Т. Н. Политический режим [Электронный ресурс] / Т. Н. Радько // Теория государства и права в схемах и определениях / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2011. – Режим доступа : http://state_law.academic.ru/316/Политический_режим (дата обращения: 20.05.2016).

175. Ребкало В. А. Макрополітичні складові формування збалансованої публічної влади / В. А. Ребкало, В. М. Козаков // Економіка та держава. – 2011. – № 2. – С. 108-109.
176. Родин А. В. Синергетика и детерминизм [Электронный ресурс] / А. Родин // Сайт Московского международного синергетического форума / ред. коллегия: В. И. Аршинов, Ю. А. Данилов, Е. Н. Князева и др. – Режим доступа : <http://www.synergetic.ru/philosophy/sinergetika-i-determinizm.html> (дата обращения: 25.05.2016).
177. Розенфельд, Ю. Н. Интеллигенция и власть : научное издание / Ю. Н. Розенфельд // Нравственные императивы интеллигенции : материалы IV Международной научно-теоретической конференции по проблемам современной интеллигенции, (Харьков, 4 февраля 2006 г.) / М-во образования и науки Украины, Харьковская обл. гос. администрация, Совет ректоров Харьковского региона. – Харьков : Нар.укр. акад., 2006. – С. 62-63.
178. Романенко Ю. В. Образи смислоутворюючих чинників в функціонуванні соціальних систем : дис. ... д-ра соціол. наук : 22.00.01 / Романенко Юрій Вікторович. – К., 2006. – 553 арк.
179. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Опыт о форме Республики. (Первый набросок) / Жан-Жак Руссо ; пер. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова // Трактаты / Жан-Жак Руссо ; изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов [и др.]. – М. : Наука, 1969. – С. 303-351.
180. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права / Жан-Жак Руссо ; пер. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова // Трактаты / Жан-Жак Руссо ; изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов [и др.]. – М. : Наука, 1969. – С. 151-256.
181. Рябов С. Г. Легітимація влади як соціально-філософська проблема (концептуально-методологічний аналіз) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філос. наук : спец. 09.00.03 «Соціальна філософія та філософія історії» / Рябов Сергій Геннадійович. – К., 1997. – 32 с.

182. Самощенко И. С. Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. – М. : Юрид. лит., 1971. – 240 с.
183. Санжаревский И. И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии [Электронный ресурс] / Санжаревский И. И. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов, 2012. – Режим доступа : http://read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-087.htm (дата обращения: 10.06.2016).
184. Светлов В. А. Практическая логика / В. А. Светлов. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. – 472 с. : ил.
185. Свечников Г. А. Диалектика причинной связи. / Г. А. Свечников. – М. : Знание, 1967. – 30 с. – (Новое в жизни, науке, технике ; 5. Философия, 2 серия).
186. Серебрянников В. В. Ответственность как принцип власти / В. В. Серебрянников // Свободная мысль. – 1998. – № 3. – С. 16-26.
187. Система [Электронный ресурс] : [статья онлайн-энциклопедии] // Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 575 с. – Режим доступа : http://slovari.bibliofond.ru/enc_philosophy_word/Система/ (дата обращения: 23.05.2016).
188. Сікора І. Неоконсервативна ідеологія і практика реформ та проблеми її легітимації в Україні / Сікора І. // Молода нація: альманах. – К., 1997. – № 6. – С. 71-96.
189. Скрипнюк А. Право и демократия в условиях формирования и развития национальной правовой системы / А. Скрипнюк // Право Украины. – 2013. – № 1. – С. 52-67.
190. Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз., 1986. – 607 с.
191. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. А – Й / ред. А. П. Евгеньева и Г. А. Разумникова. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – 696 с.
192. Словник української мови. У 11 т. Т. 1. А-В / [ред.: П. Й. Горещкий та ін.]. – К. : Наукова думка, 1970. – 799 с.

193. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. / Н. Смелзер ; науч. ред. В. А. Ядов ; пер. З. П. Вольская. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
194. Сморгун Л. В. Политология / Л. В. Сморгун, В. А. Семенов. –СПб. : [б. и.], 1996. – 205 с.
195. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьёв // Соч. В 2 т. Т. 1 / сост. и общ.ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1988. – С. 47-548.
196. Солонько И. В. Ключевая вода. Просто о сложном в жизни человека и общества / Солонько Игорь Викторович. – СПб. : СОЛО, 2008. – 140 с.
197. Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин ; [вступ. ст. Ю. В. Яковца]. – М. : Территория будущего : РОССПЭН, 2005. – 702, [1] с. – (Социология.Политология).
198. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь/ Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. – СПб.: Мир, 2012. – 336 с.
199. Страна [Электронный ресурс] : [статья онлайн-энциклопедии] // География / гл. ред. А. П. Горкин. – М. : РОСМЭН, 2007. – 624 с. – (Современная иллюстрированная энциклопедия). – Режим доступа : <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=159&wordid=1239478> (дата обращения: 21.05.2016).
200. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности / Строгович М. С. // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72-78.
201. Судзуки Д. Т. Основы дзэн-буддизма / Д. Т. Судзуки // Дзэн-Буддизм / сост., ред. В. А. Шериев. – Бишкек : Одиссей, 1993. – С. 18-468.
202. Сыроватская Л. А. Ответственность по советскому трудовому праву / Л. А. Сыроватская. – М. : Юрид. лит., 1974. – 183, [1] с.
203. Тайлор Э. Б. Первобытная культура : пер. с англ. / Э. Б. Тайлор ; пер. с англ. Д. А. Коропчевского, предисл. и примеч. И. А. Першица. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с. : ил. – (Библиотека атеистической литературы).

204. Теоретические и прикладные аспекты формирования смешанной экономики / Н. Д. Прокопенко [и др.] ; НАН Украины, Ин-т экономики пром-сти. – Донецк : [б.и.], 1998. – 319 с.
205. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М. : Облиздат : Алир, 1998. – 672 с.
206. Тойнби А. Дж. Исследование истории. В 3 т. Т. 1 / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. – СПб. : Изд-во СПбГУ : Изд-во Олега Абышко, 2006. – 407, [1] с.
207. Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с фр. / Алексис де Токвиль ; авт. предисл. Дж. Ласки Гарольд ; пер. В. Т. Олейник [и др.]. – М. : Прогресс : Литера, 1994. – 554 с. : ил.
208. Толстой Л. Н. Эпилог, часть вторая [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой // Война и мир. В 4 т. Т. 4 / Л. Н. Толстой. – (Лев Николаевич Толстой об исторической науке). – Режим доступа : <http://old.kre.ru/rating/analytics/history/1067/> (дата обращения: 11.06.2016).
209. Тоффлер О. Метаморфозы власти : знание, богатство и сила на пороге XXI в. / Элвин Тоффлер ; [пер. с англ. В. В. Белокосков и др.]. – М. : АСТ, 2004. – 668, [1] с. – (Philosophy).
210. Турэн, А. Что означает демократия сегодня? / А. Турэн // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 1. – С. 1-20.
211. Удовика Л. Г. Діалектика моралі і права у розвитку демократії : дис. ... канд. філос. наук : 09.00.03 / Удовика Лариса Григорівна. – Запоріжжя, 1998. – 181 арк.
212. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения / А. И. Уёмов. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 183, [1] с.
213. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания / А. И. Уёмов. – Одесса : Студия «Негоциант», 2000. – 160 с.
214. Философский словарь / А. В. Адо [и др.] ; ред. И. Т. Фролов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.

215. Хаврук І А. Референдуми в перехідних демократіях (на прикладі України, Білорусі та Росії) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. політ. наук : спец. 23.00.02 «Політичні інститути та процеси» / Хаврук Ігор Анатолійович. – Чернівці, 2006. – 20 с.
216. Халапсис А. В. Государство и будущее / А. В. Халапсис // Перспективи : соціально-політичний журнал. – 2014. – № 3 (61). – С. 108-112.
217. Халапсис А. В. Социальное прогнозирование и синергетическая модель культуры / Алексей Владиславович Халапсис // Філософія, культура, життя. – 2006. – Вип. 26. – С. 36-48.
218. Халипов В. Ф. Власть : кратологический словарь / В. Ф. Халипов. – М. : Республика, 1997. – 431 с.
219. Халипов В. Власть: система и механизмы / Халипов В. // Деловая жизнь. – 1991. – № 22. – С. 52-56.
220. Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества : введение в конституционное и административное право Европейского сообщества / Т. К. Хартли ; пер. с англ. и науч. ред. В. Г. Бенды. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 1998. – 703 с.
221. Хачатрян А. С. Подходы к пониманию политического режима / Хачатрян А.С., Плешков Е.В. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2014. – №4 (12). – С. 165-169.
222. Хлюпин А. Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? / А. Д. Хлюпин // Политические исследования. – 2004. – № 6. – С. 6-15.
223. Цветков В. В. Демократія. Управління Бюрократія : в контексті модернізації українського суспільства / В. В. Цветков, В. П Горбатенко. – К. : Ін-т держави і права ім. В. І. Корецького НАН України, 2001. – 346 с.
224. Циолковский К. Э. Грёзы о земле и небе: научно-фантастические произведения / К. Э. Циолковский ; авт. предисл. В. И. Севастьянов ; авт. послесл. Ю. М. Медведев. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1986. – 447 с.

225. Черныш А. М. Политическая ответственность в системе социалистического народовластия / А. М. Черныш. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1987. – 193 с.
226. Шаповал В. М. Держава, влада, народ як категорії конституціоналізму / В. М. Шаповал // Право України : Юридичний журнал. - 2014. - № 10. - С. 151-174.
227. Шаронов В. В. Соотношение социального и антропологического знания / В. В. Шаранов // Философия и методология познания / под общ.и науч. ред. В. Л. Обухова, Ю. Н. Солоница, В. П. Сальникова и В. В. Васильковской. – СПб, 2003. – Гл. 28. – С. 499-517.
228. Шелер М. Философское мировоззрение. 1929 : [сборник статей] / Макс Шелер // Избранные произведения / Макс Шелер ; сост., науч. ред. Денежкина А. В. ; пер. с нем. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филлипова А. Ф. – М. : Гнозис, 1994. – С. 1-128.
229. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Соч. В. 50 т. Т. 20 / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 339 – 626.
230. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Росс Эшби ; пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. В. А. Успенского ; с предисл. А. Н. Колмогорова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с. : ил.
231. Юм Д. О политическом обществе / Давид Юм ; [пер. В. С. Швырева] // Соч. В 2 т. Т. 2 / [пер. с англ. С. И. Церетели, В. С. Швырева и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 1996. – С. 209-215. – Исследование о принципах морали ; гл. IV.
232. Юм Д. О происхождении государственной власти / Давид Юм ; [пер. С. И. Церетели] // Соч. В 2 т. Т.1 / [пер. с англ. С. И. Церетели, В. В. Васильева, В. С. Швырева]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 1996. – С. 573-578. – Трактат о человеческой природе ; кн. 3, ч. 2, гл. 7.
233. Яхот О. О. Причина и следствие / О. Яхот. – М. : Знание, 1957. – 48 с.
234. Arendt H. Communicative Power / Hannah Arendt // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford : Blackwell, 1986. – P. 59-74.

235. Benn S. I. Power / Stanley I. Benn // The Encyclopedia of Philosophy. In 8 vol. Vol. 6 / Paul Edwards, editor in chief. – New York: Macmillan, [1967]. – P. 424-427.
236. Benton T. Objective Interests and the Sociology of Power / T. Benton // Power : Critical Concepts. In 3 v. Vol. 2 / ed. by John Scott. – London : Routledge, 1994. – P. 283-307.
237. Blau P.M. Differentiation of Power / Peter Blau // Political Power: A Reader in Theory and Research / ed. by R. Bell, D. V. Edwards and R. Harrison Wagner. – New York : The Free Press ; London : Collier-Macmillan, [1969]. – P. 293-308.
238. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life / Peter M. Blau. – New York : J. Wiley, [1964]. – XXIII, 352 p.
239. Chazel F. Power, Cause and Force / F. Chazel // Power and Political Theory: Some European Perspectives / ed. by B. Barry. – London : Wiley, 1976. – P. 55-65.
240. Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? / Henri J. M. Claessen // Social Evolution & History. – 2002. – Vol. 1, No. 1. – P. 101-117.
241. Crespigny A. Power and Its Forms / Anthony de Crespigny // Political Studies. – 1968. – Vol. 16, No. 2. – P. 192-205.
242. Dahl R. Power as the Control of Behavior / Robert A. Dahl // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford : Blackwell, 1986. – P. 37-58.
243. Dahl R. The Concept of Power / Robert A. Dahl // Political Power. A Reader in Theory and Research / [comp.by] R. Bell, D. V. Edwards and R. Harrison Wagner. – New York : The Free Press ; London : Collier-Macmillan, 1969. – P. 79-93.
244. Dahl R. A. Who governs?: Democracy and Power in the American City (Yale Studies in Political Science) / Robert A. Dahl. – 2nd revised ed. – New Haven: Yale University Press, 2005. – 384 p.
245. Deutsch K. W. The Nerves of Government. Models of Political Communication and Control / Karl W. Deutsch. – London : Free Press of Glencoe, [1963]. – XVIII, 316 p. : ill.
246. Foucault M. Disciplinary Power and Subjection / Michel Foucault // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford : Blackwell, 1986. – P. 227-242.

247. Foucault M. The Subject and Power / Michel Foucault // Power : Critical Concepts. In 3 v. Vol. 1 / ed. by John Scott. – London : Routledge, 1994. – P. 218-233.
248. Fukuyama F. State Building : Governance and World Order in the Twenty-First Century / Francis Fukuyama. – London : Profile Books, 2005. – XXII, 186 p. : ill.
249. Goldman A. I. Toward a Theory of Social Power / Alvin I. Goldman // Philosophical Studies. – 1972. – Vol. 23, No. 4. – P. 221-268.
250. Lasswell H. D. Power and Society; a Framework for Political Inquiry / Harold D. Lasswell and Abraham Kaplan. – New Haven : Yale University Press, 1950. – XXIV, 295 p.
251. Lukes S. Power: a Radical View / Steven Lukes. – 2nd ed. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2004. – VIII, 192 p.
252. Morriss P. Power. A Philosophical Analysis / Peter Morriss. –Manchester : Manchester University Press, 1987. – VI, 266 p. : ill.
253. Nagel J. H. The Descriptive Analysis of Power / Jack H. Nagel. – New Haven : Yale University Press, 1975. – XI, 200 p.
254. Oppenheim F. E. Power and Causation / Felix E. Oppenheim // Power and Political Theory: Some European Perspectives / ed. by Brian Barry. – London ; New York : Wiley, 1976. – P. 103-116.
255. Oppenheim F. E. The Language of Political Inquiry: Problems of Clarification / Felix E. Oppenheim // Handbook of Political Science. In 8 v. Vol. 1. Political Science : Scope and Theory / ed. by Fred I. Greenstein, Nelson W. Polsby. – Reading, Mass. : Addison-Wesley, 1975. – P. 283-335.
256. Parsons T. Power and the Social System / Talcott Parsons // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford : Blackwell, 1986. – P. 94-143.
257. Riker W. H. Some Ambiguities in the Notion of Power / William H. Riker // The American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58, No. 2. – P. 341-349.
258. Russel B. Power : A New Social Analisis / Bertrand Russell. – London : Unwin, 1983. – 207 p.

259. Toynbee A. J. A Study of History. In 2 vol. Vol. 1. Abridgement of volumes 1-6 by D. C. Somervell / Arnold J. Toynbee. – New York : Oxford Univ. Press, 1947. – XIII, 617 p.
260. Wormuth F. D. Matched-dependent Behavioralism: The Cargo Cult in Political Science / Francis D. Wormuth // The Western Political Quarterly. – 1967. – Vol. 20, No. 4. – P. 809-840.
261. Wrong D. H. Power, Its Forms, Bases, and Uses : with a New Preface / Dennis H. Wrong. – Chicago : University of Chicago Press, 1988. – XVI, 326 p.
262. Wrong D.H. Some Problems in Defining Social Power / Dennis H. Wrong // Power : Critical Concepts. In 3 v. Vol. 1 / ed. by John Scott. – London : Routledge, 1994. – P. 62-71.
263. Young R. A. Steven Lukes's Radical View of Power / R. A. Young // Canadian Journal of Political Science. – 1978. – Vol. 11, No. 3. – P. 639-649.